

Анастасия Новых

Сэнсэй-II

Исконный Шамбалы.

(книга вторая)

От Правды не сокроешься, от **Мудрости** не утаишь. Нет на Земле ничего **тайного**, чтобы когда-нибудь оно не стало явью. Людская жизнь и смерть — поток единого процесса. **Понять** прошлое — **значит** научиться преодолевать опасности настоящего. **Выплыть** же из него возможно, лишь став Человеком!

Книга составлена по заметкам из личного дневника бывшей десятиклассницы, отражающим события лета 1991 года.

Пролог

— Но не всё ж так плохо. Тем более, раз ты решил остаться, дай им ещё один шанс и позволь мне...

В этот момент невесть откуда над морем пронёсся лёгкий ветерок, оживляя лунную дорожку. Последняя завораживающе заискрилась своими серебристыми переливами, маня в таинственную даль. Природа как будто специально дразнила Существо, с одной стороны окружая его своей вечностью, а с другой — естественной земной красотой. Видимо, в этом ненавязчивом порыве скрывалась какая-то сокровенная, ведомая только ей одной тайна.

— Если тебе так хочется, пожалуйста, пробуй. Пока мы здесь, время ещё есть... Но только поле уже давно созрело. И скопище сорняка, неустанно размножающегося, уж чересчур начинает отягощать землю... Слабые оказались посевами, несмотря на то что за ними ухаживали: секунды иллюзии затмили им реальность вечности.

— И всё же я надеюсь отыскать...

Очередной порыв ветра унёс слова в своё безбрежное пространство. Две части Существа вновь соединились в своей сущности. Воцарилась недолгая тишина. И только лишь костёр тихо потрескивал сгоравшими ветками. Подложенные изящные прутики быстро превращались в обугленную бесформенную кучку золы. Странно, прошло всего лишь мгновение, и вроде бы и не было никогда этой чудно□й материи, словно и не существовала она вовсе.

* * *

Камень, упавший в песок — шелест песчинок.

Волны □ прибой — шелест песчинок.

Твой стремительный бег,

Стопа в песок — шелест песчинок.

Жизнь — это всего лишь шаг,

А годы в ней — шелест песчинок.

Ригден Джаппо

1

Все ребята побежали купаться. Наконец-то настал момент, когда Сэнсэй остался один. Он стоял на мелководье, постепенно привыкая к прохладной морской воде. Воспользовавшись его одиночеством, я стала рассказывать ему свой странный сон о Красном Всаднике, который приснился накануне ночью. Это необычное видение поразило меня своей небывалой реалистичностью, яркостью и эмоциональностью. Повествуя об этом Сэнсэю, я посетовала на то, что никак не могу вспомнить его смысл, помню лишь, что это было очень важно для меня. Вопреки моим ожиданиям полной расшифровки данного сна с физиологической и философской точек зрения, Сэнсэй лишь улыбнулся и, как-то загадочно посмотрев на меня, произнёс:

— Придёт время, и ты всё узнаешь.

Данные слова крайне заинтриговали мою особу, но Сэнсэй больше ничего к этому не добавил. Оставив меня в полной растерянности, он присоединился к компании наших молодцев, которые уже всю резвились, пытаясь остановить своими богатырскими телами набегающие волны. «Странный сон. Странный ответ. И что бы это всё могло значить?» — вновь задумалась я.

Наблюдая за Сэнсэем со стороны, я не переставала в который раз удивляться, насколько естественен он был в казалось бы совершенно разных сферах реальности. В компании с ребятами он практически ничем не выделялся, разве что большей выносливостью и великолепным чувством юмора. Но стоило, образно говоря, затронуть струны его духовной жизни, как от них начинала исходить прекрасная мелодия, чарующая своей необычной возвышенностью, простотой, утонченностью и в то же время необыкновенной мудростью, которая прямо-таки притягивала к нему...

Удивительно загадочный Человек. Анализируя прошлое, я наткнулась на интересное наблюдение: всё — с кем или чем бы Сэнсэй не сталкивался, начинало постепенно изменяться. Для меня оставалось непостижимым, как он это делал? Взять хотя бы мою судьбу. Ведь ещё полгода назад моё тело, несмотря на семнадцатилетний возраст, находилось на волосок от гибели. И в тот трудный период, когда практически вокруг витала полная безысходность, и глаза близких родственников были полны скорби и сочувствия, именно в этот «последний момент» я встретила мастера восточных единоборств — Сэнсэя, познания и возможности которого явно выходили за рамки повседневной обыденности. Сэнсэй в бук-

вальном смысле изменил не только мою судьбу, но и весь мир в моём восприятии. Теперь я точно уверена, что эта встреча отнюдь не являлась счастливой случайностью, как предполагала ранее. Сложив все «неожиданные случайности», которые неумолимо привели меня к определённым последствиям в жизни, я обрела уверенность, что данная встреча — скорее закономерность, проявление чьей-то воли свыше. И раз благодаря Сэнсэю я осталась всё-таки жива, значит Кому-то это было нужно.

Но зачем? И для чего? Что в моих силах сделать такое, ради чего меня оставили? Трудно гадать о том, о чём не ведаешь. Да и как можно постичь до конца замысел Высших сил? Ведь случайная встреча, слово, даже бессловесное действие может породить такую цепочку событий, которая незримо приведёт к каким-то глобальным изменениям, будь то в отдельных индивидах или в масштабах общества в целом. Но обычный человек, совершивший этот первоначальный толчок, так, наверное, и останется в неведении общего результата своего поступка, поскольку живёт в ограниченном мире мыслей и окружении исключительно «своей реальности». И самое удивительное то, что каждый человек ежедневно, даже не подозревая об этом, вносит по воле собственного выбора свой небольшой вклад в этот нарастающий снежный ком грядущих событий.

Я интуитивно чувствовала, что разгадка истинного смысла моей судьбы кроется в этом таинственном сне. И как любопытному человеку мне хотелось узнать всё сразу и желательно поподробнее. Но тайна оставалась тайной.

2

После аппетитного завтрака наша большая компания с блаженством улеглась на песочке, предоставляя свои тела ласковым лучам утреннего солнца. Наша компания — это группа разновозрастных энтузиастов, объединённых общим увлечением восточными единоборствами (и не только), а также особым, искренним уважением к нашему тренеру Игорю Михайловичу, которого мы по-дружески называли Сэнсэем.

Сэнсэй — действительно личность неординарная. Внешне он ничем не выделялся из компании. Молодой светловолосый мужчина спортивного телосложения. Разве что необыкновенные пронизательные и умные глаза мог бы заметить при первом взгляде внимательный наблюдатель. А так... По возрасту и солидности скорее выделялся наш сорокалетний психотерапевт Николай Андреевич. По серьёзности — Володя, давнишний друг Сэнсэя, который возглавлял какое-то подразделение специального назначения, как говорят в народе — «спецназ». По командному голосу — Виктор, наш старший сэмпай, молодой парень, работающий в милиции. По задору, розыгрышам и неистощимому юмору — Женя и его друг Стас, высокие парни атлетического телосложения из старшей группы. Ну, а по юности — Руслан и Юра, а также наша развесёлая компания, которая когда-то, насмотревшись фильмов о восточных единоборствах, отправилась на поиски хорошего Учителя и набрела на такой кладёз знаний, как Сэнсэй, даже в мыслях не предполагая, что такие уникальные личности существуют на белом свете. Наша развесёлая компания — это Андрей, Костик, Славик, Татьяна и я. В этом году для нас уже «отгремел» последний школьный звонок, прошла жаркая пора выпускных экзаменов. Позади школьные годы, а впереди целая жизнь со своими горестями и радостями, победами и поражениями, падениями и взлёта-

ми. И мы как раз находились в той самой неопределённой «серединке», которая нам казалась самым лучшим временем для «передышки».

Шел всего лишь третий день незабываемого отдыха с Сэнсэем на морском побережье. Но какие это были дни! Это было то самое золотое время, когда ты имеешь возможность не только отдохнуть в компании со своими лучшими друзьями, но и пополниться потрясающими впечатлениями, самое главное, мудростью от столь душевного общения с Сэнсэем.

Славик и Юра во главе с Володей, следуя армейскому порядку, пошли к морю драить песочком посуду, поскольку сегодня утром настала их очередь. Причём никаких возражений со стороны молодых ребят даже не последовало. Им хватило одного лёгкого напоминания в виде командно-басистого голоса Володи «Пошли!», чтобы с энтузиазмом схватиться за кастрюли. Эта комичная ситуация вызвала целый поток шуток в Володину сторону. Но Володя, ничуть не смутившись, по-военному сказал:

— Порядок есть порядок.

В руках у Николая Андреевича вновь появилась книга, с которой он уже третий день не расставался, время от времени её почитывая. Судя по тем вопросам, которые он поднял в беседе с Сэнсэем, книга наверняка была как-то связана с его психотерапевтической деятельностью. Он рассуждал о том, что психология, к сожалению, ещё молодая наука и что хороший психолог на сегодняшний день должен быть и хорошим философом, ибо у первоначальных источников развития науки психологии стояли именно философы.

— Вот возьмите хотя бы одного из первых родоначальников психологии — Сократа. Послушайте, какие замечательные слова он написал. — Николай Андреевич открыл заложенную страницу и зачитал вслух. — «Как не следует пытаться лечить глаза отдельно от головы и голову — отдельно от тела, так и не следует лечить тело, не лечя душу...» И ещё: «Лечить же душу... должно соответствующими заклинаниями, последние представляют собой не что иное, как верные речи, — Николай Андреевич сделал на последних словах особое ударение, — от этих речей в душе укореняется рассудительность, а её укоренение и присутствие обличают внедрение здоровья и в область головы, и в область всего тела».

Николай Андреевич замолчал, пробежал глазами страничку, а затем продолжил:

—«Критий, услышав мои слова, воскликнул: “Мой Сократ, головная боль была бы для юноши истинным даром Гермеса, если бы вынудила его ради головы усовершенствовать и свой разум!”»

— Это точно, — усмехнулся Сэнсэй.

— Надо же, написано четырнадцать веков назад, а актуально до сих пор.

— Безусловно, потому что мудрость не знает времени.

— Да, насколько Сократ верно подметил.

— Сократ лишь передал то, чему его учили. Сократ не был бы Сократом, если бы не встретил на своем пути Критона, которого привлекла его душевная красота и который дал ему соответствующее образование. Поэтому вы глубоко ошибаетесь, думая, что психология берёт начало от Сократа. То, что было передано Сократу от его Учителя, а позднее, соответственно, его потомкам, это всего лишь далёкий отголосок настоящих знаний древних... Психология более древняя наука, чем предполагается. И во-

все не новая. Её родоначальниками и создателями являются отнюдь не Сократ, Уильям Джемс, тем более Ле Бон, Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер и другие. Эти люди пытались лишь через призму своего мировоззрения по крупицам частично восстановить то, что когда-то было дано людям в целом и что легкомысленно утеряно со временем... А вообще эта наука корнями уходит в глубокую древность.

— В отношении философии может быть. Но не научной же теорией и практикой?! — искренне удивился Николай Андреевич.

— Почему? — возразил Сэнсэй. — Как раз именно наукой. Древние владели такими знаниями, до которых современным людям ещё очень далеко. Если сегодня психология только пытается изучить структуру личности, общие закономерности, законы общения между людьми, то для древних это была лишь поверхностная философия, поскольку они владели более тонкими знаниями психологии — различными психотехниками. Они изучали глубины себя, своей души, а не своего Эго. А наука «психология» начинается именно с изучения себя. И чем лучше человек познает себя, тем лучше он будет понимать не только других, но и весь мир в целом.

— Позволь, но и в современной психологии имеется достаточно много разных психотехник.

— Да, но каких психотехник? Как правило, самых элементарных, и заметь, в большинстве своём направленных на материальное начало. Разве можно современное человечество, при нынешнем развитии науки психологии, назвать духовно развитым сообществом? Конечно, нет. Потому что современная психология затрагивает в основном низменный уровень — она пытается разрешить проблемы конфликтов, порожденных Эгом человека. Проще говоря, она варится в бульоне Животного начала, несмотря на то, что в её задачах значится понять душу человеческую. При таком соотношении «теории» и «практики» вы сами понимаете, какое противоречивое будущее ожидает её. То есть, по большому счёту современная психология пытается примирить эгоизм с манией величия.

— Ну, в принципе это одно и то же, — аккуратно заметил психотерапевт.

— Вот и я о том же, — подчеркнул Сэнсэй, давая возможность Николаю Андреевичу глубже осмыслить смысл его слов. — Я ни в коем случае не приуменьшаю значение психологии в современном мире. Это хорошая дисциплина, нужная. Её действительно стоит развивать, она помогает людям снимать стрессы, бороться со своими страхами. Но у меня напрашивается один вопрос, доктор. Скажите мне, пожалуйста, почему все психологи никак не могут навести порядок в своей голове, пытаюсь при этом залезть в чужую голову?

— Ну... как почему? — медленно протянул Николай Андреевич и после короткой паузы оживленно ответил: — Кушать ведь хочется.

Они весело посмеялись, после чего психотерапевт продолжил беседу.

— Если древние владели такими знаниями, значит, по идее, у них должен быть вообще золотой век.

— Совершенно верно. Так оно и было.

Николай Андреевич задумался, а потом спросил:

— А какую древность вы имеете в виду? В нашей цивилизации?

Я заметила, что Николай Андреевич общался с Сэнсэем то по-дружески на «ты», то с переходом на уважительное «вы».

— Я бы, конечно, не назвал даже начало нашей цивилизации древностью. Наша цивилизация существует всего каких-то двенадцать тысяч лет. Хотя в начале её развития человечеству была передана определённая часть знаний, в том числе и в области психологии.

— Переданы знания? Интересно, а кому же они были переданы?

— Эти знания были разбросаны по всему миру: в Европе, Азии, Африке, Южной и Северной Америке. Их хранили как сокровенные знания мудрецы в племенах Древнего Египта, Индии, Месопотамии, Сибири, Китая. Но, несмотря на всю широту географии посвящённых в них, эти знания со временем всё-таки были утрачены. В связи с чем сейчас вы, господа, вынуждены заново изобретать колесо.

— И всё-таки странно. Как эти знания могли получить люди на разных континентах, тем более в племенах? И самое интересное, кто их мог передать? Ведь, насколько мне известно, раньше океан был непреодолимым препятствием. Перелететь его ещё было не на чем, а переплыть практически невозможно.

— Просто в вашем представлении, для того чтобы это сделать, обязательно необходима какая-то техника или, в крайнем случае, приспособление. А древние обходились своими способностями. Я не зря упомянул об их тонких знаниях человеческой психики. Ведь они умели управлять своими способностями. И то, о чём сейчас спорят, — о левитации, телекинезе, телепортации, телепатии и тому подобное — для древних была обыкновенная реальность. Это было так же естественно, как, к примеру, для нас езда на велосипеде или плавание...

— Вот здорово! — беспардонно влез в разговор Руслан, который, как и мы, оказался случайным слушателем беседы «мэтров». — Вот бы нам такие знания! Захотел — полетел. Это ж круто! А можно этому научиться, Сэнсэй?

Сэнсэй глянул на паренька сначала серьёзно, но потом на его лице появилась лёгкая усмешка.

— Конечно, можно.

— А как, если в подробностях это всё рассматривать? — попытался «умно» поставить вопрос Руслан.

Сэнсэй немного помолчал, глядя на него, сохраняя при этом на лице еле заметную улыбку, а потом произнёс:

— Элементарно. Понимаешь, главное в этом деле — твой подход, твоё желание, внутренний настрой и самое важное — твоя большая жажда испытать эту левитацию. Сам принцип левитации не сложен. Основное зерно заключается в твоём желании...

— Ну, это вроде как понятно, а конкретнее... в физическом смысле? — допытывался Руслан, сосредоточенно нахмутив брови, точно перед ним лежал непосильный ребус.

— Конкретней? Ну, скажем так. Каждый человек является генератором строго индивидуального торсионного поля. Это торсионное поле воздействует на фотоны окружающего его физического пространства и взаимодействует с торсионными полями других индивидуумов. Для того чтобы начался эффект ле-

витации, то есть говоря проще эффект зависания в воздухе твоего физического тела, необходимо придать определённое возбуждение с помощью психической энергии и перевести кинетическую энергию в потенциальную и наоборот. Это вызывает мощный всплеск психической энергии, вследствие выброса адреналина, которая и приведёт к огромному возбуждению торсионного поля другого индивидуума, что неминуемо скажется на значительном увеличении и ускорении твоего энергетического потенциала.

Так вот, когда ты настраиваешься мысленно, в лабильной спиновой системе, то есть твоём мозге, возникают определённые спиновые структуры, которые повторяют пространственно-частотную структуру сформированного образа. Эта информация, в свою очередь, передаётся не только организму в целом, но и в окружающую среду и тем самым взаимодействует с фотонами, то есть квантами электромагнитного излучения. При наличии определённых условий, а именно личной силы и чёткой концентрации мысли, происходит эффект, который впоследствии и позволяет резко уменьшить твой вес. А дальше, как говорится, дело техники. Так вот, с какой силой работает твой генератор устойчивой мысли, столько и будет длиться эффект левитации. Обыкновенная физика и ничего сложного и сверхъестественного в ней нет...

Ребята пытались внимательно вслушиваться в каждое слово Сэнсэя. Я же вообще, не поняв и половины, что он сказал, старалась просто запомнить его слова, дублируя их в мыслях, чтобы потом записать их слово в слово в свой дневник. А у Николая Андреевича от всего услышанного просто челюсть отвисла и был такой непонимающий взгляд, словно у студента-первокурсника, который присутствует на чей-то защите как минимум докторской диссертации.

— ...То есть, всё зависит от твоей внутренней силы воли. Ведь эта сила огромна. Вон, люди в древние времена «виманы» в воздух поднимали, эти огромные конструкции одной лишь силой своей воли, то есть психической энергией сконцентрированной мысли, не говоря уже об их собственных телах. Древние способны были поднимать и перемещать сотни тонн. А почему им это удавалось? Потому что эти люди обладали дисциплиной своего ума... Самое главное — это концентрированное сосредоточение на желаемом результате, тогда происходит аккумуляция психической энергии. В голове у тебя должна быть только конечная цель, чёткая и ясная. Ты должен прочувствовать и представить весь этот процесс реально...

Во время такого объяснения Сэнсэя у Руслана появился целеустремлённый взгляд. Очевидно, парень горел желанием воплотить слова сразу в практику.

— Сэнсэй, а этому долго надо учиться? — воодушевлённо протараторил Руслан.

— Ну, если серьёзно, чтобы научиться левитировать часами, конечно, нужно время. А чтобы зависнуть на несколько секунд — это может сделать практически каждый из начинающих.

— Ух ты! — восхищенно произнёс Руслан. — Так можно прямо сейчас попробовать?!

— А почему нельзя? Всё можно, если очень захотеть.

— А как? Что нужно делать? — спешно допытывался Руслан.

— Ну, в данном случае, при начальном обучении очень важен разбег. На первый раз я, конечно, не обещаю, что ты будешь долго парить, но около минуты свободного полёта — это вполне реально.

Больше ты вряд ли выдержишь. В крайнем случае, после преодоления критической точки, ты сможешь несколько секунд бежать по воде.

— Да? По поверхности?! — обрадовано воскликнул Руслан.

— Естественно... Здесь очень важен элемент скорости, а также импульсная сила отрыва...

Тут я почему-то вспомнила за водомерок, с какой скоростью и лёгкостью эти насекомые скользят по поверхности воды. Мне припомнились уроки по зоологии и подумалось: «Если учесть маленький вес и плёнку поверхностного натяжения воды, то, наверное, этот процесс вполне возможен».

Среди нашей компании начался целый ажиотаж. Руслан с сосредоточенным лицом, внимая словам Сэнсэя, готовился стартовать в сторону моря. Остальные ребята с интересом наблюдали за этим процессом. Женька со Стасом стали подсказывать Руслану, как взять хороший старт. Андрей с Кости́ком изъявили желание быть следующими участниками этого эксперимента. Мы с Татьяной уже почти с завистью смотрели «на везунчика» Руслана, который первым в нашей компании воспарит в воздухе.

И тут Костик со свойственным ему энтузиазмом предложил, обращаясь к Сэнсэю:

— А может мне вместо Руслана попробовать, так сказать, для чистоты эксперимента. У меня всё-таки вес на два килограмма меньше его.

— На два килограмма, на два килограмма, — передразнил его в шутку Руслан. — Кто первым спросил, тот первый и полетит! Занимай очередь.

— Да какая разница, — махнул рукой Костик. — Сэнсэй, может, мы вдвоём одновременно? А то вдруг у него не получится сделать так, как надо?

— Это мы ещё посмотрим, у кого не получится! — взъерошился Руслан. — И вообще, уйди отсюда, только мешаешь сосредоточиться...

Сэнсэй же только усмехнулся на такой мальчишеский запал и продолжил свои наставления:

— Да чего вы переживаете, ребята, все успеете попробовать, если желание таковое присутствует. Я ещё раз повторяю, главное — это взять хороший разбег...

— А я что-нибудь буду при этом ощущать... физически? — усердно расспрашивал Руслан, косо поглядывая на пытающегося пристроиться рядом с ним Костика.

— Безусловно. Определённые ощущения будут. В момент отрыва, к примеру, у тебя резко изменится частота пульса. Она увеличится порядком на сорок единиц. Изменится также когерентность волновых процессов в твоём мозге. При взлёте сначала наступит полная остановка дыхания, а потом сменится сам характер дыхания. В общем, за гамму ощущений не переживай. Считай, что полный букет тебе уже обеспечен. Главное для тебя сейчас — это взять хороший разбег. Ты понял?

Руслан стоял в полном напряжении, как говорится в боевой готовности номер один:

— Понял, понял, — рапортовал он. — А дальше как? Как отрываться-то от земли?

Сэнсэй ответил:

— О, за это не беспокойся, от земли точно оторвёшься. Главное, хорошенечко разогнаться. Смотри, никаких посторонних мыслей. Главное цель. Твоя цель — полёт.

— Понял, понял! Так, цель есть. Мыслей нету. Что делать дальше?

— А дальше, — промолвил Сэнсэй, — разбегаешься и... со всей силы даёшь Володе под зад. — И при этом указал на нашего спецназовца. Тот как раз пребывал в соответствующем наклоне и мирно мыл посуду возле кромки моря. Да, для «начального толчка» Руслана Володя как раз находился в «стартовой позиции». — И всё! Последующая левитация тебе точно гарантирована.

Воцарилась тишина. Народ с удивлением перевёл взгляд с нашего спецназовца Володи на Сэнсэя, пытаясь понять происходящее. Но эта застывшая во времени немая сцена продолжалась недолго. Первым, до кого дошла вся суть сказанного Сэнсэем, был Николай Андреевич. Он разразился таким хохотом, что у него даже потекли слёзы. До ребят дошло чуть позже. Но когда «прозрела» уже и я, воздух побережья уже вовсю сотрясался от раскатистого смеха нашей компании и «любезными уступками» Руслана и Костика друг дружке на право первого «взлёта». Даже наши «дежурные», обернувшись на повальный хохот коллектива, поспешили присоединиться к нам с недомытыми кастрюлями. Терзаемые любопытством, они ещё минут десять пытались добиться от нашей умирающей со смеху компании, что же всё-таки тут произошло.

После того как ребята немного утомонились и в большинстве своём побежали купаться, в шутку экспериментируя друг на друге «новый метод левитации», только тогда Николай Андреевич вновь вернулся к интересующему его разговору с Игорем Михайловичем, который столь бесцеремонно был прерван глупым любопытством Руслана.

— Вот я никак в толк не возьму, во-первых, кто мог передать древним эти знания, а во-вторых, как могли воспринять те первобытные племена своим примитивным мышлением такую науку?

— Дело в том, что эти племена были далеко не первобытными. Это оставшиеся в живых потомки цивилизации атлантов. Их мышление вовсе не было примитивным, как ты считаешь. Оно было абсолютно такое же, как и у нас. Ведь на протяжении всего этого времени человеческий мозг не претерпел никаких изменений. Более того, они использовали возможности головного мозга гораздо лучше и качественнее, чем мы.

— То есть, ты хочешь сказать, что интеллектуально они были гораздо развитее нас?

— Может это и парадоксально для тебя звучит, но это факт. Если считать в процентном соотношении, то сейчас мы используем около 10% от наших возможностей, а они использовали — свыше 50%. Вот и считай. Получается, что они в пять раз были умнее, чем мы, несмотря на всю иллюзорную «высокотехнологическую» развитость нашего времени.

— Но как такое возможно?

— Дело в том, что по большому счёту мы только приступаем к освоению наших возможностей. А в начале этой цивилизации люди, имея высокий потенциал своих умственных возможностей, наоборот, деградировали, то есть шли от своих больших достижений к меньшим. Это нормально, ведь те разрозненные группы являлись остатками от прошлой высокоразвитой цивилизации. В последующем их потомки утратили былые способности и знания, так сказать докатились до ручки, а потом опять начали всё по новой.

Вся проблема заключается в том, что высокоразвитые цивилизации очень зависимы от внешних факторов. — Сэнсэй глянул в небо. — Вот возьми, к примеру, Солнце. Современные учёные предпола-

гают, что его ресурсов хватит на миллиард лет. А потом оно может расширяться и погаснуть, вследствие чего всё живое на Земле исчезнет. Ну, во-первых, это всего лишь их предположения и догадки, поскольку о Солнце учёные мало что знают. А во-вторых, даже сейчас, в любую секунду на Солнце может произойти мегавыброс в сторону Земли. И если такое случится, то через три дня от всего живого на Земле мало что останется. От человечества — в лучшем случае маленькие разрозненные группки людей, перед которыми остро станет проблема выживания. Ведь чтобы питаться даже растениями, надо же их ещё вырастить, а для этого, в свою очередь, необходимо хотя бы найти их семена. Но даже если не брать в расчёт глобальную катастрофу. Просто представь, что будет с нами, если у нас сейчас забрать электричество, газ, нефть, говоря проще, все блага цивилизации. Мы окажемся практически непригодными к выживанию. Так получилось и тогда...

— Угу, таким образом и появились в истории «охотники» и «собиратели», — печально усмехнулся доктор, — с неожиданными проблесками астрономических и математических знаний, присущих высшей цивилизации.

— Совершенно верно. Вначале были племена, сообщества. Потом в них стремительно стала развиваться религия. Произошла узурпация власти некоторыми индивидами, заинтересованными в снижении интеллекта в массах. Тупыми же легче управлять. Вот так мы, дорогой Николай Андреевич, и докатились до того, что имеем.

— М-да, — тяжело протянул психотерапевт и, немного подумав, добавил: — А ведь и правда, человек является в первую очередь потребителем различных продуктов цивилизации и лишь небольшим звеном в цепи их воспроизводства. А если ничего этого не будет, тогда как быть? Даже дом не построишь. Там же, помимо теоретических знаний, необходима ещё и масса изобретений цивилизации, тот же кирпич, цемент, гвозди и так далее. А так...

Николай Андреевич пожал плечами.

— А так только шалаш или землянка, — посмеялся Сэнсэй.

— Ну да, в лучшем случае пещера, — поддержал его юмор Николай Андреевич. — Ведь если по сути разобраться, что умеет делать современный человек, если останется один на один с природой? И впрямь ничего толкового.

— Это точно... Некоторые особо ленивые индивиды даже понятия не имеют об элементарных вещах, к примеру, как и что выращивать, — промолвил в шутку Сэнсэй: — У них же продукты «растут» в магазинах, прямо в полиэтиленовых упаковках. О чём тут можно говорить?

Услышав подобное, я начала «примерять» сказанное к своей особе. При этом спешно попыталась вспомнить дачный опыт своей семьи, что и как моя мама сажала в огороде. И вообще, чего я умею делать в этой жизни, а чего нет. Пробелов в «элементарных вещах» оказалось такое большое количество, что просто сама себе ужаснулась. И я решила, во что бы то ни стало по мере возможности нагнать упущенное. Наметила себе в планах по приезду домой расспросить старшее поколение о том, как же они выживали в годы войны, когда вокруг были суровые условия, голод, разруха. А также задалась целью принять самое посильное участие в дачных делах и действительно научиться, как говорит Сэнсэй, «эле-

ментарному». Ведь когда тебя заставляют что-либо делать — это одно, но когда сам горишь желанием научиться — это совершенно другое.

Наши «мэтры» вновь посмеялись над своими шутками, а потом Сэнсэй предложил:

— Ладно, доктор, хватит о «грустном», пошли купаться. — И глянув на расположение солнца на небосклоне, по-философски добавил: — Пока ещё есть такая возможность.

3

Вдоволь накупавшись, Стас и Женя решили попутешествовать по воде на надувной лодке, понырять с аквалангами и по возможности порыбачить. В попутчики к ним охотно присоединились Володя и Виктор. Подготовив надувную лодку и погрузив туда рыболовные принадлежности, эта четвёрка поплыла вдоль берега в направлении рыбзавода. Остальные же, что называется, от вольного добрались до воды, чередуя длительное купание с коротким отдыхом на горячем песке. Сэнсэй с Николаем Андреевичем больше предпочитали «солнечные ванны», после которых совершали длительные заплывы в сторону моря, куда наша молодая компания заплывать не решалась.

Время полноценного отдыха пролетало незаметно. Наши ребята, после очередного купания, с блаженством развалившись на берегу, от примитивного развлечения по сотворению маленьких песочных горок путём усовершенствования творческой мысли дошли до идеи создать незатейливую скульптуру из песка с участием частей тел. «Жертвами» грандиозного замысла стали Костик, Руслан и Славик, вернее их головы, руки и ноги. В процессе «лепки», благодаря разыгравшемуся творческому аппетиту и бурной фантазии, для украшения «произведения искусств» в ход пошла кухонная утварь (в виде тарелок, ложек, вилок), элементы одежды, а также природные дары, такие как камыши, водоросли, ракушки и скудная местная растительность. Ввиду исключительного положения голов «позирующих» во время нашей творческой активности их постоянно приходилось поить, подкармливать, почёсывать носы, щёки, отгонять мух и прочую живность, которая, пользуясь моментом, пыталась на них вскарабкаться, словно любознательные туристы на гору Килиманджаро. В конце концов, после упорного труда, сопровождаемого нескончаемым потоком смеха, вместо задуманного сказочного «Змея Горыныча» в современном варианте у нас вышел, как выразился Андрей, «мутант неизвестной породы». Когда мы вносили последние штрихи в украшение нашего «красавца», одна из его «голов» (которая носила имя Руслан) узрела вдали бегущих по берегу Стаса и Женю.

— О! А где лодка? — удивилась самая «зоркая голова Горыныча». — Чего это они?

«Голова» под именем Славик лениво повернулась в ту сторону в своём непревзойдённом убранстве в виде «шапки» со свисающими с неё водорослями и, хмыкнув, добавила:

— Забыли, наверное, что-нибудь.

И, наконец, третья «голова», самая мудрая (под именем Костик), что располагалась посредине двух других и соответственно своему статусу была украшена суперчалмой, собственноручно изготовленной Татьяной из рулона туалетной бумаги, салфеток, камышей и всякой травяной растительности, рассудительно произнесла:

— Если бы они чего-то забыли, они бы не летели с такой скоростью.

И действительно, судя по поспешности парней, нельзя сказать, что бег у них был прогулочный. Тем более отсутствие Виктора и Володи, а также соответствующего снаряжения, с которым они уплыли, явно говорило о том, что с ними что-то приключилось. Всё наше внимание сосредоточилось на старших ребятах.

Парни же, добежав до лагеря, стали восстанавливать дыхание после скоростного бега, при этом с удивлением глядя на наш воплощённый творческий замысел.

— Случилось чего? — озадаченно поинтересовалась самая «мудрая голова».

— Ну, вы даёте! — усмехнулся Женя, созерцая грандиозное изваяние.

— А где Сэнсэй? — вопросом на вопрос отозвался Стас.

— Да вон он. — Андрей указал в сторону моря, где среди волн мелькали две головы. — В заплыве с Николаем Андреевичем.

Стас и Женя оглянулись, всматриваясь вдаль. Женя, недолго думая, приложил пальцы к губам и стал громко свистеть в сторону моря. Свист был настолько пронзительным, что Андрей даже со смехом отшатнулся от него, потирая свои уши:

— Нет, ну предупреждать же надо. Так и оглохнуть недолго.

— Да что случилось? — подключился к расспросам Юра.

— Авария, что ли, на вашем судне? С течением не справились? — ехидненько промолвила «зоркая голова».

— Надеемся, без жертв, — заключила мысль своего «собрата» «умная голова».

— Да ничего не случилось, — ответил Стас разом на все вопросы, пока Женька выводил свой художественный свист. — Судно в порядке. Все живы, здоровы, чего и вам желаем... — Стас с улыбкой посмотрел на торчащие из песка головы ребят с их «разбросанными» конечностями. — Просто на берегу дельфина нашли.

— Дельфина?! — чуть ли не хором воскликнули мы с Татьяной.

— Да, такого небольшого. — Парень показал руками размер. — Метра полтора.

У нашей компании вырвался возглас восхищения.

— Ух ты!

В это время Сэнсэй и Николай Андреевич, плавая на глубине, оглянулись, и Женька, сигнализируя им, замахал руками. Мужчины поплыли назад к берегу.

— Живой дельфин?! — поинтересовался Андрей.

Женька, выполнив возложенные на себя обязанности «радиомаяка», тут же подключился к разговору.

— Не...дохлый, с дыркой в боку. Причём свежак. Из вавки кровь ещё сочится.

— Фу-у-у, — брезгливо произнёс Руслан.

— Да уж, — продолжал нагнетать обстановку Женя, — зрелище не для слабонервных.

— Кто же его так? — с ноткой жалости проговорил Славик.

— Да что, мало ли «любителей природы»? — чёрным юмором ответил Женя. — Куда ни плюнь, сплошные маньяки по берегу ходят. Так и ищут себе жертву... — и, глянув на скованное положение парня, зарытого в песок, добавил: — особенно беспомощную.

— Ну, ну, — усмехнулся Костик вместе с нами. — Ты сейчас расскажешь! Называется «снимите кепку, растопырьте уши шире».

Женя оценивающе глянул на голову Костика в общей композиции скульптуры и в его глазах блеснул озорной огонёк.

— А это идея, — проговорил парень и как заправский мастер по песочным делам стал дополнять своими смешными задумками нашего и без того комичного «мутанта».

Когда из воды вышел Сэнсэй вместе с Николаем Андреевичем, наш коллектив уже находился в состоянии бурного, безудержного смеха, причём не только «зрителей», но и самих «позирующих» для этой скульптуры. Кстати говоря, последние хохотали больше всех, сотрясаясь, словно проснувшиеся вулканы, отчего от «произведения искусства» начинали отваливаться детали. А если ещё учесть комментарии Женьки по этому поводу, то можно представить, в каком «слёзно-закаточном» состоянии застали нас Сэнсэй и Николай Андреевич, выходя из воды. Впрочем, они тоже быстро присоединились к нашему веселью, отпустив пару уморительных шуточек в сторону этого коллективного творения. А Николай Андреевич, тот вообще, судя по Женькиным дополнениям к скульптуре, которыми тот похвастался, в шутку поставил ему однозначный «диагноз», расписав при этом все присущие ему симптомы.

Когда закончился этот непрерывный смех и извлеченные из песка «жертвы» скульптуры пошли купаться, Стас вкратце рассказал Сэнсэю и Николаю Андреевичу об их находке. Наш психотерапевт, стоявший рядом с Сэнсэем, слушал парня сначала в некотором напряжении, но потом, расслабившись, произнёс:

— А я уж подумал... Так свистели с берега, точно весь ваш экипаж пошёл ко дну.

— Да это вон Соловей-разбойник, — с виноватой улыбкой кивнул Стас на Женьку.

— Ага, — подхватил Андрей, слушая разговор, — упражнялся тут на наших ушах.

Женька самодовольно усмехнулся и махнул рукой в сторону Андрея.

— Эх, темнота! Ничего вы не понимаете в нашем разбойничьем акустическом искусстве.

Все вновь засмеялись. Сэнсэй же лишь улыбнулся и промолвил:

— Ну, показывайте вашу «большую дорогу».

Стас, Женька, Сэнсэй и Николай Андреевич двинулись в путь. Руслан, в это время выходя из моря, спросил у Юры:

— Ты дельфина когда-нибудь видел?

— Нет.

— И я «нет». Пошли, посмотрим?

— Пошли.

Они поспешили догнать Сэнсэя. А следом за ними рванула и вся наша компания, терзаемая не меньшим любопытством. Николай Андреевич обернулся и, увидев такой массовый поход, остановился.

— Э, ребята, а кто в лагере останется?

— Да от кого его охранять-то? — за всех ответил Андрей. — Всё равно вокруг ни одной живой души...

— Кроме маньяка-одиночки, — устрашающим «закадровым» голосом добавил Женька.

Все засмеялись, а Николай Андреевич вопросительно посмотрел на Сэнсэя.

— Ничего страшного, — ответил тот на его молчаливый вопрос.

— А машины?

— Да ладно, это всего лишь железо. Если что, пешком до города дойдём.

— И, правда, — весело поддержал его доктор, переключившись на настроение Сэнсэя. — Тем более ходить полезно для здоровья!

Минут через двадцать пешего хода мы увидели надувную лодку, вытасченную на берег, а рядом Володю и Виктора, которые сидели возле неподвижного тела животного и видимо из жалости поливали его морской водой, хотя было очевидным, что это уже ему не поможет. Дельфин лежал на песке, головой к берегу. Прибрежные морские волны едва доходили до хвостовой части туловища.

Подойдя, мы молча окружили это необычное существо. И первое, что меня в нём поразило — его щелевидные тёмно-карие глаза. Они застыли в выражении немой, ужасной боли и страдания, словно у человека, пережившего большое горе. Его тёмная, почти чёрная спина, увлажнённая человеческими руками, блестела на солнце, порождая иллюзию тела, наполненного жизнью. Белое брюшко и красивые чёрно-белые полосы по бокам контрастно выделялись на идеально гладкой коже. Светлые участки виднелись вокруг симпатичной мордочки со слегка выступающей нижней челюстью. Сбоку на туловище, чуть ниже головы, находилась колотая рана, из которой уже едва сочилась кровь. «Вечная» добродушная улыбка дельфина казалась такой нереальной на одре ужасной смерти. Глядя на это безобидное, дружелюбное существо, сердце сжималось от жалости, неспособности чем-либо ему помочь.

— Кто же его так? — грустно спросил Андрей, глядя на дельфина.

— Очевидно, рыбаки багром ударили, — ответил Сэнсэй, осматривая рану.

— Господи, за что?! — с жалостью вырвалось у Татьяны.

— Иногда дельфины у рыбаков улов обкрадывают, снасти им портят. Но дельфин всего лишь животное. Он плывёт туда, где есть добыча. А люди... — Сэнсэй тяжело вздохнул, взгляд его сделался несколько суровым, — за это их убивают.

Сэнсэй замолчал, а во мне в эту минуту всколыхнулись целые потоки различных чувств. В горле застрял какой-то комок, к глазам подступали слёзы. У какой же твари, иначе этого человека не назовёшь, поднялась рука на столь великолепное создание? Это же дельфин, полноправный обитатель Земли, житель океана. И его «дом» гораздо больше нашего. Да нам, людям, не убивать нужно, а учиться у этих доброжелательных существ их удивительной дружелюбности, их естественной радости жизни, гармонии сосуществования. Ведь они, хоть и дикие животные, но никогда не пытаются взять больше от природы, чем им нужно для существования, никогда не пытаются кого-либо или что-либо завоёвывать. Они мирно уживаются с огромным видовым разнообразием «жителей» Мирового океана и не просто

существуют, а, учитывая их жизнелюбие, не сомневаюсь в этом, умеют радоваться каждому проживаемому мгновению.

По-моему, в погоне за нашим «цивилизованным» прогрессом, который требует всё больше и больше природных жертв, мы утрачиваем свой человеческий облик, мы утрачиваем в первую очередь себя, своё Духовное. Ненасытными, нескончаемыми потребностями возвеличиваем Эго, превращаемся в уродливых, бездушных тварей, уничтожающих не только Землю, но и всё живое на ней, в том числе и себе подобных. И считаем это нормой?! Но разве для этого мы появились на свет? Жизнь — мгновение. И каждый в этом мгновении хочет быть счастливым. Хочет, но не может. Почему? Природа нам даёт свои молчаливые ответы на эти вопросы в гармонии своих будней. Только мы делаем всё наоборот: вместо того чтобы наблюдать — убиваем, вместо того чтобы разумно созидать — разрушаем. Да, это страшно — жить со звериной натурой и обладать разумом, где главенствует Эго. Вечные муки... А ведь счастье так близко. Нужно лишь повернуться в сторону Добра и просто стать Человеком.

Ребята стояли молча над телом дельфина. Даже Стас, насколько он был парнем сдержанным, и тот отвёл взгляд в сторону, еле сдерживая эмоции:

— Попался бы мне сейчас этот «рыбачок», надолго бы потерял охоту брать что-либо тяжёлое в руки...

— ...и дурное в голову, — таким же тоном добавил Виктор.

— Ненависть — плохой советчик, — задумчиво заметил Сэнсэй.

— А кто говорит о ненависти, — пожал плечами Женька. — Мы бы его «любя»... отметелили. Да так, что он не то что руку на дельфина..., он бы воду за седьмую версту обходил, к умывальнику дорогу забыл.

— Ну, ну, «толерантный» ты наш, — с едва заметной улыбкой проговорил Сэнсэй и, помолчав немного, добавил: — А если серьёзно, ты, конечно, в чём-то и прав, если **будешь снисходителен к злу, не заметишь, как станешь равнодушным к добру. Однако, наказывая зло, надо уметь вовремя остановиться. Только так ты сможешь избежать опасности, которая таится внутри тебя. Побеждающий не гордится, не насилует, не ликует. Он побеждает... и в первую очередь самого себя. Так что наказывая зло, нужно помнить о добре.**

Ребята выслушали Сэнсэя и вновь понурили головы над телом дельфина.

— Давайте похороним его, что ли, — предложил Женька после некоторого молчания, очевидно пытаясь как-то реабилитироваться перед Сэнсэем.

— Правильно, — поддержал его Андрей. — Сейчас я за лопатой сбегая...

— Да зачем лопата? — возразил Женька. — Нас много, быстрее руками выроем могилу в песке. Что тут её рыть?

И словно в подтверждение своих слов Женька сделал руками несколько размашистых загрёбов песка, словно многоковшовый экскаватор, демонстрируя нам, как это быстро делается. Сэнсэй же во время Женькиных «песочных работ» зачерпнул рукой воду и полил её на дельфина. Потом стал нежно поглаживать его голову, при этом приговаривая:

— Зачем же вы его хотите хоронить на суше? Он — моряк. Его родная стихия — это море...

— Что, его бросим вот так, в море?! — удивился Женя. — Давайте лучше в песок зароем, по крайней мере, его рыбы не съедят. Здесь он будет спать спокойно... — Сэнсэй, сидя на корточках, глянул на него и усмехнулся, отчего Женя, почуввав, что снова ляпнул что-то не то, растерянно добавил: — дорогой нам товарищ.

Этим он вызвал у ребят улыбки, которые те постарались скрыть, так как момент для сего был явно неподходящим. Сэнсэй же не стал ничего отвечать Жене. Он начал приподнимать голову дельфина, взявшись за неё двумя руками.

— Ну-ка, Николай Андреевич, помоги...

На помощь, помимо Николая Андреевича, сразу же ринулись и другие ребята, в том числе и Женя. Но для переноса тела вполне хватило Сэнсэя, Николай Андреевича и Володи. «Траурный эскорт» двинулся в море. Часть нашей компании осталась на берегу, остальные, в том числе и моя особа, шли в сопровождении. Едва вода стала доходить до пояса, и тело дельфина было наполовину погружено в воду, Сэнсэй сказал своим помощникам:

— Давайте я дальше сам. В воде он легче...

Когда мужчины передавали Сэнсэю тело дельфина, я заметила, что Сэнсэй не просто его обхватил, как придется. К моему удивлению, он положил ладонь левой руки прямо на рану, словно прикрывая её от любопытных глаз. Правой же рукой обхватил сверху спину животного. И погрузив тело дельфина наполовину в воду, пошёл с ним на глубину. Мы же остались стоять на месте.

Сэнсэй шёл медленно и осторожно, словно в его руках был не мёртвый дельфин, а маленький ребёнок, которого он нежно поддерживал и терпеливо учил плавать. Они постепенно удалялись в море. Лишь когда вода дошла Сэнсэю до груди, он остановился. Я подумала, что сейчас он оттолкнёт тело на глубину и оно пойдёт ко дну. Мне стало безумно жалко этого дельфина. Несмотря на те печальные обстоятельства, благодаря которым мы смогли узреть это чудесное творенье природы, и короткое время нашей «встречи», всё же этот дельфин показался каким-то родным и близким. Во мне зародилось необычное чувство к этому животному, которое трудно точно описать словами, словно его горе при жизни было моим горем, его боль — была моей болью. Это непонятное ощущение какого-то невидимого единения стало переполнять меня изнутри. Я прикрыла глаза, боясь увидеть момент его погружения в воду, и подумала, пусть лучше в памяти сохранится картинка его «странствия» с Сэнсэем. Но, закрыв на какое-то время глаза, я неожиданно услышала удивлённый голос Татьяны:

— Он что, живой?!

Я открыла глаза и с удивлением увидела, что мои друзья с любопытством наблюдали за Сэнсэем и дельфином, который по-прежнему находился у него в руках. Вода, где находился хвост дельфина, волнообразно колыхнулась. Сначала я подумала, что это мне померещилось. Но спустя несколько секунд колыхание вновь повторилось, причём гораздо сильнее. Это уже ни с чем не спутаешь. То же заметили и ребята. Мы обрадовано воскликнули:

— Смотрите, смотрите, он живой!

Привлечённые нашим шумом, парни, оставшиеся на берегу, попытались подойти к нам. Мы же хотели подобраться поближе к Сэнсэю. Но Николай Андреевич остановил нас всех.

— Тише, не шумите. Стойте на месте. Напугаете же его...

Наша компания замерла, с восхищением наблюдая за происходящим. Движения дельфина были сначала слабые, точно он медленно приходил в себя после глубокого забытья. Но немного позже они стали смелее и интенсивнее. Удивительным было и то, что этот дикий раненый дельфин, явно испытывавший невероятную боль от чуть не погубившего его человека, даже не пытался вырваться из рук Сэнсэя, хотя тот лишь поддерживал его на плаву. Наоборот, судя по оживлённым движениям, он словно наполнялся жизненной силой. Похоже, каким-то образом понимая это, дельфин не спешил выскальзывать из заботливых, добрых рук.

Через некоторое время дельфин вскинул из воды свой плоский хвост, по форме похожий на китовый, только в миниатюре, и, смешно шлепнув им по воде, нырнул. Вынырнув недалеко от Сэнсэя, он стал к нему боком, и некоторое время самостоятельно балансировал на поверхности, при этом «наблюдая» за тем, кто ещё недавно держал его в руках. Сэнсэй тоже замер, глядя на дельфина. Через некоторое время, видимо, когда этот безмолвный «диалог» закончился, дельфин развернулся и медленно поплыл в сторону открытого моря. Вопреки нашим ожиданиям, он больше не нырял, а старался держаться на поверхности. Сэнсэй же проводил его немного взглядом, а потом, окунувшись и пригладив волосы, стал возвращаться на берег.

Когда мы уже все столпились на берегу, Виктор заметил:

— Что-то он хиленько плывёт. Насколько мне известно, дельфины — быстроходные создания.

На что Женька подметил на своём излюбленном деревенском диалекте:

— Тебя бы так багром вдарили, посмотрел бы я, как ты поплыл ... Хорошо, что ещё хоть так буксирует своё тело.

— Да, слабоват, — произнёс задумчиво Сэнсэй, глядя, как тёмный силуэт с полумесяцем-плавником неспешно удалялся в море, периодически теряясь среди волн.

— Я ж и говорю, выживет ли? — деловито проговорил Женька.

— Сплюнь, — предложил ему Стас.

Женька тут же последовал его совету. Поплевал три раза через левое плечо и, сняв бейсболку, постучал по своей голове. Стас, заметив его движения, усмехнулся:

— Та по дереву же надо, по дереву стучать.

— Так ведь дерево оно и есть дерево, — сказал Женька таким тоном, мол это всего лишь мелочи жизни.

Мы заулыбались. А Стас, махнув рукой в его сторону, обратился к нам:

— Помогите нам вещи дотащить. А то вся охота пропала рыбачить.

Второй раз нам не нужно было повторять. Все дружно пошли разбирать удочки, рюкзаки, разгружая лодку. Саму же лодку ребята спустили на воду на мелководье и за верёвку потащили её как бурлаки вдоль берега.

Пока мы собирались, поднялся сильный ветер. Уходя, мы вновь глянули на море, высматривая глазами нашего дельфина. Но его уже нигде не было видно среди поднявшихся волн. Сквозь шум ветра донёсся печальный крик чайки, кружившей над водой... Да, к сожалению, всё имеет в этой жизни своё начало и свой конец.

Мы поникли головами. Очевидно, никому не хотелось верить, что наш почти оживший дельфин утонул, хотя здравый смысл твердил скорее об обратном. Некоторое время мы шли молча, всё оглядываясь с надеждой туда, где последний раз видели дельфина. Но каждый раз с грустью опускали свой взор на песок под ногами.

— Нет, ну в конце концов, — первым не выдержал Женька этого прискорбного тотального молчания. — Дельфины же не тонут. Это же рыба!

— Тонут, — ответил Сэнсэй ровным и спокойным голосом, в котором не было ни намёка на малейшие эмоции. — Бывают случаи, когда они тонут в течение минуты, особенно когда возбуждены, испуганы. Но если они тонут — это происходит быстро... И если уж на то пошло, дельфины — это вообще не рыбы, а теплокровные млекопитающие, так же, как и человек. Они обладают развитым мозгом. И, между прочим, кора головного мозга дельфинов имеет большую площадь, чем кора человека.

— Соответственно и извилин в ней больше, в отличие от некоторых гомосапиенсов, — шутливо добавил Николай Андреевич, взглянув на Женьку.

Сэнсэй улыбнулся и продолжил:

— И так же, как и человек, дельфины реагируют на различные ситуации, в том числе и стрессовые. Им тоже присущ страх.

— Всё равно не пойму, как они могут утонуть? — пожал плечами Женька, то ли действительно не разумея, то ли притворяясь.

— Обыкновенно, — ответил Сэнсэй. — Они просто захлёбываются, как человек. Если дельфин находится в стрессовом состоянии, то достаточно воде попасть через дыхало в лёгкие... и всё.

— Через дыхало? — переспросил Руслан. — Это что-то типа человеческой ноздри, что ли?

— Угу, только расположенной в самой верхней части головы. Оно напрямую сообщается с лёгкими.

— Здорово! Чихнул, и всё море вокруг в... — Руслан не договорил, предоставляя вяло улыбающейся публике самой закончить его «гениальную догадку».

— Интересно, а как же он кашляет в воде? — поинтересовался Андрей.

— Да никак. Дельфины никогда не кашляют.

— Везёт же... этим теплокровным млекопитающим, — позавидовал Виктор, которого с самого утра мучил кашель. — Наверное, они никогда не болеют простудой.

— И чего я не дельфин? — мечтательно произнёс Женька.

— Ошибаешься, — ответил Сэнсэй Виктору. — Они так же болеют, как и мы. У нас даже идентичны с ними микроорганизмы, которые вызывают респираторные заболевания. Вот только в отличие от нас дельфины очень плохо переносят простуду. У них она зачастую переходит в воспаление лёгких, которое почти всегда заканчивается смертью животного.

Женька сотворил удивлённый взгляд:

— Да? Всё же хорошо, что я не дельфин.

— Но если они захлёбываются от воды, как же они там живут? — любопытно спросил Костя.

— Гибнут они лишь при значительных стрессах, когда впадают в панику, в принципе так же, как и человек. А так они живут, будь здоров! У них такая система мышечных и воздушных клапанов, которая идеально работает в самых сложных внешних условиях.

— Да уж, — вздохнул Николай Андреевич. — Называется в страхе все равны. — И помолчав, спросил у Сэнсэя: — Подожди, подожди, получается для дельфинов во время апноэ важен психологический фактор, как апноэ для человека?

— Совершенно верно.

— Апноэ? — удивился Руслан. — А что это такое?

Женька хмыкнул:

— Ну ты вообще... Апноэ — это задержка дыхания. Даже я про это знаю!

Руслан глянул на акваланги, лежащие в лодке, и с кривой улыбочкой произнёс:

— Ещё бы тебе не знать.

— Ничего, — подбодрил его Стас. — Поныряешь с наше, и ты будешь знать.

— Ага, головой в песок, — добавил Женька с усмешкой и посмотрел на Стаса.

Они вместе рассмеялись, вероятно, вспомнив какой-то забавный случай из своего прошлого.

Руслан же обиженно промолвил:

— Я тебе страус, что ли?

— Ну, если нет, так будешь, — беззлобно заявил Женька, вновь переглянувшись со Стасом.

Народ почувствовал явный подвох в его словах и настоял рассказать о том, что скрывалось за этими ухмылочками. Парни поведали историю о своих первых неудачных опытах в процессе обучения нырянию. В общем-то, ничего особенного, но, безусловно, в Женькиной интерпретации это выглядело весьма комично. В конце Стас произнёс:

— Классно, если бы человек мог долго пребывать под водой без дополнительных средств, без аквалангов.

— Это вполне реально, — между прочим заметил Сэнсэй. — Мозг человека запрограммирован на многое. Просто надо уметь пользоваться этими возможностями... Ведь что есть дыхание человека? Это чередование вдоха и выдоха воздуха. Данный процесс происходит за счёт сокращения диафрагмы и рёберных мускулов, благодаря чему изменяется объём грудной клетки. Газовые обмены осуществляются на уровне лёгочных альвеол, обогащая кровь. Кровь разносит кислород по клеткам, забирая углекислый газ. А чем регулируется этот ритм дыхания? Дыхательным центром, который расположен в продолговатом мозге. Вот тут-то и лежит золотой ключик к «переключениям скоростей».

— В смысле программ? — проговорил Костик.

— Ну да.

Женька самодовольно усмехнулся:

— Ага, а ключик, как в той сказке, лежит себе спокойненько и никто не знает, где он лежит. А кто знает, тот молчит, ибо сам дотянуться до него в ту щелку не могёт.

— Ошибаешься, — улыбнулся Сэнсэй. — Кто хочет, тот всегда найдёт... и дотянется. Этих практик по задержке дыхания полно. Только надо искать и не лениться, а не сказки рассказывать, что их нет, потому что тебе они неведомы. Вон, к примеру, в йоге есть практика для тренировки контроля над дыханием. Называется Пранаяма. Хотя в первоначальном варианте она давалась именно как инструмент для пробуждения одного из древнейших рефлексов человека — «рефлекса погружения», причём не столько в воду, сколько в глубины собственного сознания, где человек постепенно приближался к истокам души. Но сейчас эта практика несколько видоизменена людьми и раздута в целое учение, где йоги в основном тратят время и силы на то, чтобы научиться контролировать дыхание, ускорять некоторые процессы в организме, например заживлять раны, или замедлять, к примеру, общий метаболизм или сердечные сокращения... Это, конечно, тоже хорошо, человек хоть таким способом учится контролировать свои мысли. Но уж слишком людьми было разбито на дробинки целое и усложнено простое. Поэтому сегодняшней человек, занимаясь этой практикой, созерцая дробинку, думает, что это и есть то самое целое... — И уже вновь обращаясь непосредственно к Жене, Сэнсэй сказал: — Так что если ты хочешь научиться просто задерживать дыхание, можешь использовать и эту практику.

Выбор богатый. Техникой задержки дыхания в изменённом состоянии сознания люди владели издавна. Эта практика встречается повсюду: в Тропической Африке, в Северной Америке, в Лапландии, на острове Бали. Я уже не говорю о тех техниках, которые передают из поколения в поколения люди, издавна живущие дарами моря, например те же охотники за жемчугом.

Женька подумал-подумал и стал рассуждать вслух.

— Нет, ну сколько человек может продержаться под водой без воздуха? Максимум две минуты и то профессиональный ныряльщик. Я имею в виду без акваланга, — уточнил парень.

— Он прав, — согласился Николай Андреевич. — Потом наступает аноксия, проще говоря кислородное голодание, что приводит к необратимым процессам в веществе головного мозга. Человек теряет сознание...

— ...и всё, алес капут, — закончил Женька, поддерживая своего «компаньона».

На что Сэнсэй возразил:

— В особом состоянии сознания даже нетренированный человек может находиться гораздо дольше любого профессионального ныряльщика.

— Да ну, Сэнсэй, это уже слишком, — не поверил парень.

— Спорим? — тут же предложил Сэнсэй, загадочно улыбаясь.

— С тобой, Сэнсэй? Ни за что, — сразу же отмахнулся Женька под общий хохот ребят. — Я что, на самоубийцу похож? Я и так знаю, что столько не высижу под водой, сколько ты.

— Нет, я себя в счёт не беру, — успокоил его Сэнсэй. — Вон возьми любого из этой гвардии, на выбор.

— На выбор, говоришь? — лукаво усмехнулся Женька и стал нас «буравить» взглядом.

И тут, как назло, у меня случайно оборвалась ручка полиэтиленового пакета, который я несла.

— Ой, — растерянно произнесла моя особа и стала поспешно поднимать с песка рыболовные грузики и какие-то вещи.

Андрей и Володя, шедшие рядом, принялись мне помогать. Женька же, обратив внимание на «объект» своего беспроигрышного варианта, самодовольно заявил:

— Вот, возьмём хотя бы её.

— Её так её, — согласился Сэнсэй. — Ты не против? — спросил он у меня.

Я же, по наивности полагая, что это будет всего лишь какой-то очередной весёлый розыгрыш, решила подыграть Сэнсэю. И не хуже самоуверенного Женьки заявила:

— Конечно не против. Какие разговоры? Я же потомственный ныряльщик в седьмом поколении. А знаете, как сибиряки ныряют? Ого-го-го! Как нырнут в Горном Алтае, так аж в Карском море выныривают!

— Выныривают или всплывают? — с ехидненькой улыбочкой уточнил Женька.

— Ну, это как кому повезёт, — ответила я.

Наш диалог рассмешил всех ребят.

— Так-с, — потёр руки Женька в предвкушении выигрыша. — А на что-с спорим?

— Да на что хочешь! — весело ответил Сэнсэй.

— Тогда..., тогда, — аж растерялся парень.

— На дежурство по лагерю, — подсказал ему Стас, поскольку как раз приближалась их очередь.

— Точно, точно, — подхватил Женька. — На дежурство по лагерю! Это всякая там метлоуборка, посудодрайка, разведение пожарища на берегу, то бишь «очага» (так у нас называли костёр). И прочие, прочие мелкопротивные элементы лагерного быта.

— Идёт, — сказал Сэнсэй. — Прейдем в лагерь, тогда и устроим соревнования.

И они пожали друг другу руки, а Володя «разбил» их спор. Мы продолжили свой путь. Женька же, окрылённый своим явным преимуществом, принялся за «психологическую обработку» соперника, вернее соперницы, подготавливая меня к уборке и расписывая в подробностях, что мне предстоит сделать.

— Может, мне ещё пыль с камыша стереть? — со смехом предложила я, поддерживая это веселье.

— Нет, ну что вы, что вы! — начал деликатничать довольный Женька. — Всё-таки мы джентльмены. Ограничимся лагерным хаосом. — И тут же добавил: — Хотя, если у дамы будет такое желание, можно и не только пыль с камыша стереть. Вон ещё, к примеру, ту лужицу прибрать.

Женька кивнул на море, и все вновь грохнули со смеху. Так мы и шли до палаток, обмениваясь с ним «взаимными любезностями и уступками» под повальный хохот ребят.

4

Ещё издали мы увидели, что наш лагерь выглядел как-то непривычно, словно был покрыт белым движущимся налётом. Нет, мы, конечно, следили за чистотой, но чтобы до такой белизны... Подойдя поближе, мы узрели целое «пиршество» чаек. Наше неожиданное появление вызвало с их стороны во-

роватый испуг и паническое замешательство. Оторвавшись от своей разгульной трапезы, они как по команде взлетели вверх и что называется убрались восвояси, оставив после себя кучки объедков. От такой неслыханной наглости наша группа просто впала в оцепенение.

Эту картину надо было видеть. Повсюду валялись разорванные кульки с крупами, макаронами, которые к тому же были основательно перемешаны с песком. Эдакий песочно-крупно-макаронный фундамент вперемешку с помётом птиц. Белыми барханчиками возвышались горки рассыпанной муки, соли, сахара. И весь этот утренний погром дополняли ажурные салфетки, которые ветер, словно играя, кружил по всему берегу. А если ещё и учесть предыдущий наш спор, то, к примеру, у моей особы вообще пропал дар речи и что называется «руки опустились».

После минуты гробового молчания, во время которой кто с удивлением, кто в ужасе рассматривал этот чудный пейзаж под названием «загородная свалка», Женя почесал свой затылок и с усмешкой триумфатора произнёс в сторону Андрея:

— Так, так, так. Это называется «ни одной живой души»?!

Андрей же поспешил отпарировать:

— Ага, кроме твоего маньяка-одиночки!

— То, что он был не одинокий — это однозначно, — в шутку заметил Виктор, рассматривая множественные следы погрома. — И судя по отпечаткам, этот «заводи́ла» был, скорее всего, представителем местной фауны, у которого к тому же имелось четыре лапы, может даже и хвост. Явно он первым побывал в продуктовой палатке.

— Ну правильно, — вступился за неизвестного зверя Женя. — Он там объелся. Ему стало скучно, вот он и пригласил всех, кого мог, на вечеринку.

— Хорошая вечеринка, — хмыкнул Стас. — Кто ж теперь это всё убирать за них будет?

— Догадайся с первой попытки, — с усмешкой предложил ему Женя и довольный посмотрел в мою сторону.

Потом, словно спохватившись, он живенько стал отыскивать наш импровизированный веник из перевязанных веток. Тот оказался «полупритоптаным» в песок. Подняв, Женя его отряхнул, сделал вид, что сдунул с него последние пылинки, и щедрой рукой протянул мне веник.

— На, Золушка! Сегодня тебе отдых на морском побережье не светит. Спор есть спор.

Я приняла веник, понимая, что наводить порядок всё равно, так или иначе, придется. И стала уже мысленно прикидывать, с чего же тут начать генеральную уборку территории. В это время Сэнсэй взял из моих рук веник и обратился к Жене:

— Но спор она ещё не проиграла.

— Но и выиграть ей уже вряд ли удастся, — с уверенным выражением лица проговорил улыбающийся парень.

— Я предлагаю вот что, — сказал Сэнсэй. — Раз такое дело, давайте усложним задачу...

— Э нет! Спор есть спор, как договорились, — начал было протестовать Женя, думая, что Сэнсэй сейчас предложит что-то сверхъестественное для его персоны.

— Так в твою же пользу!

Женька утих, подозрительно глянув в сторону Сэнсэя и пытаюсь определить, откуда же исходит подвох. А Сэнсэй тем временем проговорил:

— Бери себе напарника. Ваше время под водой будем считать суммарно. То есть, сколько вы под водой выдержите по очереди против её одного ныряния.

Женька, не узрев для себя в этом ничего обременительного, тут же моментально согласился, боясь, что Сэнсэй передумает:

— Идёт, идёт! — И подхалимно добавил: — Я всегда знал, что ты, Сэнсэй, самый справедливый из всех справедливейших. А то кто её знает, — кивнул он на меня с хитрой улыбкой, — может у неё по дороге жабры выросли вместо лёгких.

Все захохотали, и я тоже для вида. Только во мне стремительным комом стали нарастать сомнения относительно простого розыгрыша. Если они не шутили, тогда для моей особы надвигалась целая катастрофа. Я и нырять-то толком не умела, не то что подолгу задерживать дыхание. Да ещё и выдержать время против двоих тренированных парней! «Вот так влипла я в историю», — в ужасе подумала моя особа.

— Ну-с, — в предвкушении победы потёр руки Женька, выбрав себе напарника, как я и предполагала, Стаса, — не будем терять времени. Айда к морю!

Он сделал приглашающий жест для всей нашей компании, призывая быть свидетелями. Народ с лихвой подхватил предложение нашего комика и, побросав вещи, пошёл следом за ним. Сэнсэй, прикуривая сигарету, задержался, а вместе с ним и Николай Андреевич. Мы же с Татьяной тоже немного замешкались, по привычке складывая брошенные вещи в одну кучу. И тут Николай Андреевич тихо проговорил, обращаясь к Сэнсэю:

— Ну, Женя, шустрый. Как только стало выгодно условие сделки, сразу поменял своё отношение к происходящему. Впрочем, так поступают многие люди. Типичный пример проявления эгоцентризма.

— Что поделать, — пожал плечами Сэнсэй, отвечая так же тихо. — Рыба идёт, где глубже, человек ищет, что лучше, — и с улыбкой добавил: — Как же он обделит себя, любимого?

— Да, этот эгоцентризм наработан в людях до автоматизма. О какой любви к ближнему может идти речь, если даже понять друг друга не хотят?

— Это есть самое печальное.

В это время мы с Татьяной уже освободились. Я в нерешительности подошла к Сэнсэю, надеясь разрешить спор до реализации его условий.

— Я это...

Сэнсэй не дал мне договорить и высказать свои нахлынувшие сомнения. Он как-то по-доброму произнёс:

— Иди, готовься. Привыкай к воде.

Его мягкий, уверенный тон меня несколько успокоил. Всё ещё надеясь, что всё-таки это розыгрыш, я направилась вместе с Татьяной к морю. Там уже ждала «группа поддержки» в виде Костика, Ан-

дрея и Славика. Надо отметить, что наша большая компания разделилась на две половины: те, кто в шутку «болел» за Стаса и Женю, и те, кто в шутку «сочувствовал» моему положению.

В отличие от старших ребят, которые с шумом забежали в воду, как торпеды, сразу занырнув на глубину, дабы охладить одним махом свои разогретые на солнце тела, мы же с Татьяной пытались, как всегда, постепенно привыкнуть к воде. Однако ребята, так сказать «сочувствующие», решили ускорить это дело и стали брызгать на нас со всех сторон, вроде как усиленно помогая нашему процессу привыкания. И поскольку они преднамеренно наступали со стороны мелководья, нам с Татьяной пришлось спасаться бегством в глубину, естественно с последующим погружением.

Насмотревшись, как Женя и Стас тренируют дыхание перед нырянием, Костик, водрузив на свою голову «венец победителя» из сплетённых водорослей, стал импровизировать из себя моего наставника по «вопросам ныряния на мелководье». Весь этот процесс сопровождался уморительными шутками ребят. Но, несмотря на философские наставления Костика, моих силёнок по задержке дыхания хватало явно ненадолго. Костик даже пытался слегка удерживать меня под водой за плечи, бурча на поверхности свои «директивы». Но от этих действий только нагнал на меня больше страха, поскольку в результате всё равно мой инстинкт самосохранения брал своё, и я с удивительным проворством умудрялась «выкарабкиваться» на поверхность, иногда даже в панике притопляя своего «наставника». После нескольких таких отнюдь недобровольных погружений Костика от него посыпались ещё более «рационализаторские предложения» по усовершенствованию метода ныряния, к примеру утяжелить мой вес в воде, повесив на тело «ожерелье из кирпичей», «кандалов из бетона» и так далее.

— В конце концов, у тебя какое задание? — в шутку рассуждал Костик, вытряхивая воду из уха и поправляя повисшую водоросль, спавшую после очередного погружения Костика в воду своим «нерадивым учеником». — Нырнуть. Так?! Так. А про всплытие речь не велась.

Мы вновь рассмеялись.

— Добрый же ты, однако! — с забавной интонацией произнесла Татьяна.

В общем, в отличие от старших ребят, которые, не теряя времени, тренировались на полном серьёзе, у нас получалась сплошная клоунада. Так что я, как говорится «на всякий пожарный случай», мысленно смирилась со своим предстоящим «суточным» образом Золушки.

Наконец подошёл Сэнсэй с Николаем Андреевичем. Я думала, что глядя на наши попытки, Сэнсэй переведёт спор в очередную большую шутку и на этой весёлой ноте дело закончится. Но когда он подошёл и на полном серьёзе заявил: «Ну что, начнём?», моя душа, что называется, от страха резко ушла в пятки. Боясь выказать свой испуг перед друзьями, я стала с улыбкой говорить Сэнсэю дрожащими то ли от страха, то ли от прохладной воды губами:

— Сэнсэй, я не смогу... Лучше я сразу пойду убирать.

На что Сэнсэй спокойно ответил:

— Не нужно сдаваться. Отгони свой страх. Убери все сомнения. Верь, ибо сказано «в вере обрящешь».

Я ещё в растерянности смотрела на него с немым вопросом: «Как же я это сделаю?» И тут Сэнсэй, глядя мне в глаза, ответил:

— Просто расслабься. Не думай о дыхании. Твоя задача: глубокое состояние медитации, минимум мыслей. Сосредоточься на счёте от одного до десяти. Десять секунд же продержишься?

— Ну, если десять секунд, то я свободно продержусь, — с гордостью ответила я за такое маленькое своё «достижение».

— Тогда чего ты переживаешь? Считай до десяти и выныривай. Только считай не быстро 1, 2, 3... а медленно, с расстановкой, как считаешь трёхзначные цифры, к примеру, 501, 502, 503 и так далее. Поняла?

— Да.

От этих слов я не просто успокоилась, но меня даже разобрало любопытство. Ведь под водой медитацию делать ещё не приходилось. И как ни странно, но моё любопытство переросло в твёрдую уверенность, что всё будет хорошо. И это чувство зарождалось именно из какой-то внутренней веры, абсолютного доверия к Сэнсэю. И даже не доверия, а скорее нераскрытого знания моей души о его Сущности, которое выражалось лишь интуитивно, на чувственном уровне.

«Нырять так нырять», — подумала моя особа, проделав предварительно несколько резких вдохов-выдохов. Тоже самое сделал и мой первый «соперник» Женя. Приготовившись к старту, на счёт «три» я набрала полной грудью как можно больше воздуха и одновременно с Женей погрузилась в воду. Сэнсэй положил руку мне на голову в район тысячелистника и слегка придавил, как мне подумалось, чтобы я не всплыла раньше времени. Вместо ожидаемой паники, я, наоборот, расслабилась и стала медленно считать по совету Сэнсэя до десяти. Свободно справившись с этим заданием, я решила ещё посидеть пару лишних секунд под водой, чтобы прибавить себе в «зачёт» больше времени. Но только я начала заново считать, как почувствовала, что крепкие руки, очевидно Сэнсэя, вытягивают меня из воды. Честно говоря, я даже немного расстроилась, могла же ещё посидеть. Что те десять секунд?! Вынырнув, я тут же принялась возмущаться, ещё даже не успев раскрыть глаза:

— Чего вы, я готова, давайте... Я ещё могу продержаться...

Но когда посмотрела на остальных, то ничего не поняла. Все стояли в каком-то немом изумлении, глядя на меня, словно на инопланетянку, прилетевшую с другой Вселенной. Женя и Стас находились среди ребят и тоже в каком-то подозрительном удивлении не сводили глаз с моей возмущавшейся особы. Я уж подумала, может они вообще не ныряли, может что-то случилось? Один Сэнсэй сохранял олимпийское спокойствие.

— Да хватит с тебя, — добродушно улыбнулся он. — И так уже десять минут под водой пробыла.

— Кто?! Я??? — усмехнулась моя особа, думая, что это шутка.

— Да уж, однако, всё бывает в жизни, — промолвил Стас, почесав затылок. — Но вот заподьянка, что это «всё» не всем достаётся.

— Видишь, как все переживают, особенно некоторые хвастунишки, — кивнул Сэнсэй на Женю, который открыл рот от удивления и выпучил глаза, то ли для смеха, то ли и вправду его что-то поразило. — Теперь же убирать кое-кому придётся, в Золушку превращаться.

Женя, видимо, от этих слов «пришел в себя» и, комично щёлкнув зубами, возвратил челюсть в привычное положение, помогая ещё при этом рукой. После этого он произнёс в своём неизменном шуточном тоне:

— Убирать — это, пожалуйста! Но насчёт смены ориентации, такого уговора не было.

Стас принялся его «успокаивать», породив целую волну смеха.

— «Золушка» — это, дорогой мой, такой вид индивидуальной трудовой деятельности, когда в минимальное количество времени нужно сделать максимальное количество работы, причём задарма...

— Задарма, задарма, — передразнил его Женька. — А ты чего радуешься? Вместе ныряли, вместе и убирать будем, Золушка-2.

— Э нет, по штатному расписанию Золушка у нас одна, — возразил со смехом Стас.

— А, так ты у нас Феей решился заделаться, налоговым инспектором по уборке, значит. Изверг!

Ребята стали шутить и заодно, видимо, выходить из своего состояния оцепенения.

— Сэнсэй, а что ты с ней сделал? — первым спросил Володя по существу.

— Да ничего особенного, изменил ей восприятие времени, её эзоосмос.

— Эзоосмос? А что это такое? — поинтересовался Виктор.

— Да потом как-нибудь расскажу, — махнул рукой Сэнсэй. — Ну что, спор окончен, пошли приводить лагерь в порядок...

—...Отделять зёрна от плевел, а котлеты от мух, — дополнил ответ Сэнсэя Стас.

— Да не может быть такого, чтобы она просидела под водой десять минут! — иронично завозмушался Женька, глянув на берег и, очевидно, ужаснувшись предстоящей работе. — Столько без воздуха не живут!

Сэнсэй же в сердцах произнёс:

— Вот люди, как вы уже достали своим неверием! Ты же сам видел, своими глазами.

— Ага, а может, у неё под водой какая-нибудь трубка была для дыхания. Это развод! Чистая подстава!

Сэнсэй устало склонил голову набок и усмехнулся:

— Конечно, развод! Тебя подставили ещё в тот день, когда ты появился на свет.

Все засмеялись. А Сэнсэй, развернувшись, стал выходить вместе с Николаем Андреевичем из воды.

— Пошли, пошли, — подгонял со смехом Женьку Стас.

— Слушаюсь, обер-штурбан-фюрер-фрау Фея, — вяло отрапортовал Женька и, вздохнув, наигранно-печально добавил: — И что у нас, у Золушек, за такая собачья жизнь, что ни день, то штрафные работы.

Все остальные тоже двинулись на берег. И тут началось целое «словоблудие» вдоль и поперёк. Я допытывалась у друзей, правда ли я просидела десять минут под водой. А они, в свою очередь, игнорируя мои вопросы, спрашивали, правда ли у меня не было никаких дополнительных трубок для дыхания. В общем, гомон стоял похлеще, чем у чаек, когда их место насеста тревожил незваный гость. В конечном счёте, всё равно толком никто ничего так и не понял.

Началась тотальная уборка лагеря. И хоть Женька комично изображал из себя главное действующее лицо в этой «индивидуальной трудовой деятельности», он ловко уваливал от работы, создавая лишь видимость активного труда. Зато так насмешил коллектив своими выходками и шутками, что мы

сами не заметили, как быстро и дружно убрали всю территорию лагеря. А когда начали над ним подтрунивать, что он, по сути, не работал, тот с важным видом заявил, что, мол, работать и дурак может, главное, по его мнению, профессионально руководить процессом. На что все выразили ему «большое спасибо» и дружно кинули его в воду.

После такого «торжественного» завершения «трудовых подвигов» мы принялись подытоживать наши убытки. И поскольку съестные запасы оставляли желать лучшего, было решено посетить рынок. Ведь эти налётчики из братьев наших меньших сами, видимо, мало съели, но на радостях от такого «полного отрыва на островке цивилизации» перемешали многие продукты, в том числе и крупы с песком, да ещё так тщательно, словно у них тут была целая дискотека с танцами до упаду.

Когда мы составили список продуктов, старшие ребята решили сгонять за ними на машине до ближайшего базара. Но Сэнсэй предложил оставить технику в покое и самим размяться, то есть организовать «маленькую пробежечку» вдоль побережья. Возражать, естественно, никто не стал. Те, кому очень хотелось кушать, подкрепились сухариками. Остальные решили потерпеть до доставки провизии, тем более, как говорил Сэнсэй, голодать иногда полезно.

Сначала в поход за продуктами собрались идти Володя, Стас и Женя. Но когда к ним присоединился Сэнсэй, высказав идею с тренировкой, то Николай Андреевич, Руслан, Андрей и я тоже изъявили желание пробежаться вместе с ними. И хотя кросс предстоял нелегкий в плане физических нагрузок, но всё же я не могла пропустить такого путешествия рядом с Сэнсэем. Ведь для меня это был не просто поход, а благодаря интересным наблюдениям Сэнсэя, целая экскурсия в людской мир, да и в свой собственный тоже.

Как Сэнсэй и обещал, он устроил нам по пути хорошую тренировку с физическими нагрузками. Вначале мы лёгкой трусцой бежали вдоль берега, остановившись лишь через полчаса. Затем во главе с Сэнсэем сделали разминку. И снова бег, но уже с ускорением. Потом пошли отжимания, качание прессы, пробежка по воде, преодоление препятствий по местности. В общем, Сэнсэй не скупился на выдумку, благодаря чему эта физическая тренировка превратилась для нас в какое-то необычное приключение «морского десанта». И несмотря на то что натруженные мышцы давали о себе знать, когда мы достигли границ «цивилизации», всё же внутреннего удовольствия было гораздо больше, оттого что ты смог всё это преодолеть.

Было решено идти через пансионаты, так сказать срезать путь до рынка. Заплыв за водное ограждение-сетку, отделявшее первый пансионат от «дикой природы», мы вышли на берег, словно обычные отдыхающие, и уже неспешно пошли вдоль побережья. Люди по привычке проводили свой отпуск в праздном возлежании на песочке, заменив домашнюю картинку созерцания с дивана телевизора на созерцание с песочка пёстрой толпы на фоне однообразного морского простора. И если и слышались какие-то разговоры, то в основном на бытовые темы. Кто-то кому-то о чём-то жаловался, кто-то кого-то обсуждал, кто-то над кем-то посмеивался. Короче говоря, жизнь шла обычной человеческой чередой, ни больше, ни меньше. Вначале как-то явно чувствовалась эта разительная грань между тем духовным, о чём повествовал Сэнсэй, и тем приземленно-материальным, о чём говорили люди. Но потом, по мере погружения в атмосферу пёстрой массовости, сам невольно начинаешь заражаться её не совсем чистым воздухом.

Когда в моей голове возникли «мысли-провокаторы», сказать трудно. Очевидно, они стали захватывать внимание по мелочам. Где-то промелькнул красивый купальник, и мне подумалось, а как бы он сидел на мне. На ком-то увидела красивые украшения, которые захотелось приобрести и себе. Моё воображение сразу начало рисовать картинку, как я буду выглядеть в том купальнике с теми украшениями. И только дала этим мыслям волю, как тут же начал проявляться образ госпожи Зависти. И главное, заметила я это тогда, когда она уже полным ходом орудовала в моём сознании, затмевая своей ненасытностью и неудовлетворённостью все самые светлые чувства. «Что ж я делаю?! — возмутилась я про себя в сердцах. — Чужие образы на себя примеряю. Это же не я! Называется, скатилась на саночках с горы, да только они в неподъёмный воз превратились. И как теперь их затаскивать в гору прикажете?»

Мои невесёлые размышления прервал Андрей, видимо тоже легко попавшись на крючок Животного начала.

— Ух ты, гляньте, какие тела у пацанов! — с восхищением проговорил он ребятам, указывая на играющих в волейбол загорелых парней. Очевидно, это была группа культуристов. — Смотрите, какие мышцы...

Судя по тому, как эти парни передвигались, создавалось такое впечатление, что они явно играли не в волейбол, а на публику, демонстрируя свои мышцы с наиболее выгодных позиций. Естественно, они привлекали внимание прохожих, которые, в свою очередь, с нескрываемой завистью поглядывали на их тела.

— Сэнсэй, а можно быстро накачаться, сделать и себе такие мышцы?

— Можно, — просто сказал Сэнсэй. — А смысл? Приобретёшь одно, потеряешь другое. Накачав такую массу мышц, ты потеряешь в выносливости и скорости. И что это тебе даст? Разве что перед девушками покрасоваться. — Андрей несколько осёкся, словно Сэнсэй прошёлся по его потаённым мыслям. — Знаешь, в чём причина такого желания? В элементарной человеческой зависти...

На этих словах я даже встрепенулась. Только что ж об этом подумала.

— ...Но это не только твоя беда, эта беда многих. Если бы ты знал, о чём в действительности размышляют люди! Сплошная жадность, зависть, стремление перещеголять друг друга хотя бы в малом. В головах сплошное желание выглядеть перед людьми лучше, чем они есть на самом деле. Понимаете, в чём беда?! *Люди хотят достойно выглядеть не перед Богом, не перед своей Совестью, а перед другими людьми.* А вся причина этого зла кроется в желании человеческом. Ведь *человек ценит только то, что хочет видеть для себя ценным. А то, чего он не хочет видеть для себя ценным, то и значения для него не имеет. Зависть, ненависть, озлобленность произрастают не от внешнего стимула, а от внутреннего корня самолюбия.*

Вот возьми хотя бы этих парней, которые потратили массу времени на то, чтобы накачать своё тело. Ведь по большому счёту это им семь лет не нужно. Но они выбрали себе роль культуриста и играют её. Для чего? Чтобы достичь каких-то духовных высот? Нет. Чтобы всего лишь выделиться из толпы. Одни качают своё тело, другие делают наколки, третьи красятся в разные цвета. И делают это всего лишь для того, чтобы привлечь к себе внимание своих собратьев по разуму, ради удовлетворения своей мании величия. Обыкновенное Животное желание.

Люди поступают так же, как, к примеру, японские обезьянки. Некоторые особи из их племени целый день собирают орешки, чтобы потом за пять минут раскидать их перед всем стадом, дабы привлечь к себе внимание сородичей. Другие особи выбирают блох из оленя и пускают в себя лишь для того, чтобы потом их сородичи выбирали этих блошек у них. И опять-таки всё это делалось только для того, чтобы привлечь к себе внимание стада... Так вот, эти мышцы, побрякушки, мода и всё остальное — всё это для того, чтобы привлечь к себе внимание. Это те же блохи на обезьяне.

Человек же ничем не отличается от той мартышки, так сказать, по природе своего Животного. Только в нём оно ещё и усиленно манией собственного величия. Ибо каждый человек, если он духовно мерзок и низок, начинает себя возвеличивать в своих помыслах и желаниях, он начинает ставить себя выше всех. А сказано: «Так будут последние первыми и первые последними; ибо много званых, а мало избранных». Многие прикрывают свои тайные помыслы Животного внешней показухой, якобы стремлением к духовному. А на самом деле просто под благовидным предлогом идёт реализация желаний Животного, ублажение всё той же манечки, возвеличивание себя и опять-таки обыкновенная, пустая ривовка перед другими людьми. Хотя искреннюю настоящую Любовь к Богу в их тайных помыслах трудно отыскать.

Христиане назвали бы такие желания людей проделками сатаны, отвлекающего человека от главного — от души, от Вечного. Вы посмотрите на модель современной цивилизации. Весь мир работает на то, чтобы вызвать у человека как можно больше желаний приобрести что-либо, чего якобы ему не хватает для полного счастья. **Весь мир торгует иллюзиями. Он соткан из лжи и нити его крепятся на зависти.** Люди сами порождают иллюзию, подпитывают её своей нечистоплотностью мыслей и сами же живут в этой иллюзии, воспринимая её за настоящую реальность. И, к сожалению, факт глобального обмана Животного вскрывается лишь перед лицом Смерти. Но тогда уже становится слишком поздно что-либо изменить.

Ведь молодость проскакивает, как один день, словно резвый скакун, вырвавшись на свободу. И поводья не успеешь натянуть, как наступит зрелость. В зрелости останавливаешься и оглядываешься назад. Наступает переоценка ценностей. Твои достижения уже не кажутся столь значимыми, они уже не стоят того, чтобы им уделялось столько же времени и сил. Появляются новые желания и иллюзии в виде самоутверждения в мире солидных людей. И человек начинает придумывать новые способы, как выделиться из толпы. Не успеешь и глазом моргнуть, а тут и старость, в которой уже многое из прожитой жизни кажется абсолютным абсурдом и вовсе теряет свой смысл. Вместе со старостью всё чаще начинают появляться мысли о смерти, которые заставляют человека задуматься о главном — о своей душе. Ибо он всё ближе и ближе подходит к той меже, откуда пришёл в этот мир, чтобы обрести себя, спасти свою душу. Но вместо достижения этой цели он растратил время и силы на пустые иллюзии. И тут человек начинает метаться, выдумывать себе новые иллюзии, утешать себя, что если он помолится перед смертью, то там ему всё простится. А ведь по факту оценивается вся жизнь человека.

Глупость человеческая не имеет границ. Мания величия людей толкает их на скверные дела. — Сэнсэй посмотрел по сторонам и развёл руками, печально проговорив: — Если бы вы слышали, о чём

думают люди, ребята, вы бы пришли в ужас! А хотя, в принципе, зачем вам слышать, понаблюдайте за собой. О чём вы мечтаете втайне.

Совсем недавно, до перестройки, люди думали о том, что они спасут мир и построят коммунизм, я имею в виду наших идейных людей. А сейчас, после перестройки, молодёжь думает о чём? О деньгах, о капитализме. Каждый представляет себя миллионером, Рокфеллером и иже с ними. Каждый в мыслях сорит деньгами, мечтает о богатстве. И тот, кто зарабатывает, и тот, кто не может достаточно заработать, все рассказывают сказки, какие они крутые по жизни, выпячивая свою манечку. Почему? Потому что в головах их тешится эгоизм. У Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, русского писателя-сатирика, есть замечательные слова по этому поводу: «Нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к судьбе родной страны, к судьбе ближнего, ко всему, кроме судьбы пущенного им в оборот алтына». И он прав.

Чрезмерное богатство ни к чему хорошему не приводит. Ну, потратил человек годы жизни, обманул массу людей. Ибо честно большие деньги не заработаешь. Всё строится на обмане и лжи. Ну, заработал человек очень много денег. Я не имею в виду честно заработанные зарплаты, нормальные деньги для прожиточного минимума. Это небольшие деньги. Так вот, заработал. Смотрит, а удовлетворения нет. Оказывается, чего-то не хватает. Он понимает, что ему нужна власть для того, чтобы покорить себе подобных, чтобы уже самому не выпендриваться, не сажать на себя блох с оленя и тем самым привлекать к себе внимание всей стаи, в том числе и вожака. И не сорить деньгами, как та обезьянка орешками, а захватить эту власть, стать самим вожаком. Так и появляются лидеры партий, власть имущих структур, государств. Смотрят, а власти мало. Тогда они идут на что? На то, чтобы захватить мир. И начинаются войны, агрессия, порабощения. Так рождаются Наполеоны, Сталины, Гитлеры и им подобные. Захватывают территории, расширяют границы своего государства, а удовлетворения всё равно не получают. Почему? ***Потому что какую бы власть человек ни имел на Земле, он никогда не получит от неё удовлетворения, так как всё равно остаётся рабом своих желаний. А истинная власть есть власть над самим собой.***

В истории человечества есть масса примеров бессмысленности такого пути, такого глобального обмана Животного. Один из них Александр Македонский — человек, максимально реализовавший свои амбиции. Он завоевал огромные территории, создав крупнейшую монархию древности. И что в результате? В день, когда Александр Македонский стал «владыкой мира», он отдалился от всех и горько заплакал. Когда военачальники его нашли, то были удивлены, так как никогда не видели своего полководца рыдающим. А они находились с ним в самых сложных ситуациях боевых походов. Александр являлся примером мужества. Даже когда смерть была с ним совсем рядом, никто не видел на его лице следов отчаяния и безнадежности. Поэтому военачальников терзал вопрос, что же случилось с тем, кто покорил целые народы? Его спросили об этом, и Александр поведал им причину своей печали. Оказывается, когда он победил, он понял, что проиграл. И сейчас находился в том самом месте, где задумал своё «завоевание мира». И только в этот момент он осознал, насколько всё это было бессмысленным. Ибо раньше у него были цель и путь. А сейчас ему некуда двигаться, некого завоёвывать. И он сказал:

«Я чувствую внутри себя страшную пустоту, ибо проиграл главное сражение моей жизни».

Сэнсэй прошёл некоторое расстояние молча, а потом вновь повторил:

— Так что самая высшая власть — это власть над самим собой. Помните, как у Лао-Цзы:

«Кто знает других, тот умён.

Кто знает самого себя, тот просвещен.

Кто преодолевает других, тот силен.

Кто преодолевает самого себя, тот могуществен».

— Да, это сложно, преодолеть самого себя, — задумчиво произнёс Николай Андреевич.

— **Вся сложность в простоте.** Для этого надо в первую очередь контролировать свои мысли. Человек же постоянно ведётся на поводу у своего настроения, живёт тем, что непрестанно радуется своей мании величия. Ему лень следить за полем своего разума. Вот там и прорастает всякий сорняк. Ведь сорняк не нужно холить и лелеять, специально ухаживать за ним. Он и так пробьётся, без вашего на то ведома.

— А как этот сорняк удалить? — озадаченно изрёк Андрей.

— Просто. Берёшь и вырываешь с корнем. Тебе же не трудно взять под контроль свои мысли прямо сейчас? Нет. А из таких «сейчас» и складывается вся жизнь. Живи «здесь и сейчас» и не впадай в иллюзии, рисуемые Животным разумом. Ведь тебе дана свобода выбора! Вот и выбирай.

В это время мы стали выходить на асфальтированную дорожку тенистой аллеи.

— Ну, за власть понятно, — начал рассуждать Николай Андреевич, обдумывая, очевидно, своё. — Получается, очень большие деньги невозможно заработать, сохраняя при этом Честь и Совесть.

— А почему невозможно? — возразил ему Виктор. — Вон по телевизору показывали «круглый стол» с участием крупных бизнесменов. Нормальные мужики.

Сэнсэй глянул на него и ответил:

— Это нечестные люди. Это лжецы и эгоисты, которые бьют себя в грудь и рассказывают сказки. Извините, ребята, но утопать в роскоши, быть богатым, когда вокруг столько голодных, нищих и бездомных, и думать только об увеличении своей прибыли — это не достойно звания Человека. Просто не достойно.

— Нет, ну подожди, — не унимался Виктор. — А в чём виноват богатый бизнесмен? Если он умный и знает, как заработать деньги, он берёт и зарабатывает. А тот, кто не хочет работать, кто лентяй, алкоголик или мало ли кто, он того кормить, что ли, должен?

— Он его не должен кормить. **Глупо давать рыбу голодному, ибо он её съест и опять проголодается. Гораздо мудрее дать ему снасти и научить ими пользоваться.** Поймите правильно, я не против богатства, я против бедности, я — за достаток. Деньги имеют определённый эквивалент энергии. А законы физики гласят, если энергия куда-то прибывает, то, значит, откуда-то она убывает. Мир должен быть справедливым и доступен для всех. Но когда миром управляют слуги дьявола, я имею в виду воры, которые именуют себя политиками, то справедливости здесь никогда не будет. Поэтому он и обречён.

— Опять по справедливости, — с лукавством произнёс Женя. — Сэнсэй, это уже пахнет коммунизмом.

— Ну что поделаешь? Я в детстве получил такое воспитание, что коммунизм у меня теперь надолго в крови, — шуткой ответил Сэнсэй. — А если серьёзно, вдумайтесь сами, ребята. Вот сейчас появляются олигархи. За счёт чего они богатеют? За счёт обеднения народа, за счёт того, что продают нашу Родину. Что, они такие умные? Они что-то хорошее сделали для народа, для своей страны? Почему же страна такая бедная? И как могут появляться богатые люди в бедной стране? Только обворовывая её, обворовывая тех, кто слабее их. И вы хотите сказать, что это успешные люди, достойные звания Человека? А я говорю, что это слуги дьявола, обреченные на ад.

Ведь эти олигархи даже копеечной благотворительностью занимаются ради рисовки перед другими людьми. Но готовы ли они совершить серьёзный поступок в своей жизни и в корне измениться? Сомневаюсь. Ведь сказано: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Таким людям очень тяжело оторвать своё сердце от накопленного богатства. Это было и тысячу, и две тысячи лет назад, ибо люди, к сожалению, не меняются. Вспомните Библию, когда к Иисусу Христу подошёл богатый юноша и спросил, что ему сделать такого, чтобы иметь жизнь вечную. На что Иисус ответил ему, что если он хочет войти в жизнь вечную, то пусть соблюдает заповеди «не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; люби ближнего своего как самого себя». Но юноша сказал, что всё это он сохранил от юности своей. Чего же недостаёт ему? И тогда Иисус произнёс: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». Но услышав это, юноша «отошёл с печалью, потому что у него было большое имение». Иисус же сказал своим ученикам: «удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие».

Подсознательно они чувствуют свою никчемность и последствия, которые их ожидают. Посему они и строят храмы, монастыри, пытаются обелиться перед Богом. Глупцы! Они забыли писание. Ведь сказано: церкви, построенные ворами, есть приют для сатаны. Они строят не дома для Бога, они строят убежище для дьявола. И если надеются, что за это им будут отпущены грехи, они ошибаются. За это преумножится к их грехам. И тем самым они проклинают не только себя, но и своих близких, которые пользуются их «благами». Ведь они даже не спрашивали своих близких, нужна ли им такая жертва? Готовы ли они разделить ответственность за их прегрешения перед Богом?

Я вам расскажу одну историю, которая произошла в далёкие времена, о том, как один вор и убийца, встретив Мудреца, в корне изменил свою жизнь и стал великим человеком. Когда-то давно жил разбойник, который занимался тем, что промышлял грабежом и не задумываясь убивал людей, если они сопротивлялись. В это же время жил на свете человек по имени Нарада. Был он поэтом, музыкантом. И славился своей глубокой мудростью. Люди любили его за добрые советы, весёлый нрав, его шутки и чарующую музыку, которую он исполнял на своём инструменте.

Однажды мудрец собрался идти в соседнюю деревню. Дорога пролегла через тот самый лес, в котором орудовал разбойник. И тогда люди стали уговаривать Мудреца не ходить той дорогой, поскольку это было очень опасно. Нарада лишь посмеялся:

— Я хочу взглянуть на того, кто породил в вас страх и сделал вас трусами. Он всего лишь один человек, а остановил движение по всей дороге.

Сказав это, Нарара развернулся и пошёл в лес, поигрывая на своём инструменте. Вскоре разбойник услышал музыку и вышел на дорогу. И к своему удивлению увидел одного безоружного человека, который, казалось, был счастлив, исполняя свою мелодию. Впервые в жизни он почувствовал в себе нерешительность. И обратился к музыканту:

— Разве ты не ведаешь, что ходить по этой дороге опасно?

Нарара же, не переставая играть, свернул с дороги и присел рядом с разбойником, который в это время подтачивал свой меч. Доиграв свою мелодию, он спросил у него:

— Что же ты один делаешь в этом лесу?

Тот ответил:

— Граблю людей. И у тебя сейчас отберу твои богатства.

Мудрец сказал:

— Мои богатства иного качества — они внутренние. И я сам бы был счастлив разделить их с тобой.

— Меня интересуют только материальные ценности, — заявил разбойник.

— Материальные, говоришь? — спросил Мудрец и, взяв горстку земли, развеял её по ветру. — Это всего лишь прах, иллюзия, которая тут же исчезает. Это ничто по сравнению с духовными ценностями, которые вечны. Скажи, зачем тебе это нужно?

Тот ответил:

— Ради моей семьи: моей матери, моей жены, моих детей. Если я не принесу им денег, они будут голодать. А я ничего другого делать не умею.

Мудрец же поинтересовался:

— А ты спрашивал у них, нужна ли им такая жертва? Готовы ли они разделить ответственность за твои согрешения перед Богом.

Впервые за свою жизнь человек, промышлявший разбоем, задумался.

— Не знаю. Я как-то раньше об этом не думал.

— Так походи и спроси их, — предложил Мудрец. — А я тебя здесь подожду.

И он вновь заиграл свою прекрасную мелодию.

Разбойник так и поступил. Он отправился домой и спросил свою мать. На что пожилая женщина ответила:

— Почему я должна делить с тобой ответственность за твои преступления? Я — твоя мать, и твоя обязанность — кормить меня.

И его жена сказала:

— С какой стати я буду отвечать за твои грехи? Я ничего такого не совершила и чиста перед Богом. Я не знаю, как ты добываешь хлеб. Это твоё дело.

Глядя на лица беззаботно резвившихся детей, разбойник даже не стал у них спрашивать. Поникший, он вернулся обратно к Мудрецу:

— Никто не хочет делить со мной ответственность. Что бы я ни делал ради семьи, получается за всё буду отвечать сам. Оказалось, что я одинок. И что же мне теперь делать?

Он с тоской глянул на безупречное лицо Мудреца. И тот ответил:

— Сними с себя маску вора и сожги её в пламени деяний добрых дел. Искупи содеянное тобой зло. Измени себя и стань Человеком.

Из этого темного леса заблуждений данный человек ушёл вместе с Великим Мудрецом... В последующем люди стали называть его Вальмики, и прославился он в веках как легендарный поэт, автор знаменитой древнеиндийской эпической поэмы «Рама-яна».

Сэнсэй замолчал. Мы тоже некоторое время шли молча, находясь под впечатлением от услышанного рассказа. И уже когда проходили мимо кафе, Стас, нарушив тишину, предложил зайти, попить газировки. Все охотно подхватили эту идею, так как было довольно жарко. Один Сэнсэй отказался, сказав, что подождёт нас на скамеечке. Он указал на лавочку, расположенную в тени, где сидела какая-то пожилая пара. Мы разошлись.

Быстро выпив свой стакан газировки, я вышла на улицу, пока ребята насыщали свои богатырские тела дополнительными порциями напитка. Сэнсэй сидел рядом со стариками и о чём-то беседовал. В это время из кафе вышел Николай Андреевич, и мы вместе подошли к Сэнсэю, поздоровавшись с пожилой парой и став невольными слушателями их разговора.

— ...его молитвами.

— Хороший батюшка, отец Василий, — согласился Сэнсэй. — Он многое сделал для людей.

— Так быстро жизнь пролетела, — вздохнула старушка. — Вот смотрим на молодых, ведь ещё недавно сами такими были. И главное, в душе не чувствуешь, что тело твоё старо.

— Человек душою не стареет, — заметил Сэнсэй и добродушно добавил: — А молодым не нужно завидовать. Ведь им ещё предстоит весь путь пройти. А вы уже на пороге стоите, и вам осталось всего лишь постучаться.

— Так в том-то и беда. Не смерть печалит, а разлука, — грустно промолвила старушка, украдкой утирая слезу. — Ведь мы с Ванечкой пятьдесят три года прожили душа в душу, слова дурного друг от друга не слышали. — Дедушка закивал головой. Старушка же с благодарностью взяла его за руку. — А теперь, видать, пришло время нам расставаться. Вот о чём печалится моя душа.

— Печаль ваша напрасна. Да и о чём она? Вы печалитесь о теле? — Сэнсэй развёл руками и, указав на гулявшую недалеко молодую пару, с улыбкой произнёс: — Господи, ну я понимаю в молодости, но сейчас-то о чём печалиться?! — Они вместе посмеялись. — А душа... ***Пока в душе живёт любовь, — разлука невозможна. Ведь главное ты знаешь, что ты любишь этого человека. Как ты можешь его утратить, если он действительно дорог твоей душе, если Память и Любовь к нему продолжают жить в тебе самом...***

Из кафе стали выходить ребята, и Сэнсэй, приподнимаясь с лавочки, начал прощаться со стариками.

— Ой, спасибо вам большое, вы меня так успокоили, — напоследок запричитала старушка, словно ей хотелось высказать Сэнсэю всё сразу, что было на душе. — А ведь действительно, что нас может разлучить? Даже если уйду, я и с той стороны буду его любить, так же как и здесь. Что от этого утратится?

— Ничего, — промолвил Сэнсэй. — Здесь вы пребывали вместе в мгновении, там вы будете вместе в вечности. Радоваться надо, что приближается вечность. Здесь вы в страданиях и муках, а там вы обретёте покой и отраду.

— Так приятно было с вами говорить, — умилённо пролепетала старушка.

— Мне тоже было очень приятно пообщаться с вами.

— Не знаю, свидимся ли ещё. Каждый день для меня в ожидании. Конечно, хотелось бы ещё повидаться и с отцом Василием, и с вами пообщаться. Вы так успокоили. Так легко на душе стало. Очень бы хотелось вновь с вами встретиться.

— Не переживайте, — ласково проговорил Сэнсэй, с какой-то теплотой и нежностью глядя на пожилую женщину. — Мы обязательно встретимся, и у нас будет масса времени для общения.

Когда мы уже удалились от этой пожилой пары на значительное расстояние, двигаясь вместе с ребятами в сторону рынка, Николай Андреевич спросил у Сэнсэя:

— Это твои знакомые?

— Нет, — с улыбкой произнёс Сэнсэй. — Просто хорошие люди.

— А что, эта женщина чем-то больна?

— Да. Ей недолго осталось жить.

— Неужели ей ничем нельзя помочь? — озабоченно спросила я.

— Можно. Но такого рода помощь будет только во вред, — ответил Сэнсэй. — *Человек — временен. Смерть кладет конец старости и мучениям, освобождая от бремени бытия. Для любящих душ — это награда. Ведь по большому счёту мы не становимся другими только потому, что умираем...*

5

Наконец мы подошли к конечной цели нашего путешествия, местному продуктовому рынку. Перед входом располагались лавки, где торговали всякой китайской мелочевкой в виде брелков, ручек, часов и прочим ширпотребом. Сэнсэй глянул на весь этот разноцветный ассортимент и с горечью тихо сказал:

— Совсем уважение потеряли. Забрасывают всяким хламом, как страну третьего мира.

Ребята стали рассматривать весь этот разнообразный товар. Стас взял в руки какой-то квадратный брелок в виде часов, нажал на кнопку, и тот начал издавать непонятные звуковые сигналы, мигать и высвечивать меняющиеся цифры.

— О, а это что за ерунда? — удивился Стас.

— Прямо как счётчик Ге́йгера, — усмехнулся стоящий рядом Николай Андреевич.

— Чаво? — протиснулся Женька между Стасом и доктором. — Какой такой счётчик?

— Гейгера, — повторил Николай Андреевич. — Такой газоразрядный детектор частиц.

Женька уставился на Николая Андреевича в немом вопросе. Стас же, иронически шуря глаза, решил подогнать процесс мышления друга.

— Слышал о таком приборе, который называется дозиметр, деревня?

— А-а-а, это прибор для излучения, что ли? — со второй попытки догадался Женя.

— Это прибор для измерения дозы излучения, — со смехом проговорил Стас.

— Ну я же и говорю.

Женька соорудил серьезное лицо «учёного мужа», взял у Стаса мигающий «прибор» и стал его разглядывать.

— Это секундомер, — пояснила продавщица. — Только он... Сейчас я дам другой.

Стас же, подмигнув ей, весело сказал, указывая на Женьку:

— Вы не обращайте внимания, он просто долго учился, поэтому немного задержался в развитии.

Мы засмеялись. А Женька покачал головой и нарочито громко проговорил специально для Стаса:

— Я вообще-то зла не помню... чаще приходится записывать. — И уже обращаясь к продавщице, спросил: — Сколько стоит?

Та назвала цену и засуетилась, дабы поменять эту «поломанную вещицу» на другую.

— Нет, нет, я беру это, — остановил её Женька. — Должен же кто-то скупать у вас брак со сто-процентной скидочкой...

И дальше Женьку понесло в таких смехотворных речах, свойственных привередливому покупателю, что мы чуть не умерли со смеху. Даже наш психотерапевт после очередной Женькиной клоунады по поводу «удешевления товара» заинтересованно спросил у Стаса:

— Он такой во всём или в частности?

На что тот ответил:

— И во всём, и в частности.

— Да, это уже «диагноз», — констатировал со смехом доктор.

И когда довольный Женька, выторговав эту безделушку за копейки, под шуточки ребят подошёл к Сэнсэю, тот сказал:

— И тебе не совестно у людей копейки отбирать?

— А что? Это им пусть будет стыдно эдакое «тьфу» толкать за такую цену. — И улыбнувшись своей подкупающей голливудской улыбкой, добавил: — Ты же знаешь, Сэнсэй, моя совесть кристально чиста... — И, отходя, тихонько добавил: — Я ведь ею не пользуюсь.

— Так в том-то и проблема, — заключил Сэнсэй под общий хохот ребят.

Мы зашли на рынок и начали закупать продукты по списку. Женька же от нечего делать подошёл к какому-то продавцу, явно прибывшему сюда из более южных земель и торговавшему помидорами и огурцами. Парень «нахлобучил» на себя важный вид и с подозрением поинтересовался:

— А в какой местности росли ваши овощи?

Продавец, наверное, не совсем его понял и стал по привычке расхваливать товар. Вопросы о местности плавно переросли в вопрос о цене, которая оказалась значительно завышенной. Ну, понятное дело, возле моря ничего дешевого не бывает. Но, видимо, только не для Женьки. Встав в позу инспектора (как минимум общества по защите прав потребителей), парень вытащил свой «дозиметр» и деловито стал водить вдоль и поперёк всего товара. «Дозиметр», естественно, начал пищать и мигать, вы-

свечивая на своём табло нереальные цифры. Продавец удивлённо выпучил глаза. Эти действия, неизвестно откуда взявшегося на его голову такого дотошного покупателя, явно производили на него неприятное впечатление.

— Нет, ты видел, видел! — Женька с возмущением показывал данные «дозиметра» Стасу, стоявшему в это время рядом и с большим трудом пытавшемуся сохранить серьёзный вид. — Нет, ты только посмотри! Это же хуже, чем в Чернобыле! Ты на каком ядерном полигоне это выращивал? — обратился Женька к продавцу, тыча ему показания «дозиметра». — Ты видишь, даже счётчик Гейгера зашкаливает. Нет, ну кошмар какой-то! Скоро нас вообще ядерными отходами кормить будут...

На высказывания Женьки стали оборачиваться люди. Продавец, растерянно глядя то на счётчик, то на овощи и усиленно пытаюсь сообразить в чём, собственно, дело, стал оправдываться, что у него самый качественный товар. А когда Женька начал раздувать эту историю до неузнаваемости, тот самолично скушал помидор на глазах у всех, убеждая уже не так парня, сколько собравшихся зевак в полной безопасности своих овощей. Но Женьку это ещё более раззадорило и в ответ на действия продавца он начал рассказывать страшные истории, как действует радиация на организм человека, причём с подробным перечислением, что в организме начинает нарушаться и отказывать в первую очередь (естественно, по его мнению). В общем, он такого понаплёл, такую толпу любопытных вокруг себя собрал, что, в конце концов, продавец сунул ему товар, очевидно даже ниже закупочной цены, лишь бы от этого «паникёра» поскорее отделаться.

К этому времени мы уже приобрели часть продуктов. Стас и Женька, отыскав нас, предъявили полный пакет помидоров и огурцов. Причём Женька не переставал хвастаться своими «достижениями» и изъявил желание закупить все остальные «продукты» по более низким ценам. На что Сэнсэй лишь осудительно покачал головой:

— Эх, люди... Толкуешь вам, толкуешь...

— Нет, ну, Сэнсэй, зачем тратить больше, если можно купить по разумной цене? Они же тут все народной обдираловкой занимаются! Я, как порядочный гражданин, не могу пройти мимо такого безобразия. Мне же так и хочется принять в нём посильное участие. — Ребята вновь грохнули со смеху, а Женька продолжал оправдываться, лукаво улыбаясь. — У меня же к ним нет зависти. Просто когда я вижу торгового работника, в нутре моём возникает обострённое чувство справедливости.

— А-а-а, — усмехнулся Сэнсэй. — Это качество сейчас так величают?

— Ага, — кивнул, смеясь, Стас. — Причём это «обостренное чувство справедливости» у него проявляется в двух видах: корыстное и бескорыстное. Корыстное — это когда он хочет, чтобы «и у него это было». А бескорыстное — это когда он хочет, чтобы «и у того этого не было».

Сэнсэй безнадёжно махнул рукой в сторону Женьки и Стаса, проговорив:

— Делайте что хотите.

Николай Андреевич отдал им список и деньги. Наша команда разделилась. Часть ребят пошла вместе с Женькой повеселиться с его закупки продуктов. А Сэнсэй, Володя, доктор и я, предварительно договорившись с ребятами, где мы их будем ждать, пошли к берегу.

Небо было безоблачным. Полусонные отдыхающие лениво расхаживали вдоль улиц, прячась от зноя под тенью деревьев. Мы вышли к условному месту. И составив пакеты с продуктами, сели на свободную скамейку в тени большого дерева. Николай Андреевич решил не терять время зря и стал расспрашивать Сэнсэя.

— Сэнсэй, ты затронул интересную тему, когда мы шли сюда... Вот я всё время думал... Ну, ладно, богатство нам с тобой не угрожает при нашей профессии да ещё в нашей стране, — в шутку проговорил доктор. — А вот если серьёзно, что делать человеку? Вот все говорят, то плохо, то плохо, а как хорошо? Как жить?

— Понимаешь, **каждый человек, по сути, не живёт своей настоящей жизнью. Он выбирает понравившийся ему образ и играет роль, причём, как правило, не одну.** Вот, к примеру, ты сейчас играешь роль студента, пытаешься, как на лекции, задать вопросы, вникнуть в суть моих ответов. Потом переключаешься на роль психотерапевта, стремясь проанализировать мои слова. Но, по сути, это всего лишь игра, не более. Потому что ты сам знаешь то, о чём я говорю. Нужно всего лишь глубоко заглянуть себе в душу.

Так и каждый человек. Он играет. Одному по душе роль доктора, второму нравится роль крутого спецназовца, а третьему — автослесаря. Кто-то выбирает себе роль алкоголика, кто-то бандита, кто-то карьериста, а кто-то обиженного на жизнь. Но кем бы ни был человек, по факту — это всего лишь его роль. Просто он настолько в неё вживается, что думает, что это и есть на самом деле его настоящая жизнь. Действительно, прав Шекспир, весь мир — это всего лишь театр.

И как любой артист человек остается неудовлетворён своей ролью и мечтает о другой роли, где он видит себя более важным. Чего бы человек ни достиг, ему кажется, что главную роль в своей жизни он ещё не сыграл. И играя того себя, кого он выдумал, к примеру, бедного, больного, богатого, здорового, слесаря или космонавта, не имеет значения, — человек мечтает о другой роли. Он примеряет к себе образ президента, олигарха, героя-спасателя, борца за справедливость, ещё кого-нибудь... **И всё время пребывает в мечтах, тешит себя этими сказками. Но не проще ли прекратить мечтать и выбрать себе в жизни роль, достойную Человека?**

— Ты имеешь в виду святого, ламы или кого?

— Хоть ламы, хоть святого или же порядочного, доброго человека, называй это как хочешь. **Я называю это просто — роль, достойная звания Человека. И быть тем, кем ты должен быть. Чтобы, засыпая, ты был спокоен, что твоя совесть чиста. Чтобы, умирая, было не стыдно за свои мысли и поступки. И чтоб стоя даже перед Богом, как говорят христиане, на Суде Божьем, тебе было что сказать. Чтобы твоя корзина с добрыми делами была полна, а с худыми делами была пуста. Вот что значит быть Человеком.** И не просто внешне, но и, что важно, внутренне. Навести порядок в своей голове. Не мечтать о дурном, о глупом, о пустом. Думай больше о Боге, думай о душе. Есть свободное время — используй его с пользой для души, молись, медитируй, занимайся духовным. **Ибо жизнь слишком коротка. И даётся она для того, чтобы человек доказал Богу, что он достоин звания Человека...**

Сэнсэй рассказывал просто и понятно. Его слова были наполнены такой искренностью, таким участием, силой и добротой, что у меня даже «цветок лотоса» непроизвольно заработал, разливая приятное тепло по телу. А на душе стало так хорошо, словно с меня самой свалились все наигранные маски, обнажив на время мою реальную Сущность. И почему-то именно в этом свободном состоянии я действительно понимала, о чём говорил Сэнсэй. Ибо это понимание шло не через слова, а через мою душу.

Некоторое время мы сидели молча, созерцая морскую картину природы. В этом необыкновенном состоянии, порождённом словами Сэнсэя, видимо никому не хотелось говорить лишнего. Всё было на удивление ясно и просто. Эту безмятежность созерцания нарушили вернувшиеся с рынка ребята.

— Гляньте, сколько мы добра всякого накупили! — проговорил довольно Женька, растопырив руки и демонстрируя гружёные пакеты, которые нёс он и ребята. — А чего вы такие грустные?

— Да вот, смотрим, — сказал Сэнсэй, глядя в морскую даль.

Женька тоже для приличия посмотрел в ту сторону. В это время по морю как раз мчался катер. К нему была прикреплена верёвка, конец которой удерживала девушка на водных лыжах.

— О, классная девчонка! — оценивающее заявил Женька, думая, что речь идёт об этом.

— Вот-вот, — промолвил Сэнсэй. — Я им по этому поводу анекдот рассказал, вот они и загрустили.

Женька хмыкнул:

— Что ж за анекдот такой, что они загрустили?

— Да сидят два рыбака на берегу реки. А перед ними красивая девушка катается на водных лыжах. Один другому говорит: «Представляешь, сейчас она упадёт и начнёт тонуть. А я нырну и спасу её. Вытащу и притворюсь, что делаю искусственное дыхание, а сам её буду целовать, обнимать». И только он это проговорил, девушка падает и начинает тонуть. Тот тут же бросается в воду. Нырнет и вытаскивает женское тело. Начинает искусственное дыхание делать, целовать, обнимать. А потом подходит к другу и говорит: «Что-то я не пойму? Та красавица была, а это какая-то уродина». А друг на него так искоса смотрит и говорит: «Да, да... И та была на водных лыжах, а эта на коньках».

Под деревом раздался раскатистый смех нашего коллектива. Один Женька как-то вяло усмехнулся, а потом озадаченно спросил:

— Не въехал, а при чём здесь коньки? Она же на водных лыжах была.

Мы все грохнули, смеясь уже не столько с анекдота, сколько с Женьки. Парень же постарался замять свою неловкость и быстро подсуетился, переводя поток смеха уже в русло своих приключений на рынке. К рассказу подключились и «очевидцы», дополняя своими подробностями. В конце концов, вдоволь нахохотавшись, все пришли к выводу, что Женьку на этот рынок одного отпускать уже опасно. Он там наделал такого шороху со своим «дозиметром», что если вздумает заявиться туда в следующий раз, даже без этой штуковины, он явно ощутит на своих костях все «последствия» своей шутки.

Мы распределили продукты по пакетам так, чтобы было удобно нести всем. И когда уже собрались «отчаливать» в обратный путь, Женька вдруг громко рассмеялся:

— А-а-а! Так получается, та, что в коньках, ещё с зимы там валялась.

Это уже была последняя капля. Наш смех просто перерос в истерику. Даже прохожие, глядя на нас, стали улыбаться, заражаясь волной хорошего настроения, хоть и не понимали, в чём, собственно говоря, причина такого повального смеха.

Так как мы были нагружены продуктами, то пошли в обход пансионатов более длинной, но удобной дорогой. И когда проходили мимо очередного строения, Женька, глаза по сторонам, неожиданно остановился. Он поставил пакеты на асфальт и учинил детальный обыск своих карманов, которые в своё время дизайнеры одежды обильно «налепили» как на его рубашке, так и на шортах.

— Да где же она? — озадаченно бормотал парень.

Поскольку Женя приотстал, некоторые из нас тоже остановились, поджидая парня.

— А, вот! — наконец-то обрадовано воскликнул он и вытащил какую-то скомканную бумажку.

— Ты что, это на экстренный случай жизни бережёшь? — усмехнулся Володя, наблюдая, как парень пытался разгладить помятую бумагу.

— Ага, на экстрасенсорный, — в шутку отпарировал Женька.

Схватив свои пакеты, он догнал Сэнсэя.

— Сэнсэй, глянь, какую я на рынке объяву сорвал. Целая хвалебная ода Вседержителя Космоса и всея Земли...

И парень, одновременно удерживая пакеты в руке, протянул бумагу.

Сэнсэй взял её, пробежал глазами и, усмехнувшись, отдал обратно.

— Такого «добра» в округе полно. Вон, смотри... И там это висит, и там, и вон там...

Мы с любопытством закрутили головами вместе с Женькой в тех направлениях, куда указывал Сэнсэй. И действительно, везде пестрели одни и те же объявления, написанные крупными буквами: «Великий экстрасенс, почётный Мастер международного класса, предсказатель оракулов, могучий маг и чародей, от одного взгляда которого исцелились многие люди, Виталий Яковлевич... по многочисленным просьбам проводит дополнительный лечебно-оздоровительный сеанс, аналога которому нет в мире. Начало сеанса...» И далее значилось завтрашнее число, а также непомерно раздутая цена на билеты.

Глядя на это расклеенное множество объявлений, нас снова разобрал смех. Даже на мусорном контейнере, мимо которого мы проходили, также «красовалась» такая бумажка.

— Тьфу ты! — в сердцах плюнул Женька. — А я, как дурак, нёс эту «тяжесть» в кармане с самого рынка.

Он вновь скомкал бумажку и, подкинув её, пнул ногой, словно мячик.

— Ты чего соришь? — добродушно пожурил его Сэнсэй. — Чистота мысли начинается с твоей внешней культуры и опрятности. Иди, подбери бумажку и брось в мусорник.

На сей раз Женька, вопреки своим обычным отговоркам, повёл себя явно неадекватно, очевидно внося разнообразие в свой неутомимый юмор. Вновь поставив свои пакеты, он услужливо побежал вперёд нас к бумажке. И подняв её, даже пару раз «подмёл» рукой то место на асфальте, где она лежала. А затем как заправский баскетболист метнул скомканную бумажку в контейнер с мусором, точно мяч в корзину. И «забив очко», с довольным лицом наигранно развёл руками:

— Какая такая бумажка? Никакой бумажки не было. Вам показалось. Нынче солнце сильно греет. Это был всего лишь мираж.

— Ну, ну, — со смехом произнёс Стас. — А ты у нас джинн из бутылки.

Мы вновь захохотали. Женьке, видимо понравилась эта идея нового образа, и он сказал:

— А почему бы и нет? Загадывайте любое желание, так уж и быть, исполню, — и, подмигнув, весело добавил, — учитывая, естественно, современный хозрасчёт и самообслуживание.

— В смысле самообслуживание? — улыбаясь, проговорил Стас. — Это что же получается, мы сами желание загадаем, и сами же исполним за свой счёт?

— Догадливый ты наш! — похлопал его Женька по плечу, возвращаясь за своими пакетами.

Мы посмеялись, а Андрей промолвил:

— Лично у меня только одно желание — быстрее перенестись на косу вместе с продуктами.

— Запросто, — ответил Женька, нагнав нас со своим грузом: — Ничего нет невозможного для моего волшебства. Для реализации этого желания есть два варианта.

— Огласите, пожалуйста, ваш обширнейший список, о великий джинн, — потешно предложил Стас.

— Первый вариант: сейчас мы быстренько ускоряемся и с конкретной нагрузочкой в виде тяжёлых пакетов совершаем пробежечку до лагеря.

— О нет! — разом завопили мы.

— Да ещё по такой жаре, — зароптал Андрей.

— Тоже ещё мне волшебство! — усмехнулся Руслан.

— А второй вариант? — с улыбкой поинтересовался Стас.

— Второй вариант волшебства возможен, если подходить к делу с умом. Что главное в деле перемещения?

— Володина пята! — со смехом отозвался Андрей.

Все вновь захохотали, вспоминая утреннюю шутку Сэнсэя.

— Ну, это само собой разумеющееся для некоторых индивидов, — продолжал разыгрывать свою роль Женька. — Думайте ширше!

— Крылья! — выкрикнул Руслан.

Женька прищёлкнул языком и с напыщенным видом проговорил:

— Енто для птиц высокого полёта. Думайте глубже!

— Колёса, — увидев проезжающую машину, шуточно изрёк Стас.

— Ну, Стас, ты вообще в улёт пошёл, — копируя протяжный голос наркомана, махнул рукой Женья. И весело добавил: — Думать глубже — это не значит совсем отъехать. Ну что? Вариантов больше нет? Эх вы! Главное, как говорил наш дорогой Сэнсэй, это занять ум полезным делом. — И наклонив голову в сторону смеющегося вместе с нами Сэнсэя, спросил: — Правильно я говорю?

— Правильно, правильно, — кивнул тот.

— Вот видите, я уроки, в отличие от вас всех, усвою., то есть усвою. Тьфу ты, у-сва-и-ваю, — наконец членораздельно выговорил парень, — очень быстро.

— Конечно же, куда нам до тебя, ты же у нас уникал, — с иронией заметил Стас.

— Ну так кто бы в этом сомневался! — самодовольно заявил Женька, выпятив грудь. — Я какой-никакой, но джинн!

— И что вы нам на сей раз предложите, Абдурахман Абдурахманович? — с иронией в голосе пробасил Володя.

Но Женька, казалось, растягивал удовольствие от своей игры слов:

— Терпение, мой друг, терпение. Так вот, чем можно занять свой ум так, чтобы время пролетело быстро и незаметно? Юмором! Так что слушайте анекдоты...

После очередной порции Женькиных анекдотов, когда у нас от его «волшебства» уже рты и животы болели от смеха, Николай Андреевич решил прервать этот бесконечный смех и использовать время более рационально, тактично переведя разговор в русло извечных тем о человеке и путях его духовных соисканий. И разговорившись, Сэнсэй поведал нам одну легенду.

6

«Однажды Путник потерял себя. Он оказался один среди пустыни и не мог вспомнить, кто он, где он и куда ему идти. В какую сторону Путник ни направлял свой взор, везде были пески и бескрайние барханы. И не знал он, где им конец, а где начало. Солнце нещадно палило его кожу. Ветер обжигал раскалённым воздухом.

Долго шёл Путник. И тут он увидел сухую колючку. Путник подумал, что и он есть колючка. Сел рядом с ней. Но внезапный порыв ветра погнал её по пескам. Она с лёгкостью покатилась, оставляя своими шипами след. И он подумал, раз она движется, значит, знает куда. Раз она оставляет след, значит, она указывает ему путь. И Путник пошёл за ней. Но ветер стих и колючка остановилась. Новый порыв ветра погнал её в обратную сторону. И Путник снова двинулся за ней, ступая по своим же следам. Но, в конце концов, оказался на том же самом месте, откуда и начал свой путь. И Путник осознал, что колючка мертва, и ветер лишь играет ею. Он понял, что бессмысленно бегать за мёртвой сухой колючкой, ибо она не имеет жизни. Теперь лишь стихии властвуют над ней. Он взял её в руки, но она больно уколола. Это его удивило. Даже мёртвая, она продолжала причинять боль. И он в гневе отбросил её.

Путник пошёл дальше. Долго шёл. Его мучили жажда и голод. Но он продолжал идти. Увидев летящую большую птицу, Путник подумал, что и он есть птица. И побежал за ней. Он рассуждал, что раз эта птица летит так высоко, то и видит дальше него. Она знает путь, значит, выведет его туда, где можно будет утолить жажду и насытиться, где он наконец-то обретёт покой и избавится от страданий. Обрадованный Путник бежал, восхваляя её стремительный полёт и радуясь своим мечтам.

Сильная птица летела красиво и быстро. Путник мчался за ней что было сил. Он устал, но продолжал свой бег, живя надеждой на лучшее. Птица стала снижаться за ближайший бархан, и Путник ускорил свой бег. Он полагал, что лишь мгновения отделяют его от мечты. Взбежав на

бархан, он остановился, и ужас обмана охватил его, когда взору открылась правда. За барханом стоя таких же птиц разрывала мёртвое тело, с жадностью поглощая гнилую плоть. С отвращением отвернувшись, Путник пошёл прочь. Он понял, что для птицы он всего лишь пища.

Долго шёл Путник. Солнце по-прежнему беспощадно палило. Ветер обжигал своим раскалённым воздухом. Изводила нестерпимая жажда и голод. Силы были на исходе. А вокруг всего лишь бескрайние пески да голубое небо. И тут Путник увидел змею. Она передвигалась уверенно, не спеша, точно знала наперёд свой путь и наслаждалась каждым мгновением его преодоления. В ней чувствовался покой. От неё веяло прохладой, несмотря на сильную жару. И Путник подумал: «Раз она не спешит и от неё веет прохладой, значит, она знает, где находится источник. Если я пойду за ней, то укроюсь от солнца и утолю свою жажду».

Путник пошёл за змеей. Он почувствовал, как силы постепенно возвращались к нему. И Путник подумал: «Может я есть змея?». Но в этот момент змея остановилась и повернулась к нему. И он увидел, что у змеи есть зубы, наполненные ядом. Тело задрожало от страха и понесло его прочь. И остановилось лишь тогда, когда рухнуло в горячий песок. Он был зол на себя, что не смог устоять, ведь всего лишь шаг отделял от спасения. Тело предало его. А ведь он полагал, что его тело есть он.

С трудом поднявшись, Путник вновь побрёл по пустыне. Он ходил под палящими лучами солнца, вспоминая прохладу и покой змеи. Тоска овладела им. И тут он увидел мелькнувшую тень. Он подумал, что это мираж, призрак змеи. Но тень вновь промелькнула. Присмотревшись, Путник увидел ящерицу. Ему показалось, что и от неё веет прохладой. И он подумал: «Раз от неё веет прохладой, как от змеи, то может, и она тоже знает, где есть источник». И он устремился за ней, стараясь не отстать. Но ящерица передвигалась проворно и быстро. Измотав Путника по пустыне, она зарылась в песок. И сколько Путник ни копал в том месте, так найти её и не смог. Но, утратив ящерицу, он не расстроился. Ведь это была не змея, а всего лишь беспокойная ящерица, которая только призрачно напоминала змею. И вся суть её лишь пустое метание.

Поднявшись с колен, Путник бесцельно побрёл по пустыне. Он был разочарован в своих встречах, зол на непослушное, голодное тело. Ему надоело это суетное скитание, бессмысленные переживания, обнадёживающие мечты, пустые хлопоты и безграничное разочарование, ложь, обман, иллюзии этой пустыни.

Жара становилась нестерпимой. Тело стонало и изнывало от жажды и голода. Но Путник уже не обращал на него внимания. Он всё шёл и шёл, пока у него оставались хоть какие-то силы. Окончательно ослабев, он упал в раскалённый под солнцем песок и не мог пошевелить даже пальцем. Лишь глаза ещё созерцали бесконечный простор чистого неба, слившегося с безбрежными барханами пустыни. Путник перевёл взгляд на множество разнообразных песчинок перед его лицом. Каждая песчинка чем-то отличалась от других. Но в массе песка эти различия были незаметны. Ветер с лёгкостью перемещал их.

И Путник подумал: «Я такой же, как эта песчинка. Я не знаю, кто я. Но раз я есть, зна-

чит, меня Кто-то создал. А раз Кто-то создал, значит, на то была Его воля. Тогда мои скитания здесь всего лишь часть Его замысла. И эта пустыня — всего лишь место воплощения Его воли. То, что произошло со мной, должно было произойти. Ведь суть не во внешнем движении, а в сущности внутреннего. Если я умру, что изменится? Ведь этим песчинкам не нужна моя жизнь. Но зачем тогда Он создал меня? Как жаль, что я упустил змею...»

Путник впал в забытье. Пробудил его яркий свет. Он зажмурил глаза и прикрыл рукой. Ему показалось, что свет стал меньше. Тогда Путник убрал руку от лица. Он увидел, что была уже ночь. Перед ним горел костёр. А возле костра сидел Странник и готовил еду. И Путник спросил его:

— Кто ты?

— Главное, кто ты? — услышал в ответ.

— Не знаю, — сказал Путник. — Я так долго шёл, что забыл, кто я.

Тогда Странник протянул ему кувшин, наполненный водой, и сказал:

— Тебя долго мучил зной пустыни. Утоли жажду из моего источника.

Путник с благодарностью принял от Странника кувшин и с жадностью стал пить воду большими глотками. Живительная влага растекалась по телу. Ему казалось, что такой вкусной воды он никогда в жизни ещё не пробовал. Насытившись водой, Путник отдал Страннику кувшин и спросил:

— Откуда у тебя среди песков пустыни такая прохладная, чистая вода? Вкус её напоминает мне чистейший горный источник.

Странник улыбнулся и промолвил:

— Я не могу тебе передать словами место этого источника. Ибо узнать его можно, только присутствуя в нём. Слова не могут передать опыт.

Путник задумался и спросил:

— Почему слова не могут передать опыт?

Странник ответил:

— Ты выпил воду. Ты получил опыт. Ведь до этого, как бы я ни описывал тебе, насколько эта вода вкусна и прекрасна, понять и оценить её вкус ты сможешь лишь тогда, когда её попробуешь. Только ты можешь определить для себя, какова это вода. Только ты можешь понять и почувствовать ощущение воды, когда твои губы к ней прикасаются, когда она наполняет твой рот и течёт в твоё тело через горло. И этот опыт принадлежит только тебе, ибо каждый пьёт свою воду. Но сколько бы ты ни пил, ты будешь жаждать вновь. Лишь став источником, ты навсегда утолишь свою жажду.

— А как я могу стать источником?

— Стань собой, своей Сущностью. Жизнь и смерть как единый поток. В потоке движется Сущность. В движении обретает непреходящее. Никто не может по-настоящему оценить бушующий поток, не зайдя в его во́ды, ибо это есть будущее. Никто не сможет войти в одну и ту же воду дважды, ибо это есть прошлое. Есть только движение потока, ибо это и есть настоящее.

*Всякая вода рано или поздно достигает своего источника и становится им, возвращаясь к перво-
зданной чистоте.*

Путник удивился мудрости ответа и спросил:

— Откуда ты знаешь это все о воде?

— Я был Источником её влаги, — последовал ответ.

Странник протянул ему еду и сказал:

— Ты так долго скитался по пустыне. Утоли голод свой, отведав пищи моей.

Путник с благодарностью принял от Странника еду и стал с наслаждением её поглощать. Она ему показалась столь вкусной и сытной, коей он ещё никогда в жизни не пробовал. Насытившись едой, Путник спросил у Странника:

— Почему столь вкусна еда твоя? Я такое никогда в жизни не ел.

— Ты был голоден. Пища — всего лишь услада плоти. Она насыщает плоть, но не утоляет жажду. Те, кто считают её наивысшим благом, не могут отказаться от её накоплений. Но сколько её ни накапливай, она испортится. Пища даёт временное наслаждение обладания ею. Она полезна лишь для поддержания плоти, в коей пребывает Дух.

— Но почему от столь малого количества твоей еды я наполнился большей силой, чем когда-либо?

— Потому что сила эта, делающая еду таковой, какова она есть, не имеет предела и начала. Она есть предел беспредельного и граница безграничного. Но сама еда — она конечна, она ограничена внутри себя самой.

И Путник вновь удивился:

— Откуда ты знаешь это о еде?

— Я был Поваром этого мира.

Утолив голод и жажду, Путник обратил внимание на свою одежду. Она была ветхой и рваной. И он устыдился вида своего.

Странник, заметив это, сказал:

— Тебе нечего стыдиться одежды своей. Одежда — это всего лишь частица единого процесса созидания и разрушения. Нет ничего глупее, чем угрождать прихотям своей одежды. Ведь то, что есть суть её, запирает тебя в пределах своего узкого пространства, отдаляя от мира и погружая тебя в сомнения и страхи, порожденные этим отчуждением. Она заставляет тебя существовать ради её форм и внешних иллюзий, кои вид её создаёт для других, втягивая тебя всё в большие заботы о ней. Ведь каждая форма имеет свои правила. А правила — всего лишь совокупность контрастов.

Твоя одежда имеет предел. Она изнашивается. Ты же свободен её не носить. Но, изнашив одну, ты надеваешь другую одежду. Однако, не разрушая предел, гнаться за беспредельным губительно.

И Путник опять изумился:

— Откуда ты знаешь это об одежде?

— Я был Портным этого мира, — последовал ответ.

Путник огляделся:

— Скажи, а как я попал сюда?

— Ты пришёл, — ответил Странник.

— Но я помню лишь жару и песок.

— А что ты видел?

Путник стал вспоминать:

— Я видел сухую колючку, которую гонял ветер. Она оставляла след на песке. Я шёл за ней, думая, что она укажет мне путь. Но ветер изменил направление. Я вернулся обратно. И решил, что бессмысленно бегать за мёртвой сухой колючкой, ибо она не имеет жизни. Но колючка уколола меня, когда я поднял её. Даже мёртвая, она продолжала причинять боль.

— Ты встретил мёртвое, которому нечем себя обнаружить, кроме шипов своих. Мёртвое защищает мёртвое. Мёртвое не превратится в живое оттого, что есть жизнь, а живое не станет мёртвым оттого, что есть смерть. И смерть, и жизнь от чего-то зависят, есть что-то, что их объединяет, — проговорил Странник.

Путник же продолжил:

— Я видел большую птицу. Она летела высоко. Я бежал за ней, думая, что она выведет туда, где я смогу обрести покой и избавиться от страданий. Я восхвалял её полёт и тешил себя мечтой. Но она привела меня лишь к стае таких же птиц, которые поедали мёртвую, гнилую плоть.

И Странник ответил:

— Глупо восхвалять того, кто в тебе видит всего лишь будущую пищу. Тебя привлекла высота её полёта. И ты последовал за ней, думая о своей выгоде. Но стремления птицы в полёте были другими. Хоть и высоко она парит над пустыней, но питается она её жертвами. Птица же, питающаяся падалью, не страдает от перемены своих «блюдов». Ибо суть её гниль. Ты обманул сам себя. Ты увидел реальность, и у тебя исчезли иллюзии. Но твоя реальность есть тоже иллюзия. Большая птица была всего лишь тенью перед сутью вещей. Вещи же имеют свойство рождаться в Бесформенном и возвращаться в Низменное.

Путник сказал:

— Я видел змею. В ней чувствовался покой. От неё веяло прохладой. И я подумал, что ей ведомо место источника. Я пошёл за ней. Но змея повернулась ко мне. И я увидел её зубы, наполненные ядом. Тело моё задрожало от страха и понесло меня прочь. А ведь я полагал, что моё тело есть я. Я утратил змею, но всё время думал о ней.

— Тот, кто полагается на внешнее, может лишь предполагать. Тот, кто полагается на внутреннее, имеет достоверное знание, — промолвил Странник. — Тело есть тлен. Суть его прах. Ты же мог обрести Мудрость вечности. Тебе достаточно было сделать шаг. Но страх гибели тлена оказался сильнее. Тлен убежал. Ты остался в тоске, ибо Дух всегда стремится к вечности.

Мудрость вечности нельзя постичь через тлена власть, ибо она превратит её в глупость. Убежать от страха — не значит спастись. Убить в себе страх — обрести безупречность. Безупречность же позволяет сделать шаг на грань. Ибо только на грани осознаёшь исток Мудрости.

Путник вспомнил дальше:

— Я видел ящерицу. Я думал, это призрак змеи. Мне показалось, что от неё веет прохладой. Я пытался её догнать. Но бег её был быстр и проворен. Она зарылась в песок, и я не смог её найти. Но это меня не расстроило. Ведь она была всего лишь беспокойная ящерица, но не змея.

Странник заметил:

— Призрак, похожий на Мудрость, только кажется Мудростью. Пустая суета начало смуты. Тот, кто хочет казаться Мудрецом, чтобы похвалиться перед другими, печально мечется в одиночестве, мечтая о славе. Но суть его есть пустота в оболочке Эго. Когда знание приходит от незнания, тогда вопросам не может быть конца.

И Путник сказал:

— Я видел солнце, бесконечный простор неба. Я видел безбрежные барханы пустыни. Я видел множества различных песчинок. Но в массе они были незаметны. Ветер определял их направление.

На что Странник ответил:

— Небо и солнце вершат перемены. Они способны преобразжать, дабы всё живое следовало своей природе. Небо и солнце преумножают полное и уничтожают пустое. Пустыня вершит движение в покое. Она мертва, но способна рождать миражи, дабы живое обманывать своими иллюзиями. Пустыня уничтожает полное и наполняет пустое. Песчинки же в массе своей следуют за движением песка, поэтому стихии определяют их направление.

И Путник признался:

— Я подумал, что я такой же, как и эта песчинка. Ведь я не знаю, кто я. Но раз я есть, значит, меня Кто-то создал. А раз Кто-то создал, значит, на то была Его воля. Тогда мои скитания здесь всего лишь часть Его замысла. Если я умру, что изменится? Ведь этим песчинкам не нужна моя жизнь. Но зачем тогда Он создал меня?

— Чтобы ты стал Человеком, — прозвучал ответ.

— Стать Человеком?! — удивился Путник. — Но что есть моя жизнь?

Странник же изрёк:

— Камень, упавший в песок — шелест песчинок.

Волны□ прибой — шелест песчинок.

Твой стремительный бег,

Стопа в песок — шелест песчинок.

Жизнь — это всего лишь шаг,

А годы в ней — шелест песчинок.

Путник подумал и вновь спросил:

— Но что это значит?

— Ты пришёл туда, куда дано тебе от рождения, — отозвался Странник. — Вырос в том, что было угодно твоей природе. Достиг зрелости в том, что стало твоей судьбой. И уйдёшь туда, куда будет дано тебе от смерти. Смерть всего лишь начало жизни. Жизнь всего лишь преемница Смерти. Приход жизни нельзя отвергнуть. Уход её нельзя остановить.

Путник помолчал, а потом восхищённо воскликнул:

— Стать Человеком?! Я вспомнил! Я искал Путь, чтобы стать Человеком!

На что Странник ответил:

— Ты искал лишь чужой след, но не собственный путь. Чужой след не похож на собственный. Следы появляются там, где их оставляют. Но сами они не являются тем, кто их оставляет. Идя по чужому следу, ты гнался за внешними образами, не ведая их внутреннюю суть. Но каждый прокладывает себе тот путь, который соответствует его истинным стремлениям. Пустыня со временем заносит все следы своими песками, дабы новый Путник не совершал ошибок прошлого. Вот почему важен свой опыт. Чтобы стать Человеком, нужно проложить свой собственный путь.

Стопа Человека занимает малое место в бескрайней Пустыне. Но, несмотря на это, она может ступить там, где ещё никто не проходил. Ступая же там, где ещё никто не проходил, Человек способен уйти далеко и обрести большее. Познания его разума невелики, но Человек, верясь Неведомому, способен дойти до Того, Кто его сотворил.

И Путник спросил:

— А кто есть Тот, Кто меня сотворил?

Странник произнёс:

— Его можно воспринять, но нельзя передать. Можно дойти к Нему, но нельзя постичь. Его можно Любить, но нельзя объять. Его можно понять в Начале, но нельзя познать до Конца. Ибо Он есть Тот, Кто создал всё. Ибо Он есть Созидающий своей Волей.

— Откуда ты знаешь это о Нём? — удивился Путник.

— Я есть Голос Его и Слух, — прозвучал ответ.

— Но кто ты? Назови мне имя своё.

— Имя — всего лишь тень от одежды, но её у меня много. А Сущность одна — Бодхисатва».

7

После того как Сэнсэй рассказал нам эту легенду, мы продолжали путь молча. Очевидно, все, так же как и я, пребывали под сильным впечатлением от услышанного и пытались разобраться, в первую очередь, в себе, своем выборе пути в жизни. И уже когда мы подходили к лагерю, Андрей спросил у Сэнсэя:

— А Бодхисатвы посещают только Восток?

Сэнсэй усмехнулся:

— Почему, они везде бывают, и на Руси в том числе.

— Да? — изумился Андрей. — И на Руси? Что, были русские бодхи? Никогда за это не слышал. Сэнсэй, расскажи...

Все оживились, очевидно, тоже горя желанием услышать об этом поподробнее. Но Сэнсэй, глянув на встречающих нас «охранников» нашего лагеря, лишь проговорил:

— Попозже, вечером...

«Ну, вечером так вечером», — подумала моя особа и устремила свой взор на махающую мне рукой Татьяну.

В лагере нас уже заждались. Распаковывая пакеты, мы поведали оставшимся ребятам о своих приключениях, а они нам о своих. Оказывается, мои друзья тоже тут не скучали. Во время того как наши «охранники» решили отдохнуть, «прикормленные» чайки пытались совершить вторичный погром. Костик же, сотворив себе облик разукрашенного индейца, решил с Юрой во что бы то ни стало поймать хоть одну «дичь» и устроить ей «показательные разборки, чтобы другим неповадно было». Они, как полагается, сделали «засаду» в прибрежном камыше. Однако из этой затеи вышла лишь комичная история, как два городских хлопца чуть было не довели до инфаркта «благородную птицу» своим внезапным появлением с улюлюканьем, неистовыми криками и сумасшедшими виражами по берегу в погоне за перепуганной стаей пернатых. Так что своими «цивилизованными разборками» в дикой природе наши «индейцы», кроме перьев и птичьего помёта, ничего больше, как выразился Костик, «не поимели».

Расправившись с обедом, мы пошли резвиться в водных просторах. Наигрались вдоволь в водное поло, то есть ватерполо. И уже когда половина нашей компании растянулась на песочке, грея свои тела, Стас и Женя решили поплавать с аквалангами. Но у них чего-то там не заладилось, и, отложив акваланги, они решили понырять старым добрым способом с маской и трубкой недалеко от берега. Костик и Андрей пробовали свои силёнки на дальний заплыв. А мы с Татьяной барахтались на мелководье. Для наших трусливых женских натур «заплыв» тогда был хорош, когда периодически под ногами ощущалось морское дно.

И вот в тот самый момент, когда Андрей и Костик уже достаточно отделились от берега, Славик, загоравший на песке, неожиданно для всех начал кричать в их сторону и махать руками:

— Акулы! Акулы!

— Ты чего так кричишь? — возмутился в шутку Руслан, лёжа недалеко на песке. — Они на твой развод не клюнут.

— Правда, акулы, сам глянь! — захлёб кричал Славик уже ему.

Славик на самом деле выглядел перепуганным. Мы с Татьяной вмиг приняли вертикальное положение в воде, ощутив под собой спасительное дно, и стали вытягивать шеи, всматриваясь в море. Но ничего особо опасного не увидели и вновь перевели взгляд на встревоженного Славика. Володя и Виктор, загорая на песке, приподнялись и с нескрываемой усмешкой посмотрели вдаль.

— Да ты что, Слава? — проговорил, улыбаясь, Володя. — Какие в этом море могут быть акулы? Это даже не море, а так, лужица. Откуда здесь взяться хищникам, если в округе даже рыбы приличной не встретишь?

— Правда, акулы! Правда, акулы! — заклинило Славика, словно заезженную пластинку на аккорде. — Вон, смотрите! Смотрите!

И тут, глянув в том направлении, куда указывал Славик, я действительно заметила, как вдаль стремительно приближались к берегу два чёрных плавника, периодически теряясь среди волн. И двигались они как раз в сторону Андрея и Костика, которые, не обращая внимания на крики Славика, спокойно плавали в воде, явно не замечая опасности. Но когда уже мы с Татьяной с перепуга подняли целую «сирену» своими звонкими женскими голосами, Андрей и Костик растерянно завертели головами по сторонам, ища причину нашей паники. Андрей первым заметил движущиеся на них плавники и резко поплыл к берегу. Костик же, явно так и не узрев источник опасности, как говорится, не стал испытывать судьбу и рванул догонять Андрея.

Бурные окрики переполошили всю компанию. И когда наш инстинкт самосохранения велел немедленно выбежать из воды, Сэнсэй со старшими ребятами, наоборот, пренебрёг этим внутренним сигнализатором и стал заходить поспешно в воду, вглядываясь вдаль. Мы же, добежав до них, так сказать до «безопасной зоны», остановились. Стыдно же было совсем выходить из воды, когда там ещё оставались твои товарищи.

Сэнсэй, сначала вырвавшись вперёд всех, затем замедлил ход. И улыбнувшись, произнёс в нашу сторону:

— Ну, паникёры. Да это же дельфины!

— Дельфины?! — несказанно удивились мы, вновь всматриваясь в приближающиеся треугольные плавники.

Сэнсэй с улыбкой двинулся навстречу неожиданным гостям. Костик и Андрей, очевидно заметив «спешащего к ним» Сэнсэя, ещё больше ускорили процесс свой гребли и буквально пулей проскочили мимо него, усиленно работая руками и ногами, хотя, по сути, там, где они плыли, воды было уже по пояс. Вертикальное положение они приняли лишь тогда, когда их руки и ноги стали «загребать» песок на мелководье. Видимо, ещё не оправившись от шока, они быстро поднялись, собираясь рвануть к берегу, но тут услышали позади себя смех нашей компании.

— А вы чего стоите?! — растерянно проговорил Андрей, обтирая с лица воду и не понимая, почему же мы до сих пор не на суше.

Парень ещё больше изумился, когда увидел, что Сэнсэй продолжает заходить на глубину.

— А мы не съедобные, — ответил за всех Женька, снимая свою водную маску. — У нас повышенный коэффициент смехотворности. А такие неудобоваримые. От таких, как мы, заворот кишок может случиться. Это всё равно, что проглотить морского ежа и мучаться потом в коликах весь остаток своей жизни.

— Так вроде и мы малосъедобные, — стал приходить в себя Андрей, приближаясь к ребятам. — Глянь, какие костлявые. — И при этом указал на дрожащего Костика.

— Э, нет, — возразил Женька. — Я видел, с какой скоростью за вами гнались. Значит что? Значит, в этом вопросе гастрономические критерии этих хищников явно не совпадают с вашим мнением о своей персоне.

Мы рассмеялись. Горе-ребята присоединились к коллективу, пытаясь понять, что же тут изменилось за время их марш-броска. И когда им объяснили, что это дельфины, они удивились не меньше нашего.

— А чего ж они за нами так неслись? — спросил Костик, всё ещё выбивая зубами мелкую дрожь.

— А чего ты от них удирал? — в свою очередь со смехом спросил Виктор.

— Так гнались, вот и удирал.

— Они, наверное, с тобой поиграть хотели, — высказал свою «версию» Стас.

— Хорошенькая игра. У меня поджилки до сих пор трясутся.

— А с чего ты вообще взял, что это расстояние они ради тебя проплыли? — пробасил Володя, наблюдая за Сэнсэем.

Мы перестали шутить и с нескрываемым любопытством устремили свои взоры на Сэнсэя.

Пара чёрных дельфинов с контрастными чёрно-белыми полосами по бокам хоть и неслась со скоростью, однако необычно резко остановилась буквально в паре метров от Сэнсэя. Сэнсэй тоже замер. Вода ему в это время уже доходила до груди. Один из дельфинов как-то смешно высунул голову из воды, прямо как человек, и забавно закивал головой, приоткрыв рот и издавая смешные звуки, чем-то похожие на трещотку вперемешку с тьяканьем. Второй же дельфин, что был поменьше, вёл себя более робко. Он стал к Сэнсэю боком, не сводя с него глаз, как будто внимательно его изучал. Сэнсэй осторожно пошлёпал по воде, словно выбивая какой-то такт. Первый дельфин прекратил издавать звуки и заинтересованно наклонил мордочку. Очевидно, это ему понравилось, поскольку он поднырнул и выплыл буквально на расстоянии вытянутой руки от Сэнсэя. Тот же медленно дотянулся к нему ладонью и ласково погладил животное по его лобной части. Дельфин подплыл ещё ближе, смелее подставляя свою мордочку для поглаживаний. Но Сэнсэй вместо этого легонько почерпнул ладошкой воду и игриво брызнул на животное. Дельфин весело «затрещал» и бросился наутёк, нырнув под воду. Спустя несколько мгновений он неожиданно выкинул хвост позади Сэнсэя и с шумом шлёпнул по воде, окатив его фонтаном брызг. А потом пошла целая игра в «догонялки» с Сэнсэем, где роль «водилы» переходила от одного к другому. К ней быстро присоединился и второй дельфин.

Глядя на такие водные забавы, весь наш страх перед этими дружелюбными животными стал пропадать. Мы начали подтягиваться к Сэнсэю, явно горя желанием поучаствовать в этой игре. Хотя, честно говоря, вначале с некоторой опаской приближались к этим морским созданиям. Шутка ли, такие мощные «тела» рядом плавали. И не просто «тела», а создания с развитым интеллектом, если учесть, что Сэнсэй упомянул, что мозг дельфина весит около 1800 грамм, то есть больше, чем у некоторых людей. Чем не пришельцы из другого мира, которые живут своей жизнью, параллельной нам, здесь, на нашей планете, в наше время? Однако, глядя на их «вечную» добродушную улыбку, слегка прищуренный весёлый взгляд, трудно поверить, что они могут причинить тебе боль.

Дельфины кружили вокруг нас. И хоть это были представители дикой природы, как ни странно они не боялись нас. Даже давали себя «погладить», правда лишь тогда, когда Сэнсэй находился рядом с нами. Причём если в перерывах между «догонялками» они иногда «разрешали» нам лишь дотронуться до себя, то Сэнсэю с удовольствием подставляли «почесать» своё брюшко, особенно тот дельфин, который был чуть покрупнее. Кстати говоря, Николай Андреевич первым из нас заметил у него затянувшуюся рану на теле сбоку, чуть ниже головы. Причём точь-в-точь на том же самом месте, что и у дельфина, которого мы «хоронили» утром в море.

— О! Неужели это наш знакомый? — удивлённо-восторженно посмотрел Николай Андреевич на Сэнсэя, обнаружив эту «идентичность».

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся.

— Да не, это другой дельфин, — проговорил с сомнением Руслан. — Разве раны так быстро заживают?

— Кто знает? — пожал плечами психотерапевт, с хитрой улыбкой поглядывая на Сэнсэя. — Среда здесь особая... Ведь у того тоже на тех же местах были давно зажившие шрамы. Вон, смотри...

На чёрной верхней части тела животного виднелись хорошо заметные белые полосы, как будто оставленные от зубьев огромной расчёски.

— Точно наш дельфин! — усмехнулся довольно Володя. — Бойцовый! Я тоже тогда эти следы приметил.

— Это его так рыбаки? — поинтересовалась я у Сэнсэя.

— Нет. Это следы от зубов сородичей. Это он свой строптивый характер проявлял по молодости лет.

— Да нет, не может быть, это не тот дельфин, — продолжал убеждать нас, а скорее себя Руслан. — Просто все эти дельфины на одно «лицо».

— Обижаешь, — с улыбкой возразил Сэнсэй. — Это только для невнимательного человека дельфины, как новобранцы, все кажутся на одно лицо. А на самом деле у дельфинов, почти как у людей, нет одинаковых физиономий. Каждый по-своему индивидуален и отличается друг от друга по выражению мордочки, телосложению, форме спинных плавников.

— Да? — проговорил Руслан и попытался «внимательнее» рассмотреть дельфина.

В это время кто-то догадался принести мяч. Он настолько пришелся по душе игривым дельфинам, что за его обладание завязалась целая потасовка, причём с весьма комичными ситуациями. Особенно досталось Женьке. «Меченый» дельфин ещё при первом «телепатическом изучающем осмотре» как-то невзлюбил парня. И в последующем всё время старался ему доставлять маленькие неприятности. То он словно специально умудрялся шлёпнуть перед ним хвостом, чтобы обдать его брызгами. То, когда парень подплывал близко к Сэнсэю, этот дельфин, старался «боднуть» Женьку и отпихнуть его подальше от Сэнсэя. На что парень стал возмущаться:

— Сэнсэй, чего это он ко мне так неровно дышит?

— Ну как чего? — усмехнулся плавающий рядом Николай Андреевич. — Ты же его хотел живо похоронить, в песок закопать?

— Я?! — состроил невинное лицо Женя. — Да вы что?! Я же люблю природу... — В это время дельфин выпрыгнул из воды недалеко от Женьки и с шумом плюхнулся обратно, накрыв Женьку с головой целой волной. Надо было видеть лицо парня после этого неожиданного душа. Оно выглядело так, словно Женьку оплевали с головы до ног, причём самым наглým образом. Парень в сердцах закончил свою речь, крича вслед нырнувшему дельфину: — Я ж говорю, люблю природу!.. — И вытерев воду с лица, добавил: — Ну почти люблю, за исключением некоторых экземпляров.

Все ребята засмеялись, а Сэнсэй с улыбкой его предупредил:

— Смотри, дельфины, как и слоны, способны долго помнить обиду.

Но когда дело дошло до мяча, которым Женька, отобрав у дельфинов, решил их подразнить, «Меченый» вообще принял угрожающую позу. Дельфин возбуждённо замотал головой из стороны в сторону и широко разинул пасть, обнажив свои конические зубки, не хуже чем у тигра. После этого последовал резкий щелчок зубами. Ничего хорошего это не предвещало. Парень тут же выпустил из рук мячик, не желая больше испытывать терпение дельфина, и быстрее погрёб к берегу. А позади него слышалась целая какофония звуков, очень похожая на Женькин ехиднёный смех, который он перед этим имел неосторожность озвучить при дельфинах. Мы даже не поверили, что слышали своими ушами такой забавный «хохот» дельфинов. На что Сэнсэй ответил, что дельфины способны копировать разные звуки. И действительно, когда мы с ними плавали, чего мы только ни услышали: от звука, похожего на скрип какой-то несмазанной калитки, до звуков, похожих на человеческий смех и даже писк комара.

Изнможенные долгим купанием, мы вылезли из воды вслед за Сэнсэем. А дельфины ещё продолжали резвиться, носясь с мячиком и всё дальше и дальше отгоняя его в море. Мы уже махнули на это рукой, решив оставить этот наш маленький подарок им на память. Так они и уплыли с ним в открытое море.

8

Такого насыщенного непредвиденными событиями дня у нас ещё не было. После колоссальной водной «физзарядки» мы просто отключились, заснув глубоким сном. И проснулись лишь под вечер, когда солнце садилось за горизонт. Жара наконец-то спала. Вокруг было тихо. На море стоял штиль. Благодать да и только.

Те, кто проснулся первыми, насобирали хвороста и дров для вечернего костра. Потом дружно приготовили ужин. И когда, расправившись со всеми своими бытовыми делами, расположились возле костра за любимым нами чаепитием, на небе уже появились первые звёздочки. Мы с удовольствием восседали в тесном дружеском кругу, ожидая, как всегда, столь интересную и столь полезную для души беседу с Сэнсэем. Поговорив вначале на бытовые темы, Володя первым перевёл разговор в русло «вечных тем».

— Сэнсэй, ты обещал рассказать о русском бодхи, — напомнил он.

— Ну раз обещал, — проговорил Сэнсэй и, немного помолчав, произнёс: — Слышали о таком святом по имени Ага-пит?!

Некоторые из нас отрицательно покачали головой.

— Нет, — ответил за всех Виктор.

Мне же имя Агапит почему-то показалось знакомым. И я стала напрягать память, где же могла его слышать, причём не так уж давно.

— Агапит, Агапит, — задумчиво проговорил Николай Андреевич, видимо тоже что-то припоминая. — Минуточку... А это случайно не связано как-то с древней медициной?

— С древнерусской медициной, — уточнил Сэнсэй. — Это был выдающийся монах Киево-Печерского монастыря, врачевавший в XI веке. Слава о его даре исцеления от тяжких заболеваний разошлась далеко за пределы Киева. Но это не самое главное в его биографии.

Сэнсэй замолчал, прикуривая сигарету. И тут меня, как говорится, осенило, где я могла слышать это имя. Про Агапита рассказывал знакомый моего дяди. В это время мы с мамой как раз гостили у дяди Вити в Москве, когда я проходила обследование в московской клинике.

— И я знаю кто это! — воодушевлённо промолвила моя особа, к большому удивлению моих друзей. — У моего дяди в Москве есть хороший знакомый — учёный, который входил в научную группу по изучению Печерских мошей. Он рассказывал, что они проводили какие-то там биохимические, рентгенологические, бактериологические и ещё..., не помню, как это по науке называется... Короче говоря, какие-то исследования, которые позволяют восстановить внешний вид и строение человека по костям...

— Морфологические и антропометрические, — подсказал Николай Андреевич.

— Точно, — и уже непосредственно обращаясь к нему за помощью, произнесла: — И ещё эти..., когда узнают, кто чем болел...

— Этиологические.

— Да, — кивнула я. — Так они благодаря этим исследованиям восстановили истинный облик некоторых Печерских святых из Ближних пещер, в том числе и Агапита. Причём его мощи вызвали целый переполох среди учёных. А всё началось с того, когда учёные обнаружили, что мощи Агапита излучают какой-то непонятный не то фон, не то поле, в общем неизвестный вид энергии. Потом проводили разные эксперименты. Так возле его мощей менялась и структура воды, и растения ускоряли свой рост, даже впоследствии становились более выносливыми и «здоровыми». Выявили какие-то защитные характеристики от действия радиации. И даже в помещении, где находились мощи, было что-то обнаружено, что оказывает очень сильное бактериологическое воздействие на воздух. Обычная вода, которая некоторое время стояла возле мощей Агапита, меняла свои свойства. И в последующих экспериментах на животных и людях эта вода оказывала лечебное воздействие, от которого у людей быстрее заживали раны, проходили различные болезни, а больные животные быстро восстанавливались. И самое главное, обнаружили какую-то непонятную цикличность «фона» мощей. В определённые дни это «поле» резко усиливалось, причём многократно. В общем, вело себя как у живого организма... Вот!

Выдав всю информацию, известную мне на тот момент, я замолчала.

— Да, круто! — присвистнул Андрей.

— Что вы хотите, — сказал Сэнсэй, — Агапит был Бодхисатвой.

— Подожди, — произнёс психотерапевт, — он же принадлежал к христианской религии. А Бодхисатва — это вроде как буддийский Восток.

— Я тебе когда-то объяснял первичное значение слова Бодхисатва, помнишь? Это слово из Шамбалы. Бодхисатва, как и человек, принадлежит Богу. А религии, разделения верований — это всего лишь бизнес людей, торгующих именем Бога.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Если Агапит был бодхи, тогда, по идее, учитывая уровень его знаний... В общем, почему же тогда основателем Киево-Печерской Лавры, этого первого духовного центра в Древней Руси считают Антония, а не Агапита, который жил в его время?

Сэнсэй усмехнулся.

— Вернее будет сказать, что Антоний жил во времена Агапита... А насчёт твоего вопроса, то ты забыл одну маленькую деталь. Бодхисатвы редко когда выступают в качестве лидеров человеческого общества, если это не связано с какой-то определённой миссией, как у бодхи Иссы. Обычно их ученики и последователи становятся таковыми. А Бодхисатва, как правило, остаётся незаметным для широких масс.

— А почему? — удивилась Татьяна.

— Потому что Бодхисатва, учитывая его невмешательство в дела человеческие, может только посоветовать, как преобразовать общество в лучшую, духовную сторону. А само преобразование — желание и дело рук самих людей, то есть, к примеру, тех же его учеников и последователей.

— Ты хочешь сказать, что Антоний был учеником Агапита? — прозрел Николай Андреевич.

Сэнсэй кивнул. Доктор подумал, а потом растерянно спросил:

— А как же эта установка, что Агапит был учеником Антония? Она ведь на чём-то базировалась?

— Её «база», как ты говоришь, является всего лишь церковной версией, которая, в свою очередь, выстраивалась на основе таких книг, как «Отечник»...

— «Отечник»? — переспросил Володя.

— Да. Или иначе его ещё называют «Киево-Печёрский патерик». Это книга о жизни и деятельности святых отцов Печёрских, написанная в XIII веке. А также по записям монаха Печёрского монастыря Нестора Летописца «Жития...» или, к примеру, известной вам по школьной программе его книге «Повесть временных лет». — Сэнсэй сделал паузу и, посмотрев на наш молодой коллектив, добродушно проговорил: — Если вы, конечно, учились в школе, а не отбывали там от звонка до звонка.

— Как же, помним, помним, — похвастался Костик. — Я даже дату её написания запомнил. — И с выражением произнёс: — 1113-1115 год от рождества Христова.

Ребята расплылись в улыбках.

— Верно, — подметил Сэнсэй. — То есть, спустя определённое время после реальных событий, с учётом тогдашней политической ситуации в государстве, а также предпочтений и симпатий среди высшего духовенства.

— Ну да, — насмешливо сказал Виктор. — Поди там разбери, кто был прав. Как говорят в нашей среде, выслушав в суде двух свидетелей по одному и тому же дорожному происшествию, теряешь доверие к историкам.

Мы засмеялись, а Костик добавил своего юмора в наш смех.

— Это как у Бернарда Шоу спросили после его очередной речи: «Что скажет по этому поводу история? А тот ответил: «История, сэр, солжёт, как всегда».

— Ну зачем же так категорично, — возразил Сэнсэй под смех ребят. — Просто каждый человек, описывая прошлое, мотивирует его, в первую очередь, личностными соображениями. А личностные соображения зависят от степени его духовности и личной заинтересованности, исходя из чего страдает объективность. Дай задание десяти людям описать одно и то же событие и, будьте уверены, каждый преподнесёт его по-своему. К примеру, политик опишет так, как это ему видится выгодным в свете происходящих в его время событий. Врач опишет с позиции медицинских воззрений. А простой человек с житейско-бытовой позиции, акцентируя внимание на тех моментах, которые лично ему интересны. Вот и получается разная история. Но в любой истории можно уловить основную суть происходящих событий. Как говорится, надо зреть в корень.

— В общем-то ты прав, — согласился Николай Андреевич. — Во многих случаях взгляд на нынешнюю историю у нас действительно однобокий, не говоря уже о далёком, почти забытом прошлом...

— А если учесть, что люди, к сожалению, не меняются, вернее не хотят изменяться... — с оттенком грусти промолвил Сэнсэй.

— ...история, следовательно, повторяется, — заключил его мысли Николай Андреевич.

— Как это ни печально.

Сэнсэй задумчиво посмотрел на костёр. Водрузилось недолгое молчание. Мы же не решались влезть со своими вопросами в ход диалога между «мэтрами».

— Так что же было на самом деле тысячелетие назад? — живо поинтересовался Николай Андреевич.

— Это, конечно, долгая история...

— А мы и не спешим, — ответил за всех Володя, поудобнее устроившись на своём месте и приготовившись слушать.

— Ну, раз не спешите, — в тон ему ответил Сэнсэй, — тогда внимайте... Пожалуй, повествование о времени пребывания Бодхисатвы Агапита на русской земле следует начать с рассказа об Антонии. Потом вы поймёте почему...

Стоял тёплый летний вечер. Вокруг царила полная тишина. Морские волны еле слышно плескались о берег, уводя нас своим монотонным, мелодичным всплеском в туннель времени, в то далёкое прошлое, которое, как ни странно, таким далеким, по сути, вовсе не казалось.

— ...Антония, до принятия в монашество, звали Антипом. Родился он на Черниговской земле, в городе Любече, в 983 году, за пять лет до крещения Руси, во время правления в столице-граде Киеве Владимира I Святославича.

— Это случайно не того, кого называли Красным Солнышком в русских былинах? — вставил своё словцо Костик.

— Он самый, внук княгини Ольги и киевского князя Игоря, — уточнил Сэнсэй и продолжил: — На молодость Антипия выпало бурное время. Как раз шло становление Древнерусского государства,

объединения восточно-славянских племён. На юге и западе велись войны с соседними странами. Да ещё воду баламутили внутренние распри, противоборства между различными религиями. В это же время активным ходом, так сказать «указом сверху», шло замещение множественных устоев язычества новыми христианскими канонами. Причём с обеих сторон дело доходило и «до огня и до меча». Короче, обычный хаос, или, как у нас бы сегодня сказали, «беспредел времён перемен».

— Ну да, как говорится, врагу не пожелаешь родиться во время перемен, — пробасил Володя.

— Точно. А Антипия вот угораздило...

— Как и нас всех тоже, — тихо добавил Виктор.

— В общем, молодость у Антипия была «весёлой». Происходящее вокруг во многом способствовало тому, что он стал предпринимать попытки разобраться не только во внешнем, но и, в первую очередь, в самом себе. И не просто разобраться, а вдумчиво разобраться. Многие люди в то время верили в Бога. И он чувствовал, что Бог есть. Но почему же вокруг творилась такая смута? Почему Бог допускал такое зло? Шло какое-то противостояние, ненужное кровопролитие. Страдали люди, страдали их дети, свирепствовали болезни, нищета, смерть. Антипий имел возможность слышать проповедников разных религий. И все они учили вере в своего Бога, поклонению Ему и молитвам. Но парадокс был в том, что в них самих отсутствовала та чистая вера, о которой сказывали, и сами они не исполняли того, что требовали от других. У Антипия не было доверия и к тем, кто приходил с мечом, рассказывая о Боге. А с другой стороны, его терзали мысли, почему, если есть Бог любящий, то вокруг столько горя, бессмысленно проливается много крови? Почему Бог допускает такие тяжкие страдания?

Вопросов была масса, но, как всегда, в таком рое мыслей ни одного толкового ответа. Но однажды, от одного странника, остановившегося у них на ночлег, он услышал историю, которая его очень заинтересовала. Тот странник поведал о жизни Иисуса Христа. Антипий был поражён. Ведь получается, что люди убили даже Сына самого Бога. Почему же тогда всемогущий Бог не остановил этих людей? Почему не вмешался, когда его собственный Сын страдал от нечестивых и тело Его умирало на кресте? Но когда до Антипия дошло, что суть кроется в людском выборе, выборе каждого человека перед ликом Господним, он понял, что причина творящегося вокруг хаоса была не в Боге, а в самих людях, в том числе и в нём.

Это осознание настолько перевернуло его личные взгляды на жизнь, что он стал по-другому смотреть не только на давно минувшие события тысячелетней давности, но и на настоящее. Он искренне возлюбил Христа, ибо тот был близок ему по своим страданиям. Антипий действительно искренне, по-настоящему возлюбил Бога и задумался, кто же он есть на самом деле перед Его ликом?

Антипия поразило и то, что на свете живут люди, истинно посвятившие свою жизнь Богу. Он впервые услышал от странника, что есть такое святое место на горе Афон, что на земле Греческой. И что живут там люди иные, не такие как все. Оставляют они этот житейский мир и уединяются ради Бога, ради молитвы к Нему о спасении души своей. Носят чёрные одежды. И дают три обета: послушания, безбрачия и нестяжания. А зовут тех людей «иноками».

И Антипий загорелся желанием стать «иноком» и пребывать в непрестанной молитве к Богу. Да только не знал он, ни как идти до той горы на земле чужой, Греческой, ни как правильно молиться Богу, дабы быть услышанным Им. И стал тогда Антипий обращаться к Богу своими простыми, искренними словами и просить Его, чтобы Тот дал ему мудрого наставника, который обучил бы его молитве истинной, приводящей к спасению души. И настолько сильно было это желание, настолько настойчиво он об этом думал и искренне просил у Бога не один месяц и не один год, что, в конечном счёте, случилось следующее.

Это произошло зимой, на рассвете двенадцатого февраля по старому стилю (Юлианскому календарю) или по новому стилю двадцать пятого февраля (по Григорианскому календарю, по которому мы ведём ныне исчисление). В ту ночь он не мог уснуть, вновь размышляя о Боге. И так он углубился в свои раздумья, что стал обращаться к Нему как любящий сын к своему родному Отцу, вымаливая у Него, как мог, душеспасительную молитву. Он интуитивно почувствовал, что у Бога нужно просить только о духовном, а не о бренном земном. И просить искренне, с чистой верой в душе. И когда Антипий очередной раз углубился в своё мысленное обращение к Нему, внезапно неестественный жар вспыхнул в его груди. Казалось, жар усиливался каждую секунду. И в конце концов стал настолько сильным, что было невозможно его терпеть. Антипий поспешно оделся и вышел на улицу.

На морозе ему стало немного легче. Дул холодный, пронизывающий ветер. Шёл снег. Антипий решил укрыться от непогоды в ближайшем стогу сена. Наблюдая из своего убежища за разбушевавшейся стихией природы, испытывая в груди сильный жар, Антипий с ещё большей искренностью стал обращаться к Богу. Он настолько проникся прошением, что забыл и о погоде, и о месте, и о времени, в котором он находился. На него нахлынуло необыкновенное чувство близости Бога, близости самого родного и дорогого сердцу Существа, отчего на душе сделалось удивительно легко и хорошо.

Был уже рассвет. Ветер внезапно утих. Снегопад прекратился. На горизонте, сквозь свинцовые тучи, стали пробиваться первые лучи солнца, оживляя игрой сверкающего света ослепительно белое пространство. И тут Антипий увидел недалеко от себя необычного старца в чёрной одежде. Седоватые волосы с белоснежной бородой окаймляли его необычный лик. Лёгкая, приветливая улыбка блуждала на его устах. А необыкновенные глаза, смотрящие точно в самую душу парня, излучали глубокое сочувствие и неизменную доброту.

Старец стал приближаться, незаметно и неслышно ступая босыми ногами по снегу. Удивительно, но Антипий слышал его приветливые слова, ласкающий слух мелодичный голос, хотя тот и не раскрывал рта. Он остановился совсем близко, так что Антипий даже почувствовал тонкий, благоухающий аромат, исходящий от него. Неожиданно из груди старца стал появляться яркий голубовато-белый шар. Его свет был необычайной чистоты и яркости. Однако он не слепил и не резал глаза. Наоборот, притягивал к себе взгляд своим мягким свечением и завораживающими голубыми переливами. Среди этого потока чистого света стали проявляться светящиеся золотые буквы, превращаясь в единый текст. Антипий скорее понял, что там было написано, ибо в тот момент в его голове зазвучал мелодичный голос старца со словами душеспасительной молитвы: **«Отче мой Истинный! На тебя Единого уповаю и молю тебя, Господи, лишь о спасении души своей. Да будет воля Твоя святая...»** В это время Анти-

пию стало на душе так хорошо и так спокойно, словно через эту молитву сам Бог обратил на него своё внимание и протянул своему чаду руку помощи.

Огласив молитву, старец велел идти ему в Царьград...

— Царьград? — робко переспросил Славик, видимо, с одной стороны, не желая прерывать Сэнсэя и в то же время терзаемый любопытством. — А где такой?

— Ну, это нынешний Стамбул в Турции, расположенный на обоих берегах пролива Босфор между Европой и Азией, соединяющего Чёрное и Мраморное моря, — дал полный ответ Сэнсэй, наверное, чтобы больше не возникало вопросов по географии.

— Да, далеко он его послал, — вставил Костик. — А зачем ему турки?

— Сам ты турок, — шикнул на него Андрей, недовольный, что ещё и Костик влез со своими вопросами, нарушив ход столь захватившего его рассказа. — Тебе же говорят, это был тогда Царьград.

— А-а-а, значит, там русские были? — не унимался тот, пытаясь докопаться до сути.

— Нет. Просто в те времена так русские называли Константинополь — столицу тогдашней Византийской империи, — терпеливо пояснил Сэнсэй.

— Константинополь? — радостно произнёс Костик и, видимо, решив реабилитироваться, быстро протараторил: — А это случайно не в честь того императора Константина, который создал религию христианства?

— Именно. В честь римского императора Константина. — Но только Костик раскрыл рот со следующим вопросом, Сэнсэй опередил его. — В честь римского императора, потому что этот город с 330 года нашей эры стал столицей Римской, а затем с 395 по 1453 года и Византийской империи. А вообще он был основан в 659 году до нашей эры и назывался Византий.

Получив столь исчерпывающий ответ, Костик сразу притих, тем более что Андрей слегка толкнул его в бок, дав понять, чтобы тот помолчал. Сэнсэй же продолжил рассказ дальше:

— Так вот, старец велел идти в Царьград, а оттуда на Святую гору, где Бог сподобит ему встречу с Тем, в Ком истинно пребывает сам Дух Святой, и Тот будет ему аки Светоч на пути к Богу. Сказав это, старец исчез. Вновь поднялся ветер. Небо заволочло тучами, и снова пошёл сильный снегопад. Но Антипий уже не обращал внимания на разбушевавшуюся стихию. Он был счастлив и полон решимости исполнить веление старца, добродушный лик которого запечатлелся в его памяти на всю жизнь. Это видение стало ключом ко всей его дальнейшей судьбе. Можно сказать, что с этого момента, момента его личного выбора, жизнь Антипия круто изменилась.

Целую неделю Антипий пребывал в необычном состоянии душевного подъёма, непрестанно повторяя молитву, данную ему старцем. Будто бы сам Бог находился рядом с ним и несказанно радовал душу своим присутствием. Именно в эти дни у Антипия появилось новое, ни с чем несравнимое чувство к Богу. И он впервые понял, что такое настоящая любовь божья. Это чувство не шло ни в какое сравнение с его предыдущими размышлениями о Боге, наивным сопоставлением с обычными человеческими эмоциями, бытующими среди людей. Это было нечто высшее, что не поддаётся описанию человеческим языком. Это было именно То, отчего душа радостно трепетала, пребывая в неземном восторге.

Но ровно через семь дней от незабываемого видения это необычайное ощущение Присутствия исчезло, оставив в памяти лишь приятные воспоминания поистине божественного чувства ликования души. Антипий, не раздумывая, снарядился и отправился в дальнюю дорогу, толком не ведая, в какую сторону идти. Но, как говорится, язык до Киева доведёт. Антипия он довёл до Царьграда. Путь был не лёгким. Но, непрестанно повторяя про себя услышанную от старца душеспасительную молитву, Антипий чувствовал, что сам Бог ему помогал. Чудом спасаясь от опасностей своего путешествия, Антипию в то же время несказанно везло как на хороших попутчиков, так и на добрых людей, указывающих нужную дорогу, дающих подавание и временный ночлег-приют.

Добравшись, наконец, до Царьграда, то есть Константинополя, Антипий долго бродил по столице. Хоть и был красив город, но всё было в нём чужое: чужой язык, чужие люди, чужие нравы. Не один день он пробыл там, прежде чем встретил попутчика на Афон.

Тут Володя, вежливо кашлянув в кулак, проговорил:

— Про Афон слышал. Но, честно говоря, даже не знаю, где он расположен: — И растянув губы в неловкую улыбку, добавил: — Явно не «горячая точка» планеты.

— Это точно, — улыбнувшись, согласился Сэнсэй и стал пояснять. — Если глянуть на современную карту, то Афон находится в нынешней Греции. Это такой узкий гористый полуостров, точнее сказать восточное ответвление полуострова Халкидики в Эгейском море. Он заканчивается горой Афон высотой чуть больше двух километров. Она-то и дала название полуострову.

— Да, с географией у нас явно у всех пробелы, причём белые-белые, — усмехнулся Виктор.

— Ничего страшного, восстановим, коль они «белые», — добродушно произнес Сэнсэй и стал повествовать дальше. — К тому времени, когда туда пришёл Антипий, Афон был уже признан независимым монашеским государством, формально, по административным меркам подчинявшимся византийскому императору. А фактически там была власть Прота — всеми уважаемого старца, которого избирали для руководства на год от всех тамошних монастырей. На Афоне уже стояли тогда такие монастыри, как Великая Лавра, Протатон, Мони-Ивирон. Но Антипия туда сразу не приняли.

Тогда Антипий, по совету старого монаха, поселился в одной из пещер, расположенной в уединённом месте в юго-западной части острова. Надо отметить, что все два года, что он прожил в пещере, несмотря на скудность пищи, были для него одними из лучших лет на Афоне. Он был счастлив, что наконец-то достиг Афона, как велел ему старец в видении. Он был счастлив, что имел возможность усердно молиться Богу данной ему в видении молитвой, жить ради этого и быть наедине с Ним посреди этой великолепной природы. Днём он посещал монашеские храмы, осваивал новый язык и правила жизни монахов. А по вечерам усердно молился, зачастую провожая в молитве закат и встречая ранний рассвет. И лишь по прошествии двух лет Антипий был принят игуменом одного из монастырей и пострижен в монахи, получив новое имя Антоний, в честь преподобного Антония Великого Египетского, ведшего подвижнический образ жизни и жившего долгое время в пещерах в одиночестве.

Антоний воспринял игумена данного монастыря за того самого «Светоча», о ком говорил старец в видении. Игумен же, в свою очередь, как и подобает ему по духовному сану, начал учить Антония

иноческому житию. Через несколько лет Антоний достиг такого духовного роста, так «подвизался в добродетели», что уже многие «духовно пользовались от него». Даже монахи изумлялись настолько скорому укреплению его духа и воли. И было игумену видение, что Антоний будет причастен к подъёму христианской веры на Руси, что Антонию суждено подготовить Обитель для самого Духа Святого. Игумен расценил это как знак и поспешил отправить его на Русь, в Киев.

Антонию было тогда около тридцати лет. Добравшись до Киева, он посетил монастыри, строящиеся тогда иноками из греков, которые пришли для Крещения Руси вместе с митрополитом Михаилом. Но не захотел останавливаться ни в одном из этих монастырей. И стал ходить по гористым местным окрестностям. В конце концов, нашёл небольшую пещеру, которую когда-то ископали варяги, и поселился в ней. Но прожил там недолго. Как только со смертью князя Владимира власть перешла к Святополку, вновь начались кровопролития и гонения. Антоний ушёл обратно на Афон, где и прожил до старости в усердном молении.

Хоть Антоний и жил по распорядкам монастыря, но всё же у него был особый праздник в духовном радении. Он заметил, что каждый год в день памятного видения необычного старца, с самого раннего утра Антоний начинал ощущать необычный прилив сил. К нему вновь возвращалось то самое состояние духовного подъёма, которое он испытал после видения. Это продолжалось ровно неделю, а потом вновь исчезало. И Антоний стал относиться к этим дням как к особому празднику для своей души. В эту неделю он старался уединиться, не принимать пищу и ещё с большим усердием молиться Богу. И эффект оказался потрясающим. Это необыкновенное чувство внутреннего подъёма многократно усиливалось и с каждым годом становилось всё сильнее и сильнее.

Постигая впоследствии церковную литературу, Антоний всё чаще приходил к выводу, что в том памятном видении к нему являлся сам Архангел Гавриил — возвеститель радости и спасения, первовестник и служитель Божественного всемогущества чудес и тайн Божьих, хотя и в несколько необычном для церковных представлений видении.

Но самые главные события в духовной жизни Антония начались, когда ему уже перевалило за шестьдесят лет. Однажды среди братии прошёл слух, что их монастырь вскоре должна посетить некая таинственная персона. И судя по распоряжению старцев, действительно готовились к приходу очевидно важного для них духовного гостя. Как впоследствии рассказывал Антоний самому Агапиту, он тогда подумал, что ожидается приход какого-то очень авторитетного духовного старца. Но каково же было его удивление, когда вместо старца он увидел молодого человека с приятной внешностью, светлорусыми волосами. Необычными в нём были разве что его пронизательные глаза, не по годам светящиеся какой-то глубокой мудростью и одухотворённым блеском. Но больше всего Антония поразило то, с каким трепетом и глубоким уважением относились некоторые старцы Афона к этому молодому человеку. Он не мог понять, почему его пребывание здесь было покрыто какой-то завесой непроницаемой тайны. Кем же тот являлся, что их старцы оказывали ему столько почестей и внимания? Вроде не монах, а говорил такие духовные речи, которыми даже их мудрые наставники заслушивались. Мало того, этот парень оказался весьма просвещённым человеком. В совершенстве владел несколькими языками. И

что особенно приятно удивило Антония, так это то, что почтенный гость был выходцем из земли Русской и, как потом выяснялось, прекрасно знал Киев и его окрестные места. А звали того молодого человека Агапитом.

Даже когда Антония познакомили с ним лично, он первое время никак не мог привыкнуть к простоте общения этого парня с ним, несмотря на важность его персоны для Афона и того, с каким трепетом к нему относились их старцы. Но, пожалуй, самым поразительным были та простота и ясность, с помощью которых Агапит объяснял духовные мудрования святых отцов. А уж о толковании Учения Иисуса Антоний мог слушать его часами, ибо Агапит говорил так просто и понятно, с такими примерами и подробностями, словно сам присутствовал при тех событиях тысячелетней давности. И эти рассказы заставляли Антония вновь и вновь перечитывать имеющуюся церковную литературу.

За тот период времени, что Агапит пребывал на Афоне, Антоний очень сдружился с ним. Несмотря на свою молодость, Агапит обладал солидным багажом знаний, в том числе и в области медицины. И некоторым из этих знаний он обучил Антония. Агапит также хорошо разбирался, говоря нашим языком, в физике, химии, знании природных явлений, а также в областях человеческой жизни — в философии, политике, религии. С ним было приятно побеседовать на разные темы. И эти беседы оставляли какое-то необъяснимое, приятное ощущение в душе.

Антоний подружился с Агапитом, несмотря на такую существенную разницу в возрасте. И в этой дружбе он раскрыл для себя совершенно новую потрясающую Личность Агапита, когда тот стал посвящать его в тайны великой науки «Беляя Дзы» (Искусства Белого Лотоса). Именно из уст Агапита Антоний впервые услышал о предыдущей человеческой цивилизации Альт-Ланды, о подземном Храме Лотоса, построенном в те времена на территории Киевской земли, о ноше, которую передал Иисус Андрею Первозванному для тех мест. Многие ему поведал и многому научил его Агапит.

Спустя время они расстались. Агапиту необходимо было идти в столицу Византии, а оттуда на Восток. Но он пообещал, что обязательно встретится с Антонием, и «предрёк» их встречу на земле Киевской, в месте, отмеченном ещё во времена Альт-Ланды.

— А что, там действительно есть отмеченное место? — полюбопытствовал Костик, явно, желая услышать продолжение.

— Конечно, — ответил Сэнсэй. — Об этом месте сказано даже в Евангелии от Андрея Первозванного...

— Андрея Первозванного?! — оживлённо восторженно встрепенулся Андрей, как будто только сейчас услышал это имя.

— А кто это? — с ленцой спросил Руслан, почёсывая бок.

Сэнсэй усмехнулся, глядя на него, и произнёс:

— Андрей — это один из ближайших учеников Иисуса. Он был в числе первых, кого Иисус, проповедуя в Палестине, взял к себе в ученики.

— А что.., разве есть такое Евангелие от Андрея Первозванного? — удивился Николай Андреевич. — Библию читал. Об Андрее слышал. А за Евангелие от него... я не припоминаю. Может, эта книга просто не вошла в Библию? Там ведь сколько Евангелий — четыре, пять?

— Четыре, — ответил Сэнсэй и, помолчав, добавил: — От Матфея, от Марка, от Луки и Иоанна. Хотя и те были писаны.., — но, не договорив, продолжил: — В Библии Евангелия от Андрея Первозванного действительно нет. В Библию вошли не все евангелия, а лишь те, которые были отобраны императором Константином и его помощниками для выполнения поставленных перед ними задач. Остальные евангелия просто отвергли, так как в них трактовалось далеко не то, что им было нужно и выгодно. И даже те, которые отобрали, были изрядно подредактированы согласно обстановке нового времени и утверждения христианства как государственной религии.

С 364 года, когда «Новый завет» был утверждён как таковой, и до момента первого издания Библии, текст тоже неоднократно редактировался. Плюс неточности перевода сыграли свою роль. Ведь Библия писалась на древнееврейском, в незначительной части на арамейском языках, а «Новый завет» на греческом. Так что первая печатная книга, изданная в 1455 году, — это уже была существенная разница даже между той, которая редактировалась в 364 году. Плюс корректировки, которые были внесены в последующем. В результате имеем то, что имеем. И, тем не менее, дошло очень много ценного и нужного людям, — подчеркнул Сэнсэй. — И опять же, если говорить о евангелиях, то кроме канонизированных церковью, существует десятки апокрифических евангелий.

Руслан нахмурил брови и деловито спросил:

— А что такое апо... апо.... ну, эта... критика?

— Апокрифы — это произведения, которые не признаны церковью или жречеством священными книгами. А вообще, слово «апокриф» происходит от греческого «арокруhos», что означает «тайный», «секретный». И первоначально его относили к произведениям одной из групп христиан, которые именовали себя гностиками, пытавшихся сохранить своё учение в тайне.

— Да, да, — кивнул Николай Андреевич. — Кстати, я читал, что в 1946 году на юге Египта была обнаружена целая библиотека произведений христиан-гностиков.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй. — Там как раз среди прочей литературы и обнаружили так называемые Евангелия от Фомы, от Филиппа, Истины, апокриф Иоанна. А ранее на папирусах в Египте были найдены отрывки из неизвестных евангелий, причем написанных в разных версиях...

— Ну надо же, оказия какая для попов! — хихикнул Женька. — Эти книжечки не признают, а их всё находят да находят. Прямо бяда с этой древней «макулатурой».

Сэнсэй и ребята усмехнулись.

— Тут же ещё проблема в том, что даже апокрифы разделяют на «дозволенные» и так называемые «отречённые». «Отречённые» конечно же, старались уничтожить. Кстати говоря, первый официальный список «отречённых» книг был составлен в Восточно-Римской империи в V веке нашей эры. Естественно, что после такого «вандализма» потомкам достались только названия и цитаты, приведён-

ные в своих произведениях христианскими писателями II–IV веков, которые спорили с этими книгами... Впрочем, всё как всегда, — пожал плечами Сэнсэй.

— Да, печально, — проговорил Николай Андреевич. — Это же история рода человеческого. И зачем было её уничтожать? Ну лежала бы книжка себе и лежала до своего времени. Пусть бы потомки выносили её на объективный суд.

— Понимаешь, в чём дело, — стал объяснять Сэнсэй, — некоторые из этих книжек действительно представляли ценность, поскольку отражали истинное Учение Иисуса в таком виде, в каком он давал. Поэтому они не оставляли равнодушными ни одну человеческую душу, ибо истинное Учение Иисуса делало людей по-настоящему свободными от всех страхов этого мира. Они начинали понимать, что тело — бrenно, душа — бессмертна. Люди переставали быть заложниками и рабами иллюзии материального мира бытия. Они понимали, что над ними только Бог. Они осознавали, насколько коротка жизнь и временны те условия, в которые загнано их нынешнее тело. Они знали, что эта жизнь, как бы она ни казалась длинной, — всего лишь одно мгновение, в коем пребывает их душа. Они понимали, что любая земная власть, будь то политиков, либо религиозных структур, ограничивается всего лишь властью над телами. Правители же преклоняются перед своим «богом», которому дана власть на Земле, над её материей, но не над душой. Ибо душа принадлежит только истинному Богу Единому. И первые последователи Иисуса, которые исповедовали Его Учение (а не религию, коей оно стало позже), они теряли страх перед этой жизнью. Они начинали чувствовать и понимать, что Бог с ними совсем рядом, ближе и роднее всех и Он — вечен... Такая истинная свобода людей страшно пугала власть имущих. Поэтому последние и занялись сбором и тщательной переработкой имеющихся уже к тому времени письменных источников об Учении Иисуса. Очень много было уничтожено после отбора необходимой им информации для создания новой религии, насаждаемой уже власть имущими как говорится сверху вниз.

Поэтому многие письменные источники, где указывались истинные слова Иисуса, просто не вписывались в сборники «новой идеологии для масс». Но, несмотря на все сознательные упущения, ухищрения и эгоистичные амбиции людей, пребывавших в разные времена у власти в религиозных верхах, эти письменные источники были и есть!

Так вот, в Евангелии от самого Андрея Первозванного сказано, что после того как люди Понтия Пилата спасли Иисуса после распятия, Иисус разговаривал с Понтием Пилатом и именно по его просьбе принял решение уйти на Восток. Перед уходом он распределил между апостолами регионы, кому куда идти проповедовать Учение.

— Так вроде апостолы там жребий какой-то тянули, кому куда идти, — заметил Николай Андреевич.

— Нет, жребия как такового никакого не было. То уже домыслы людей. Апостолы... Кстати, слово «apostols» с греческого переводится как «посланец». Так вот, ученики-посланцы Иисуса были людьми совершенно разными и, естественно, отличались друг от друга степенью своего духовного развития. Иисус распределил между ними различные регионы с соответствующими народами и племенами, исходя из духовной зрелости самих посланников. Кто был посильнее, тому доставались более трудные места

или особо важные регионы для будущего духовного возрождения человечества, а кто послабее — менее трудные «участки». В общем, каждому была определена ноша по силе его... — Сэнсэй помолчал, а потом проговорил: — Слишком важным это было для многих душ человеческих и в том времени, и в грядущем, чтобы распространение данного Учения доверять простому жребию ума человеческого...

Андрею же, как одному из сильных учеников, он наказал обойти с проповедью Фракию, Скифию, Сарматиию. Но главное дойти до Борисфенских гор и заложить там благословение земель тех, на которые через тысячу лет снизойдёт сам Дух Святой, устроив там свою Обитель. Иисус дал Андрею семена лотоса и велел возложить эту ношу в земле той в качестве дара Духу Святому. Его слова стали ребусом, заданным Иисусом, как для самого Андрея, так и для тех, кто впоследствии сталкивался с этим описанием. Мало кто понимал, почему Иисус дал ему именно семена лотоса, даже если эти семена были всего лишь символической.

— А, правда, зачем? — удивился Андрей.

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся и, уклонившись от прямого ответа, промолвил:

— Любое семя — это, в первую очередь... ну, чтобы вам было более понятно, скажем образно, — это «микрочип», обладающий огромной памятью. Оно способно нести матрицу не только будущего растения, но и огромное количество другой информации. Как-нибудь позже я вам расскажу об этом поподробнее. В добавление ко всему, эти семена побывали в руках самого Иисуса — Сына Божьего. Да ещё семена лотоса, всхожесть которых сохраняется на протяжении тысячелетий... Вот и делайте выводы.

Сэнсэй замолчал. А мы сидели, глядя на него и тупо пытаюсь догнать своими мыслишками «выводы», что, собственно говоря, тогда такого особенного произошло. Андрей же, очевидно пытаюсь на своём мысленном уровне свести концы с концами в беспорядочном клубке вопросов, спросил:

— А как Андрей Первозванный нашёл то место, которое указал Иисус?

— Элементарно, — просто проговорил Сэнсэй. — В «Благой вести», то есть, говоря по-гречески euange \square lion, Андрей описал не только подлинную жизнь Иисуса, но и свой поход во время выполнения миссии. И как раз там он упоминает, что когда добрался до тех мест у реки Борисфена (а Борисфеном раньше называли Днепр), то Андрей сразу узнал это место, ибо Иисус, оказывается, описал его с детальной точностью. Создавалось такое впечатление, что Иисус хорошо знал эти горы, хотя никогда не упоминал, что здесь бывал.

— А что, Он там бывал? — поинтересовался Юра.

— Он ведь сын Божий, — с улыбкой ответил Сэнсэй. — А Бог везде. — И сделав паузу, продолжил повествование: — В общем-то, Евангелие от Андрея Первозванного потому и было отвергнуто, что никак не подходило к «кройке и шитью белыми нитками» новой религии. В основном по двум причинам. Во-первых, оно было чересчур свободолобивым и правдивым, ибо там были написаны истинные слова Иисуса, как говорится, из первых уст. Да и сам стиль изложения Учения Иисуса был слишком прост, мудр и доходчив. Андрей также описал подробности из реальной жизни своего Учителя, о том, что Иисус в молодости был на Востоке, что опять-таки никак не вписывалось в церковные догмы. Да и, кроме того, упоминание о семени лотоса поставило их «величество цензоров» в полный тупик. Ведь это уже пахло такими рели-

гиями, как буддизм, индуизм. Никому не хотелось примешивать в свою собственную религию такую яркую чужую символику. Так что это стало ещё одним камнем преткновения, споров и распрей между теми, кто решал, в каких «красках» должна быть выдержана идеология данной религии. Поэтому и убрали Евангелие от Андрея Первозванного, как говорится, подальше, «с глаз долой».

Были, конечно, ещё версии Евангелия от Андрея Первозванного, ходившие среди различных ранних христианских групп, но это уже были в основном записи последователей Андрея Первозванного о самом Учении Иисуса.

— А что случилось с этим Евангелием от Андрея? Его что, уничтожили? — любопытно спросил Андрей.

— Пытались, конечно, — усмехнулся Сэнсэй, видимо вспомнив в этот момент какой-то смешной случай. — Но, как говорится, такие вещи в воде не тонут и в огне не горят, даже если этого ну очень хочется глупость человеческая... Но это всё так, мелочи жизни... После того как Андрей Первозванный выполнил наказ Учителя, через много лет исполнились слова Иисуса. В тех местах возник град Киев — «мать городов русских», столица колыбели объединения славян — Киевской Руси. А в месте, где были Андреем «возложены» семена лотоса, через тысячу лет снизошёл сам Дух Святой в человеческом теле и основал там свою Обитель.

— А как это, снизошёл Дух Святой в человеческом теле? — переспросил Костик.

— Ну, проще говоря, пришёл руководитель Шамбалы в теле Агапита.

— Сам Владыка Шамбалы? — изумился Андрей.

Сэнсэй усмехнулся.

— Да. Ему приходится посещать людской мир так сказать по долгу службы, хотя бы раз в двенадцать тысяч лет. А при важных событиях для человечества и того чаще, чуть ли не каждую тысячу лет, особенно на начальных и завершающих стадиях очередной цивилизации.

Костик только открыл рот, чтобы что-то спросить, как Сэнсэй, глядя на него, опередил с ответом:

— Имеется в виду «цивилизации» в понятиях Шамбалы... Но, пожалуй, мы немного отклонились от темы. Вернёмся к тем событиям, которые произошли через тысячу лет после Иисуса... Когда Агапит ушёл с Афона, через несколько лет игумену вновь было извещение от Бога. Ему явился в видении сам Архангел Гавриил и повелел отправить Антония в Русь. Было это в год 1051.

В этот раз Антоний, прибыв в Киев, уже не ходил по христианским монастырям, хотя в любом из них не отказали бы в приюте почтенному старцу с Афонской горы. Антоний целенаправленно пришёл в то место, где случайно остановился в первый раз, посещая Киев, и куда велел ему вернуться Агапит перед своим уходом. Он поселился на холме возле Днепра, в той же самой пещере. И стал жить, дожидаясь Агапита и пребывая в постоянных молитвах к Богу, особенно той, которая вела его с юных лет. Несмотря на то, что он часто испытывал нужду в пропитании, ежедневно физически работал, углубляя пещеру, всё же он был снова по-настоящему счастлив. Ибо пребывал наедине с Богом как тогда, в далёкой молодости, когда он жил в пещерах Афона.

Вскоре о нём начали узнавать местные жители. И Антоний стал прославляться среди них тем, чему учил его на Афоне Агапит — чудесами, даром прозорливости, исцелением молитвами. И люди потянулись к нему: одни за лечением, другие за благословением, третьи с желанием остаться вместе с ним, стяжаясь в духовном подвиге. Так что к приходу Агапита с Антонием уже проживали в пещере несколько человек, постриженных старцем по их просьбе в иноческий чин. К этому времени они расширили и углубили пещеру в совместных усилиях, устроив там себе кельи для жилья.

Антоний с превеликой радостью встретил своего давнишнего друга. Видя такое уважительное отношение старца к Агапиту, и остальная братия отнеслась к нему с таким же почтением. Агапит не переставал удивлять Антония своей загадочной, во многом таинственной личностью. По приходу Агапита в Киев Антоний стал свидетелем того, как тот имел тайную встречу с самим Ярославом Мудрым. Агапит передал для его «книгоположницы» четыре ценные рукописные книги и три манускрипта. Причём три книги были украшены дорогими камнями. А четвёртая, хоть и выглядела скромно, но, очевидно, являлась очень древней. Антоний был поражён. Ведь каждая книга была настоящим шедевром и стоила целого состояния. А манускрипты... Даже один манускрипт по тем временам оценивался баснословно дорого. И позволить себе такой роскошный, поистине царский подарок мог лишь человек, ну, как минимум, «голубых королевских кровей». Но тогда не только это изумило Антония. Главное как Агапит и Ярослав свободно общались друг с другом! Ярослав разговаривал с ним так, как будто давно и хорошо знал Агапита, словно они были добрыми, старыми друзьями и это несмотря на значительную разницу в возрасте и высокое великокняжеское положение Ярослава.

После той памятной встречи Антоний, потрясённый увиденным, поспешил предложить Агапиту возглавить братию, в которой был старшим. Однако Агапит пожелал оставить всё как есть, и быть у него простым монахом. Он попросил Антония никому не разглашать о его встрече с Ярославом. И восхотел быть постриженным в «иноческий чин», дабы ничем не выделяться среди остальной братии.

— Во даёт! — вырвалось у Костика. — Он же был Бодхисатвой! И пожелал стать простым монахом?!

Сэнсэй пристально на него посмотрел и чётко проговорил:

— Для Бодхисатвы любая власть — это пустой звук. Бодхисатва служит только Богу. В отличие от людей, он знает, что такое есть пребывание «здесь» и что такое есть пребывание «там».

Костик немного смутился и сконфуженно произнёс:

— Нет, ну я не в том плане... Я в смысле... — и тут он, видимо, нашёл подходящий довод, — я в смысле, отдыхать же надо когда-то Человеку. А то всё работа да работа. Ведь, насколько мне известно, простые монахи в те времена пахали, как папы Карлы.

На что Сэнсэй ответил:

— Для Бодхисатвы отдыха как такового в людском понимании не существует. Он знает, что такое время и умеет его ценить. Агапит, конечно, был влиятельной, сильной личностью. Но он сознательно ушёл от власти, управления братией и посвятил всё своё свободное время реальной помощи людям.

Кстати, позже, когда число братьев увеличилось, Антоний передал правление Варлааму, а сам стал по примеру Агапита простым монахом.

— А какую помощь оказывал людям Агапит? Лечил? — поинтересовался Володя.

— Да. Агапит, помимо прочих своих достоинств, был ещё и хорошим врачом. Его сердечное, заботливое отношение к больным породило о нём небывалую славу и уважение в народе, причём далеко за пределами Киева, хотя сам Агапит практически никогда не выходил за территорию монастыря. Он стал одним из самых знаменитых лекарей XI века. Люди называли его «Лечец от Бога». Он вылечивал настолько тяжёлые болезни, за которые уже никто не брался из тогдашних знаменитых врачей. Взять хотя бы такой исторически известный факт, когда Агапит исцелил находившегося при смерти черниговского князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Врач по прозвищу Армянин, считавшийся лучшим на то время эскулапом у знатных людей, ничего не мог сделать, чтобы помочь князю. А Агапиту достаточно было передать с посыльным князя «чудодейственного зелья», приготовленного с молитвой, чтобы за считанные дни поставить Владимира Мономаха на ноги. Позже князь приходил в Печёрский монастырь, чтобы отблагодарить Агапита, и приносил с собою много дорогих подарков и золото. Но Агапит отверг всё это как от самого князя, так и от боярина, которого тот прислал позже от своего имени. Ибо лечил Агапит как простых людей, так и знатных с одинаковым усердием безвозмездно, за что называли его Агапитом Врачом Безмездным. Естественно, это вызвало обычную человеческую зависть, граничащую со злостью, у таких врачей, как Армянин. Но если брать самого Армянина, то, в конечном счёте, он осознал, *Кем* в действительности являлся Агапит. И именно благодаря этому Армянин впоследствии стал монахом в Печёрском монастыре.

— Так он ещё и денег не брал за лечение?! — вновь удивился Костик. — А как же Агапит жил?

— Скромно. В духовном подвиге. — И улыбнувшись, Сэнсэй добавил: — Его келья вызывала жалость даже у воров. Ибо единственное, что было в ней ценным — это сам Агапит, его опыт и знания.

— А чем же он питался, святым духом, что ли?

Сэнсэй посмеялся.

— Нет. Самоедством он точно не занимался.

— Так же недолго и того... ноги протянуть.

— Ну рано или поздно каждый из нас ноги протянет, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Сэнсэй. — Но смысл же не в этом.

— Нет, ну понятно... Но он же не крал эти деньги, а честным трудом зарабатывал. Тем более люди сами ему несли. Почему же он не брал?

— Понимаешь в чём дело, Агапит учил монахов истинному служению Богу. Он говорил, что «золото» и «монах» вещи несовместимые. Человек не может служить двум господам: либо он служит Богу, либо богатству земному, то есть дьяволу. Третьего не дано. Монах же за все свои деяния истинно ожидает награды только от Бога в том мире, а не здесь от людей. *Злато же есть сор для души и искушение для помыслов. Это есть скверна, которую жаждут многие, но которая на самом деле есть обман призрачный. Истинная ценность для монаха в молитве искренней о душе своей. Не о сыто-*

сти пуза своего и здравии тела нужно заботиться. Ибо сколько бы ты ни ел, рано или поздно всё равно проголодаешься. И каково бы ни было твоё здоровье, рано или поздно плоть твоя всё равно умрёт. Душа же вечна. И только она достойна заботы истинной. Как говорил Агапит, монах молится по сердечному желанию за всех людей, но весь смысл монашества — это служить Богу и вымолить у Него спасение для своей души.

Сэнсэй умолк. Возникла тишина. Но вскоре её нарушил задумчивый голос Виктора:

— На такое способен далеко не каждый...

Но тут в рассуждения парня влез Костик со своими «умозаключениями»:

— Значит, Агапит был, выражаясь современным языком, народным целителем?

На что Сэнсэй с усмешкой ответил:

— Ну, если выражаться современным языком, то Агапит скорее был академиком. Как я уже говорил, он не только в совершенстве владел медицинскими знаниями, но и другими дисциплинами. Знал несколько языков. Свободно читал трактаты-подлинники античных, древнеримских авторов. Занимался переводом книг на славянский язык. Перевёл для «книгоположницы» Ярослава Мудрого не только книги с Востока, но даже привезённые с собой древнеегипетские манускрипты.

Позже Агапит также помогал... или, вернее сказать, консультировал Святослава, составлявшего «Изборник 1073 года», где, помимо статей энциклопедического характера, были подробно описаны медицинские сведения. В частности, способы распознавания болезней, различные советы по изготовлению и применению лекарственных растений, сведения о физиологии и анатомии человека. Эту книгу потом долгое время использовали в качестве учебного пособия.

Агапит прививал культуру и жажду к познанию, естественно, и среди монахов. Некоторых он обучал медицинским знаниям. Другим помогал в свободное время просто осваивать книги. Кстати говоря, впоследствии было узаконено монастырским уставом и стало обязательным чтение книг монахами в свободное время. Именно по его инициативе была создана книгоположница Киево-Печерского монастыря.

— Книгоположница? — переспросил Руслан слово, так резавшее слух своей стариной.

— Да. Библиотека по-нашему.

— А-а-а...

— Так вот, Агапит помогал некоторым способным монахам осваивать мастерство врачевания, — продолжил повествование Сэнсэй. — В основе обучения лежали специальные молитвы, произносившиеся в особом состоянии сознания, как правило над пищей или жидкостью. Благодаря чему, к примеру, та же жидкость наполнялась силой, после чего её использовали как лекарство, давая больному для употребления внутрь или же для наружного применения. Проще говоря, ученики Агапита учились изменять не только физические параметры жидкости, но и структуру молекул, накладывая необходимую информацию. Естественно, они до таких тонкостей не знали всего процесса, который происходил в микромире молекулы жидкостной структуры и как именно он влиял на макрообъект. Но им это было и не надо. Монахи просто пользовались общими постулатами этих знаний, которым обучал их Агапит,

как мы, к примеру, сегодня пользуемся электричеством. Энергией электрического тока люди пользуются ежедневно, хотя до сих пор никто толком так и не знает, что это такое.

Так вот, к примеру, у монаха Дамиана, который обучался у Агапита, хорошо получалось лечить людей, особенно детей, с помощью помазания елеем.

— Чем, чем? — переспросил Славик, видимо не расслышав.

— Елеем.

— А что это такое?

— Еле^ей — это оливковое, деревянное масло. У христиан, к примеру, есть целый обряд, так называемое елеосвяще^ние — таинство, которое совершается семью священниками, а если нет такой возможности, то одним священником над больным. Иначе его ещё называют соборование маслом. Суть его опять-таки заключается в том, что над больным произносят определённые молитвы и помазывают его освящённым елеем. И так проделывают семь раз.

— А почему именно семь священников, семь раз? — спросил Андрей.

— Это интерпретируется с духовной силой, с силой семи Архангелов, которые являются посредниками между Богом и людьми. А проще говоря, семью Бодхисатвами... А насчёт использования елея таким способом, так это очень древний способ лечения больных, поскольку в основе процесса излечения лежат как раз те знания, о которых я вам рассказывал — о возможностях человека влиять на окружающий мир через жидкость. Поэтому подобное можно встретить в разных религиях и ритуальных обрядах народов мира.

— Да, — вздохнул Николай Андреевич. — Люди потихоньку утрачивают суть, оставляя лишь внешнюю её форму.

— К сожалению, — произнёс Сэнсэй. — Когда-то люди знали, что они делали. А сейчас всего лишь имитируют внешнюю форму этих знаний. Вот взять одно из семи таинств христианства — Крещение, которое знаменует приобщение человека к данной религии. Сегодня это торжественный многосложный обряд, основное действие которого — троекратное погружение человека в освящённую воду, чтение молитв, помазывание елеем, маслом миро. Но порой даже те, кто совершает этот обряд, не ведают, какая за всем этим внешним действием стоит огромная сила. Даже сами верующие по-настоящему недооценивают и не осознают до конца истинное действие данной намоленной воды. — И помолчав немного, добавил: — Да и сам обряд водного омовения новорождённых возник в христианстве не сразу, а гораздо позже, по мере становления и совершенствования христианской обрядности.

Истоки же Крещения уходят вглубь дохристианских культов. Такие водные обряды совершались и во многих религиях древнего мира, которые, в свою очередь, основывались на поверье их предков об «очистительной» силе воды. Но смысл практики Крещения, которая изначально давалась людям, лежит ещё глубже, за гранью той водной стихии, которую во внешнем видят люди.

— Интересно, интересно, и в чём же её смысл? — торопливо спросил Николай Андреевич, заинтригованный, как и мы, темой разговора.

— Смысл подлинной практики Крещения заключается в погружении человека в глубины своего сознания, вплоть до души. Само слово «крещение» по-гречески звучит как «ваптисис», что означает «погружение». Помните, я утром упоминал о практике погружения у йогов, называемую ими «Пранаяма». На современный взгляд, это кажется две совершенно различные практики, между которыми люди своими амбициями прочертили пропасть. На самом же деле и Крещение, и Пранаяма и ещё ряд других практик и обрядов, связанных с водой, — это всего лишь отдалённые отголоски настоящих знаний и древних практик, адаптированных уже самими людьми для широких масс. В основе изначальных знаний лежали практики, которые изменяли состояние сознания человека и выводили его на определённую частоту, благодаря которой человек рос духовно и приходил как зрелое создание к Богу. То есть, по сути, благодаря этим практикам он познавал настоящую реальность. Он знал, что он делает и куда идёт.

Когда-то давно практика «Погружения» давалась людям и предназначалась для тех, кто уже находился на определённом этапе духовного развития. С её помощью человек входил в изменённое состояние сознания и обретал возможность погружения в самые потаённые свои глубины, где он мог соединиться с Богом. Естественно, там не было места никакому Животному началу, ибо это было связано с сущностью Души. И эта практика действительно давала тайну знания, того самого знания, которое невозможно выразить словами, ибо оно приобреталось от частицы Бога — всезнающей Души.

— Да, много ценного мы подрастеряли во времени, — грустно заметил Николай Андреевич. — Зачастую вообще не понимаем, что мы делаем, зачем мы это делаем? Списываем всё на традиции, успокаивая себя тем, что так положено, так велось издревле, мол, мы всего лишь отдаём дань обычаям наших предков.

Сэнсэй усмехнулся и произнёс:

— Нет, ну если разобраться, то уж лучше так, чем вообще никак и полное забвение. Поскольку рано или поздно, но отыщутся люди, которые всё же докопаются до сути.

— Я как-то раньше не обращал внимания на такие моменты, — вновь проговорил Николай Андреевич. — Но сейчас ты рассказывал о Крещении, а мне вспомнился один разговор с моим давнишним пациентом. Он верующий, можно сказать до фанатизма, воспринимающий каждое слово Церкви буквально. Так вот, в одной из бесед он поведал мне идеологию обряда Крещения у христиан. Я сам крещёный, правда, в детстве. Но такое первый раз в жизни услышал. Судя по ней, только принявший крещение и никто другой очищается от первородного греха, связанного с самим фактом рождения человека. Что только после крещения человек становится членом Церкви, приобщаясь к её благам, которыми является жизнь Вечная. Якобы до Крещения человек несёт на себе дьявольскую печать, то есть не отделён от сатанинского. А после прохождения этого таинства из сердца его изгоняется сатана и навсегда остаётся во внешнем по отношению к человеку. И что благодаря Крещению человек может освободиться от всех грехов и в дальнейшем воздерживаться от того, чтобы в них не впасть. Разве такое возможно?

— Конечно, нет. Крещение, безусловно, имеет силу. Но для простого человека — это всего лишь толчок к духовному пробуждению. Однако это не избавляет его от Животной сущности, коим в христианстве называют «сатану». Человек находится в теле Животного. Разум человека — это разум Животного. И это

нельзя выкинуть во внешнее или полностью от этого избавиться. Полагать так, это равносильно рассуждать как человек, который едет в машине и пытается убедить себя, что он не едет в ней, а просто летит по воздуху.

Даже Бодхисатвы, рождаясь в теле человеческом, подвержены испытанию Животного и искушению всему человеческому. Взять, к примеру, Иисуса, Сына Божьего, рождённого в теле человеческом. Он также не избежал этой участи. Сорок дней он боролся с «сатаной», то есть, говоря проще, проходил личный Армагеддон. Он подчинил своей Духовной Сущности разум Животного, «посадив» своё Животное «на цепь». И то ж оно «погавкивало» да «поскуливало» всю жизнь, давая о себе знать. Потому что Иисус, хоть и был Великой Душой, но находился в материальном теле. И никуда от этого не денешься. Таков Закон. Такова природа человеческая.

И тут Костик с улыбкой изрёк:

— А я помню, как меня крестили в четвёртом классе. Поп там чего-то спрашивал у нас, а мы хором ему отвечали. А потом сказал повернуться нам на запад, дунуть и плюнуть со всех сил на сатану. Это я хорошо запомнил, потому что собрал все свои слюни и так постарался...

Мы засмеялись, а Сэнсэй проговорил:

— Это вы проходили один из обрядов Крещения — запрещение на нечистых духов и отречение от сатаны.

— Не, ну всё понимаю, — усмехнулся Костик, подражая рассуждениям Николая Андреевича. — Но зачем плевать-то было?

— Считается, что этим плевком христианин показывает, что не боится сатаны и его козней, так как Бог даёт ему необходимую защиту, — пояснил Сэнсэй. — В общем выражает таким образом крайнее презрение к сатане.

— Ну и культура, сплошное средневековье, — усмехнулся Костик.

— Культура тут ни при чём. Ведь люди не меняются. Какими они были, такими и остались.

— А зачем мы поворачивались на запад?

— Просто запад в православии всегда был связан с силами, противостоящими Богу. И когда человек поворачивается на запад в этом обряде, то церковники считают, что так крещаемый непосредственно отрекается от сатаны и заявляет об этом как бы ему в «лицо». А после этого поворачивается к алтарю на восток. Считается, что эта сторона света связывает человека с Господом.

— Ну, если учесть, что где-то там находится Шамбала, то они в чём-то правы, — заметил Володя, а потом, сделав паузу, пробасил: — И по поводу Запада, пожалуй, тоже.

— Помню, ещё молитвы поп читал на церковнославянском языке, — ударился Костик в воспоминания. — Правда половина слов была непонятна. Потом водой нас окроплял, мазал чем-то. А! Ещё пряди волос с нас состригал, а мы их в восковую лепёшку заворачивали и опускали в воду. И зачем такие сложности?

— Подрастёшь — поймёшь, — вставил Виктор.

Сэнсэй с грустью улыбнулся и промолвил:

— Вот видите, даже эти обряды для одних — это шоу, а для других — переосмысление жизни.

Костик после этих слов притих, а Николай Андреевич, воспользовавшись моментом, вновь обратился к Сэнсэю, припоминая беседу со своим пациентом.

— Так вот, в разговоре с тем человеком ещё прозвучало и такое, что только крещённый человек попадёт в рай, а некрещённый человек туда ни за что не попадёт. Что на некрещёного человека не действует благодать других таинств. За него якобы нельзя молиться, нельзя поминать ни при жизни, ни после смерти. Его даже нельзя отпевать. А после крещения уже якобы всё это можно творить. Получается, что некрещённый человек для Церкви вообще как бы не существует?

Сэнсэй внимательно выслушал Николая Андреевича, а потом мягко сказал:

— Ну как... для Церкви данной религии он, может, и не существует. Но для Бога все люди — дети Его! Человек с восьмого дня от рождения, как только душа поселяется в тело, становится Его «ребёнком», человечком с маленькой буквы. А сможет ли он стать Человеком с большой буквы и прийти к Богу как зрелое создание — это уже зависит от него самого, от его воли и выбора.

— Душа человека поселяется в теле на восьмой день рождения? — переспросил Руслан.

— Да.

— А до этого, кто тогда этот ребёнок?

— Просто живой организм, как любая другая зверушка, — ответил Сэнсэй. — И опять-таки и в этом вопросе сталкиваемся с тем, что знания об этом утеряны, остались лишь просто традиции с незапамятных времён. Вот, кстати говоря, на Руси до сих пор сохранились отголоски знаний о том, что душа приходит на восьмой день от рождения. Там зачастую имя ребёнку выбирали в зависимости от того, какой святой почитался на восьмой день жизни дитя. И раньше, к слову сказать, праздновались отнюдь не дни рождения, а именины — дни памяти святого, в честь которого назывался тот человек, дабы человек не возвеличивал свою гордыню, но помнил, для чего люди приходят на этот свет и чьё имя он носит... А вообще, традиция давать имя ребёнку на восьмой день рождения уходит ещё в ветхозаветные времена...

— Получается, что сегодня мы празднуем день рождения своего Животного начала?! — сделал для себя открытие Женька. — А я-то думаю, чаво люди в день своего рождения всё время так наедаются и упиваются, прямо как поросята, до отвала! Да ещё и подарков побольше да подороже хотять. Так вот где вскрывается вся наша поросячья суть!

Все рассмеялись.

— Не, надо прекращать это баловство, — продолжал рассуждать парень. — Всё, Стас, на следующий день рождения я прихожу к тебе на неделю позже, без всяких подарков, с одной лишь свечкой. Ибо душе твоей мои подарки только вредять, а Животное твоё кормючь и кормючь, пробуждая с каждым годом аппетит большой свиньи...

Стас не замедлил ему ответить ещё более рациональным предложением по поводу его дня рождения. На что друг тут же отшутился анекдотом. И вся компания покатила со смеху с их клоунады. Позже, когда все успокоились, Николай Андреевич продолжил свои размышления вслух.

— Да, куда ни глянь, сплошные формальности, а не знания. Докатились, называется, до «прогресса»... Нет, я всё понимаю, психологически обряд Крещения, если он совершается над взрослым че-

ловеком, он помогает ему обрести уверенность в своих силах, как-то самоутвердиться, оградить себя хотя бы таким способом от собственных страхов, настраивает на добро, обязывает жить в соответствии с нравственными общечеловеческими критериями. Это всё понятно. Но зачем же столь категорично ставить вопрос между крещёными и некрещёными людьми? А если человек, к примеру, родился в семье, где родители принадлежат к разной вере? Они же этими своими ограничениями и категоричными рамками вталкивают человека во внутренний конфликт.

— Ну что ты хочешь? Религиозные деятели тоже люди... Как в народе говорят, нельзя попасть в рай одной религии, не попав в ад остальных.

— М-да-а, — протянул Николай Андреевич. — Это называется — кушать всем хочется.

— Точно, — пробасил Володя. — Каждый мечтает загнать чужих баранов в своё стадо.

Коллектив засмеялся. Сэнсэй же промолвил:

— Ну, а если без шуток, то, несмотря на всю религиозную мишуру, для простого человека все эти обряды освящения водой довольно важны, так как порождают в нём толчок к тому, чтобы он сделал первый шаг к Богу. Ведь все эти обряды своей внешностью, запутанностью, непонятностью вводят человека в своеобразное состояние транса. Причём в него входит как тот человек, который проводит обряд, так и те, кто в нём участвуют. И если мысли всех присутствующих действительно сосредоточены на молитвах к Богу, а не на обдумывании в это время каких-то своих материальных проблем, — то это порождает духовную силу, которую и получает каждый из участников в виде внутреннего всплеска своего агатодемона. Для простых людей это великолепно! Хоть так обратить их внимание на то, что в мире существует не только материальное бытие, и что по большому счёту они являются на этот свет не ради того, чтобы стать пожизненным рабом Эго.

То есть, человек через обряд обретает надежду, которая служит толчком к вере. А уж основное таинство происходит через его веру. Понимаете в чём разница? Если духовному человеку достаточно силы веры и воли, чтобы изменить в себе состояние сознания и работать над духовными практиками, то простому человеку не хватает даже элементарной веры в свои силы, ему нужна зрелищность, массовость, чтобы на пять минут оторвать его от материального бытия и убедить, что есть более высшие ценности.

— А почему на пять минут? — спросил Руслан.

— Потому что после всех этих впечатлений и положительных всплесков придёт он домой, а там сплошные проблемы материального бытия. Вот его сознание и возвращается в привычное русло. Ведь тямы то не хватает силой воли изменить себя в лучшую, духовную сторону, вот и спихивает все свои внутренние проблемы на внешние.

— Получается, чистое знание людей не впечатляет?! — сделал своё неожиданное заключение Николай Андреевич.

— Совершенно верно, как это парадоксально ни звучит, — согласился с ним Сэнсэй. — Чистое знание людей не впечатляет. Из-за его простоты им сложно его понять. Тут же нет визуальных шоу, ярких впечатлений, эмоционально-стрессовых переживаний. А чего в первую очередь люди хотят? Хлеба и зрелищ, ибо это соответствует оценке большинством понимания сути жизни.

Люди сами себе усложняют жизнь. И это касается не только простых людей, живущих своими мирскими заботами. Есть некоторые индивиды, которые, пытаясь следовать духовному, делают первые шажки, обретая на своём пути первичные знания. Но вместо того чтобы заняться серьёзной работой над собой, практиковать эти знания, усваивая суть, и идти дальше, они тратят годы, рассматривая их внешнюю форму и придавая значимость лишь тому, что они ими обладают.

— Как это? — не понял Юра.

— Ну, это равносильно тому, как, например, человек, имея шоколадку, вместо того чтобы её просто съесть, сначала едет в Америку, пять лет учится там разворачивать внешнюю обёртку. Потом едет в Японию и учится ещё пять лет разворачивать фольгу. Затем едет на Север к чукчам и учится правильно откусывать шоколадку. Потом ещё по пять лет обучается во Франции и Англии, чтобы оценить вкус шоколада во рту. И, наконец, приезжает домой, берёт свою шоколадку и за пару минут съедает и понимает, что это не совсем то, чего он ожидал и к чему так долго и с такой помпезностью готовился. Как это так — съел её за пару минут и всё? Неужели он потратил годы жизни, чтобы в результате прийти к такому простому? Такая реакция естественна, ведь он, по сути, топтался на месте. А чтобы усвоить знания, далеко ездить не надо. Нужно всего лишь заглянуть внутрь себя и понять, кто ты и чего на самом деле хочешь в этой жизни.

Сэнсэй замолчал, подгребая палочкой к костру вывалившийся уголёк. Вновь возникла недолгая пауза.

— Да, вот ещё что хотел у тебя спросить, — спохватился Николай Андреевич. — По поводу Святого Духа. Как я понял по рассказам моего пациента, в обряде Крещения в основном всё строится на сошествии на душу человека Святого Духа. Там, к примеру, при освящении воды священник просит, чтобы вода в купели освятилась силой, действием и наитием Святого Духа. При помазывании елеем, крещении Он также упоминается. А при миропомазании частей тела священник, совершая эти действия, всё время произносит: «Печать дара Духа Святого». Причём каждая часть тела что-то символизирует. К примеру, лицо, чтобы освятить мысли, ноги — для того, чтобы человек шёл по пути Христа, руки — чтобы человек совершал богоугодные дела. Это что, тоже традиция или же в этом есть какой-то смысл?

— Частично ты сам ответил на данный вопрос. Символизм здесь, конечно, присутствует, но и таинство самого Духа Святого тоже в этом есть. Ибо кто с верой обращается, тому и воздаётся. А вообще, прийти к познанию Бога человек может только через Святого Духа. Ибо он есть первый помощник и посредник между Богом и человеком. Он множественен в своём проявлении, но Сущность Его одна. Человеку очень тяжело осознать, что есть на самом деле Святой Дух. Но ни в одной религии, ни одно таинство, которое пробуждает в человеке Любовь и Веру к Богу, не обходится без наития Святого Духа. Ибо Он есть для людей сила Божья, Слух Его и Голос Его. — Сделав паузу, Сэнсэй вновь возвратился к разговору об Агапите. — Мы, кстати, немного отклонились от рассказа об учениках Агапита. Так вот, Дамиан лечил людей молитвой, помазывая больных елеем. А, к примеру, другой ученик Агапита — Алипий вместо елея использовал краски. Он был иконописец. Ещё будучи юношей, Алипий помогал грекам расписывать Успенский собор в Печёрском монастыре. А потом и сам стал писать иконы. Ага-

пит же научил его, как с помощью молитвы и красок можно лечить кожные заболевания у людей, к примеру те же язвы, гнойные раны.

— А как их можно лечить с помощью красок? — изумился Костик.

— Ну как? Краска же имеет жидкую основу. Это те же масла□, которые смешивают с красителями. Плюс ещё сами красители обладают дополнительными лечебными свойствами, что, естественно, усиливает общий оздоровительный эффект. Ведь раньше использовались натуральные красители, не то что нынешняя химия. Некоторые красители имеют хорошие антибактериальные свойства, к примеру тот же краситель синего цвета индиго□н, получаемый из растения индигоноски. Кроме того, в те времена зачастую использовались красные и жёлтые краски, которые, благодаря своим компонентам растительного и животного происхождения, обладали антисептическим, противовоспалительным, ранозаживляющим действием.

— Получается, что Алипий сочетал профессию художника с профессией врача? — подытожил Николай Андреевич.

— Совершенно верно, дабы приносить людям максимальную пользу, — подтвердил Сэнсэй. — Кстати, Агапит поведал Алипию и немало секретов по поводу его первой «профессии». Он рассказывал ему о сочетании цветовых гамм красок, их влиянии на психику человека, поведал и о системе изображения пространственных и временных соотношений...

— Не понял, — изумился Николай Андреевич. — Это что, в одиннадцатом веке Агапит поведал Алипию тонкости психологии цветовосприятия и системы изображения пространственных и временных соотношений?

— Я думаю, Алипий тоже бы удивился, если бы узнал, что эти простые истины станут наукой только через тысячу лет, — усмехнулся Сэнсэй. — Но всё это цветовосприятие по большому счёту не суть важно. Главное, чему Агапит уделял особое внимание, так это как сотворить невидимый эффект от изображения. Ибо Агапит утверждал, что икона не должна идеализировать образ, дабы не создавать из данного образа идола для слепого людского поклонения. Но она должна была быть одухотворённой. Главное не как и на чём писался образ, на куске дерева или росписи на стене, но в каком духовном состоянии пребывал человек, написавший её. Ибо, пребывая в особом состоянии сознания, когда человек предельно абстрагируется от своего Животного начала и максимально проявляет своё Духовное, в икону закладывается особая сила. Она способна ввести созерцателя данной иконы в особое состояние сознания, возбудить ощущения реальности присутствия божественного и породить в человеке духовный всплеск или, как говорят сегодня, осуществить «подзарядку». И чем чище помыслы и стремления художника к Богу, тем мощнее будет ощущаться данный эффект, который, благодаря своему положительному заряду, способен духовно преображать человека, я уже не говорю о том, что нормализовать его физическое здоровье. Ибо физическое здоровье в первую очередь зависит от духовного. Причём такой всплеск силы, порождённый Верой художника, будет стабильно сохраняться на протяжении тысячелетий.

— Тысячелетий? А почему так происходит? — поинтересовалась Татьяна.

— Потому что для настоящей духовной силы в действительности не существует ни времени, ни пространства.

— А это распространяется только на иконы? — полюбопытствовал Костик.

— Это распространяется на любое художественное произведение. Ведь дело не в деревянной доске, покрытой красками, как говорил Агапит, не в холсте, не в скульптуре и не в книге, а в той внутренней силе, которая закладывалась в данное произведение.

— Да, удивительный эффект, — проговорил Николай Андреевич. — Когда-то я имел счастье побывать в Эрмитаже в Ленинграде. Там, конечно, представлена богатейшая коллекция памятников древневосточной, древнеегипетской, азиатской, античной культуры и много другого интересного. А также русской культуры с VIII по XIX века. Какие там картины!

Сэнсэй кивнул соглашаясь.

— Если ты там заметил, возле одних картин люди могут стоять часами и любоваться, хотя по факту сама картина может из себя ничего не представлять. А возле других картин, которые может быть в деталях прорисованы намного лучше, люди практически не задерживаются. Потому что картина так же обладает памятью и художник, создавая её, как бы закладывает в свою работу свои чувства, эмоции, мысли. Человек же, смотрящий на картину, интуитивно это чувствует.

— А фото человека обладает таким эффектом? — поинтересовался Стас.

— Безусловно. Даже более того, фотография сохраняет постоянную связь с объектом, то есть человеком. И по ней легко можно узнать, жив ли объект, где находится в данный момент, а также его эмоциональное состояние. Через фотокарточки имеется возможность непосредственного влияния на его психоэмоциональную сферу, физическое здоровье и так далее. Даже при множественном тиражировании фотографии эта связь с живым объектом практически не утрачивается. В отношении же картины всё по-другому. Даже при перефотографировании заложенная в ней информация сохраняется в изначальном варианте. Изменить и повлиять на неё практически невозможно, поскольку данная информация в ней постоянна.

— Я так понял, люди как бы заряжают картины именно своей верой, — отметил Николай Андреевич.

— Совершенно верно. Внутренняя вера очень много значит. Вот, к примеру, возвращаясь к нашей беседе, взять самого Агапита. Он действительно творил чудеса в лечении. И это во многом было связано с внутренней верой людей, которые к нему приходили, их положительным стремлением. Тех, кто веровал, он быстро ставил на ноги, как бы ни было тяжело их заболевание. А тех, кто приходил к нему озлобленным, без веры в душе, а таких, к счастью, было очень мало, он просто не брался лечить, несмотря на то, что их недуг был легко излечим. Ведь вера — это не пустое слово. Даже сам Иисус, пришедши в отечество Своё «...не совершил там многих чудес по неверию их»...

— Внушение? — вопросительно проговорил Николай Андреевич, размышляя вслух. И, пожав плечами, добавил: — Но одним внушением серьёзных заболеваний не излечить, это же факт.

— Внушение тут ни при чём, — возразил Сэнсэй. — Агапит, Иисус не брались лечить таких людей не потому, что не могли справиться с их болезнью. Всё дело в феномене веры. Если человек открыт для света, он воспринимает свет. А если человек закрыт, то есть в нём нет веры, — это равносильно, что он залез в погреб, закрыл плотно крышку и в полной темноте ожидает, что его кто-то в том погребе вылечит с помощью дневного света. Такие ожидания естественно будут тщетны. Ведь человеческий мозг работает как компьютер. А вера — это определённая программа. Если она установлена в компьютере, то с ней можно активно работать и получать соответствующей этой работе результат. Если же в человеке нет веры — это равнозначно отсутствию в компьютере соответствующей программы. Естественно, что вы не сможете уже полноценно работать, пока не установите на свой компьютер нужную программу.

В чём феномен успешного врачевания Агапита? Ведь он излечивал не только травами или с помощью своих рук, как сейчас это называют хиропрактикой, или с помощью слова. Зачастую он просто давал больному что-нибудь съестное от своей трапезы или выпить воды. Но вся эта пища непременно была заговорена его молитвами. Человеку после этого становилось гораздо легче и он действительно потом выздоравливал. Почему? Потому что Агапит лечил с истинной верой. А это — великая, реальная сила! Истинная вера — это отнюдь не фанатизм, доходящий до абсурда, это не «биение себя в грудь» в спорах и демагогиях. Истинная вера — это степень чистоты твоей личной духовной силы. А личная духовная сила у Агапита была огромная. И своим благословением пищи или воды для больного, который выглядел как заговор молитвой, Агапит на самом деле вкладывал в жидкость определённую программу с помощью своей личной духовной силы. Затем эта жидкость поступала в организм больного, где взаимодействовала с его жидкостью, то есть, по сути, происходила установка новой программы, которая запускалась при помощи веры самого человека.

Кстати говоря, Агапит всегда творил молитву и перед своей едой, благословляя пищу. И других этому учил. Питался в основном растительной пищей. Даже заговорённая им горькая травинка превращалась в его руках в сладкое лекарство для больного.

— В общем-то, если это рассматривать в переносном смысле, — с лёгким оттенком скептицизма промолвил Костик, — то да, в качестве лекарства будешь глотать всё, даже горькое и противное, лишь бы выздороветь.

— Почему в переносном смысле? — с искренним недоумением проговорил Сэнсэй. — В прямом.

Костик недоверчиво покосился на Сэнсэя. Потом принял глубокомысленную позу, пытаясь уразуметь сказанное Сэнсэем. Во время такого «великоцезарского» размышления, как он любил про себя говорить, взгляд парня упал на сухие ветки, которые мы насобирали ещё днём для костра. Они лежали как раз возле него. И среди прочих прицепившихся к ним травинок там находилась и веточка полыни. Увидев её, парень несколько оживился, очевидно, от пришедшего на ум «доказательства от противного».

— Как понять в прямом смысле? — с сомнением высказался он. — А если это, к примеру, полынь? — И он кивнул на веточку. — Она же горькая, как не знаю что! Это же по жизни сорняк дурно пахнущий! Как она может быть сладким угощением?

Сэнсэй глянул на Костика, весело щурясь, и сказал:

— Дай её сюда.

Костик брезгливо взял веточку двумя пальцами и передал Сэнсэю, с тщательностью отряхнув после этого руки. На что Женька, заметив его осторожные жесты, не преминул схохмить, пожёвывая сушку.

— Э-э-э, брат, это ещё вопрос, кто тут по жизни сорняк дурно пахнувший!

Все засмеялись. А Сэнсэй, бережно взяв растение, слегка отряхнул его. Затем положил на ладонь и ласково погладил как живое существо.

— Какой же это сорняк? Это лекарственное растение. В нём же и эфирные масла, и алкалоиды. Это же ценный набор веществ для медицины. А насчёт её вкуса...

Сэнсэй загадочно улыбнулся. Потом вновь стал водить руками по веточке полыни и что-то очень тихо шептать. Среди нашей компании вмиг водрузилась полная тишина. Даже Женька «притормозил» своими челюстями, которые до этого сладко похрустывали сушкой. Я же хоть и сидела недалеко от Сэнсэя, но как ни пыталась вслушаться, всё равно толком ничего не разобрала из его шептания. Затем Сэнсэй умолк и, глянув на Костика, протянул ему веточку полыни.

— На, попробуй.

Костик сначала инстинктивно протянул руку, но потом, видимо подумав, что это розыгрыш, резко её отдёргнул, со смехом объявив:

— Да что я, больной, что ли, полынь пробовать!

Николай Андреевич с заинтересованностью встал со своего места и, обходя сидящих ребят, направился к Сэнсэю. Проходя мимо Костика, он похлопал парня по плечу и мимолётом заметил под общий хохот ребят:

— Все больные, Константин. Здоровых людей не бывает. Есть недообследованные... — Доктор потянулся к веточке. — Можно?

— Да на здоровьице, — с улыбкой промолвил Сэнсэй.

Николай Андреевич, взяв полынь из рук Сэнсэя, сначала понюхал её, а потом, отщипнув кончик верхушки, осторожно попробовал на вкус. Мы же с нескрываемым любопытством смотрели на его реакцию. Но лицо нашего психотерапевта оставалось как всегда непроницаемым.

— Не понял, — только лишь проговорил он и снова попробовал, отщипнув от растения уже больше.

Его загадочное «не понял» ещё более заинтриговало нас, и самые нетерпеливые, в том числе и я, даже соскочили со своих мест, столпившись около Николая Андреевича.

— Ну-ка, ну-ка, — деловито потянул Женя руку к растению, спешно дожёвывая очередную сушку. — Попробуем... Хм, надо же, сладкая, как па□тока.

После его «рекламы» мы стали спешно отрывать от полыни маленькие веточки и пробовать их. Мне тоже досталась небольшая часть этого растения. Вкус действительно был какой-то необыкновенный, скорее терпко-сладкий. Костик же всё ещё не решался отведать «угощение» Сэнсэя, хотя, судя по

глазам, ему явно этого хотелось, но, как говорится, гордость не позволяла. Глядя на наш ажиотаж, он со свойственным ему сарказмом заявил:

— Ну вы, блин, полынные маньяки какие-то. Может вам ещё бледных поганок пойти насобирать?

— Поганки здесь не растут, — комично произнёс Андрей, подавая ему последнюю «порцию». — На, попробуй. Серьёзно сладкая.

Костик сначала демонстративно отворотил нос. Но когда Андрей заявил: «Ну как хочешь», намереваясь съесть последнюю часть стебелька, Костик быстро переменял своё решение.

— Э-э-э, дай сюда, обжора!

Он со смехом отобрал у Андрея остатки растения. Потом, сторбившись, стал их дотошно рассматривать, принюхиваться и, наконец, решился всё же попробовать.

— Ну как? — весело спросил Сэнсэй, глядя на его растерянный вид.

Костик глуповато улыбнулся и развёл руками:

— Что я могу сказать? Как говорил Гёте в моём исполнении: «Чего не понимаю, тем не владею».

— Сэнсэй, правда, а как это так у тебя получилось? — заинтересованно спросил Виктор.

— Элементарно. Имей веру — и у тебя получится. Ничего сложного нет. Вера и чистота мысли — вот основная причина. А воздействие на жидкую структуру растения — это уже, можно сказать, дело техники.

— А почему именно на жидкую? — ухватился за слово Николай Андреевич. — Я уже за сегодняшний вечер это не в первый раз от тебя слышу.

— Потому что любая водная среда имеет в своей молекулярной структуре своеобразные ячейки, нечто вроде мини-компьютеров. Их микроразмеры вмещают глобальную память. И в них заложена практически вся информация о материи. Если на водную структуру воздействовать, начиная от простого механического, химического, электромагнитного воздействия и заканчивая... — Сэнсэй замолчал, подбирая слова, а потом произнёс: — ну, скажем понятнее, заканчивая энергией мысли, то можно перестроить молекулу воды в необходимое сочетание. Ибо вода сохраняет память обо всех веществах, которые когда-либо пребывали в ней либо она пребывала в них или соприкасалась своими энергетическими состояниями.., к примеру, даже такими простыми, как электромагнитные колебания. А если учесть, что вода — это самое распространённое вещество в природе, что она контактирует со всем в этом материальном мире в той или иной форме, сохраняя приобретённую информацию в каждой своей молекуле, если учесть её взаимодействие между собой, то можете представить, каким багажом памяти она обладает.

— То есть получается, что даже эту полынь можно сотворить не только сладкой, но и превратить во что-нибудь эдакое-такое? — высказался Руслан.

— Можно, если знать молекулярную структуру и энергетическое наполнение «эдакого-такого», — с улыбкой ответил Сэнсэй.

— Что, даже в букашку?! — удивился Руслан.

— А почему бы и нет? Без воды ничего живое на Земле не шевелится. На нашей планете вода входит в состав всех живых организмов в содержании от 45% до 98%, в том числе и организма человека, где её до 80% от общей массы. Вода — это распространённый компонент природы. Даже в огне при-

сутствуют элементы воды в виде водорода и кислорода, за счёт которого происходит горение. Даже в камне есть жидкость.

— В камне? — удивился Славик.

— В камне. Все камни под большим давлением выделяют жидкость, хоть и в малых количествах. И как бы это парадоксально ни звучало для вас сегодня, но даже в центре Земли, внутри раскалённого ядра находится ядро огромной плотности и массы и в нём есть тоже жидкость.

Земля — это в действительности живое существо, которое тоже состоит в основном из жидкости, имеется в виду не только поверхностный слой, где 70% — это океаны, а 30% — это всё различная модификация материи с включением воды, но и внутренняя жидкость. И мы, люди, тоже похожи на неё.

— А у Земли тоже есть разум? — всё никак не мог выяснить для себя этот вопрос Костик.

— Безусловно, и человек с ним связан, так как этот разум находится в памяти жидкой структуры и в нём накапливается информация обо всём, в том числе о каждом из нас. Так как, я уже говорил, большая часть нашего тела состоит из жидкости, то все данные о нас, начиная от мыслей, эмоций, заканчивая здоровьем и матрицей ДНК, закладываются в эту память.

— А долго она хранится?

— Долго.

— Так это получается, что можно узнать о ком угодно, когда-либо жившего на этой планете, там Наполеона, Чингисхана... — размечтался Костик.

— Хм, нашёл о ком узнавать, — подколот его Андрей. — Есть более же интересные личности.

— Да это я так, к слову, — поспешил оправдаться Костик и посмотрел на Сэнсэя.

— Это гораздо серьёзнее, чем тебе кажется, — ответил тот. — И обладают такими возможностями единицы из всего человечества.

— А есть более высший разум, чем разум Земли? — не унимался Костик.

— Конечно. Существуют более высшие информационные структуры, вплоть до глобальной. Но все они подконтрольны только Одному, Тому, кого мы называем Богом.

— А кто те единицы, которые могут считывать информацию с воды? — с хитрецей в голосе спросил Женья.

— Ну, к примеру, истинно святые люди. Как они творили «чудеса»? Чистотой своей веры. Для людей это кажется невероятным. А для них это было вполне доступным. Чистота мысли и вера — вот что было главным. Ибо в самих чудесах на самом деле никакого чуда нет. Это всего лишь элементарные знания, в том числе науки о воде, о которой, к счастью, эта человеческая цивилизация ещё не ведаёт и сотой доли.

— А почему к счастью? — в претензионном тоне изрёк Костик.

— Потому что люди, обладая данными знаниями, даже арбуз бы превратили в ядерную бомбу. Ты себе просто не представляешь, какая сила заключена в воде. Человек, обладающий знаниями о ней, способен всего лишь с помощью одной капли разрушить весь мир.

— Как это разрушить? — не понял Женька. — Это что, каплей воды законтачить провода от ядерной кнопки?

— Да ядерная энергия по сравнению с действительной силой мысли человека — это сушая ерунда.

Женька взял свою кружку с остатками чая, глянул на Сэнсэя и амбициозно заявил, сияя своей голливудской улыбкой:

— Нет, ну всё понимаю, но чтобы каплей воды?!

Парень выжидающе посмотрел на Сэнсэя, явно провоцируя его на демонстрацию. На что Сэнсэй ответил:

— Ладно, Хохмас Неверующий. Пойди, принеси мне кружку моря.

Женька сначала насторожился, а потом с комичным выражением лица проговорил:

— Кружку моря? Это в смысле воды морской?

— Её самой, — усмехнулся Сэнсэй.

Женька лениво глянул в сторону моря.

— Не, мне не жалко снега среди зимы... Ентого добра в округе, конечно, хоть отбавляй... Но енто подвиг какому надо совершить, чтобы встать, пройтись да ещё в мокроту ту лезть, ноги без надобности мочить. — И заглянув в свою кружку, предложил: — Может чаем обойдёмся?

— Давай, давай, — с усмешкой подгонял его Сэнсэй. — Такие прогулки для твоих мозгов полезны.

Женька нехотя поднялся, кряхтя, как старый дед, и направился к морю. Николай Андреевич, глядя парню вслед, изрёк:

— Не робей, Женя. Такая погодка, грех не прогуляться.

Вечер действительно был великолепный. На море стоял штиль. Небо было усыпано звёздами. Светила яркая луна. Тишина и спокойствие, просто благодать.

Женька, зачерпнув воды, неспешно пошёл вразвалочку назад, стараясь не расплескать полную кружку морской воды. Но, видимо ощутив на себе наши пристальные взгляды, он взбодрился и, уже подходя к Сэнсэю, протянул ему воду с поклоном как заправский официант.

— Пожалуйста ваш заказ. Это вам подарок от фирмы «Нептун». У нас каждая сотая кружка с бактериями, палочками, микробами и экскрементами из ближайшего города — абсолютно бесплатно! То есть даром!!!

— Благодарствую, — в таком же шуточном тоне ответил Сэнсэй.

Пока ребята смеялись, развивая эту потешную тему, Сэнсэй поставил перед собой кружку, накрыл её руками и сосредоточился. Но на эти его действия мало кто обратил внимание, поскольку Женька уже полностью переключился на образ комичного официанта и стал рассказывать компании какой-то смешной анекдот, после которого все дружно взорвались хохотом. Я засмеялась вместе со всеми, но внезапно почувствовала себя неважно. Сначала стало как-то непривычно дискомфортно в организме. И это состояние начало волнообразно нарастать. Я даже не могла понять, что это было. Затошнило, голова закружилась. В теле почувствовалась слабость, кости стало ломить. Первое, что пришло в голову, — мысль, что я отравилась каким-то продуктом. Мало ли, солнце, жара. Но смущала необычность этих

симптомов. Точно я не только отравилась, а ещё в этом состоянии до тошноты накаталась на головокружительных качелях. И самое главное, из глубины сознания начал подниматься какой-то неестественный страх. Вмиг охватила паника, от которой хотелось бежать куда глаза глядят, хотя видимые причины для такой боязни явно отсутствовали, по крайней мере, визуально.

Не прошло и минуты, как Сэнсэй протянул кружку Женьке, который продолжал веселить народ своими анекдотами.

— На, пойдёшь, выплесни обратно в море.

Женька посмотрел на воду и спросил, явно рассчитывая увидеть там нечто больше:

— Всё, что ли?! Ну вот так всегда! Самое интересное прошло мимо моей прямой извилины.

Руслан, сидевший невдалеке, с любопытством вытянул шею, пытаясь заглянуть в его кружку. Женька тут же отреагировал:

— Чего ты очи пялишь, чадо? В ней водоросли не растут и бактерии кверху пузом не плавают. — И, натянув ему кепку на глаза, под смех ребят добавил: — Так что можешь тушить свет, фильмы не будет.

Бурный смех сопровождал весь Женькин поход к морю и благополучное его возвращение с пустой кружкой. А мне, честно говоря, уже было не до шуток. Страх нарастал. Все внутренности выворачивало наизнанку. Я уже держалась из последних сил, боясь лишней раз пошевелиться. Казалось, ещё мгновение и я вообще отключусь. Но тут подул свежий ветер с моря, который совсем на немножко, но всё же облегчил моё состояние. Я уж обрадовалась, подставив лицо ветру, по наивности полагая, что раз мне немного полегчало, то вскоре с организмом всё обойдётся и наладится. Но не тут-то было.

Ветер стал усиливаться. Море зашумело. В свете лунной дорожки я с ужасом увидела, что нарождающиеся волны не просто гнало ветром, а с каждым разом они увеличивались и становились больше. Ребята притихли и начали озираться по сторонам.

Резкий порыв ветра сильно затрепыхал наши палатки. Лёгкие пакеты вмиг взлетели вверх и стали кружиться по побережью в дикой пляске. С каждой секундой ветер становился всё сильнее и сильнее. Палатки уже не просто трепыхало, а казалось, точно кто-то пытался в своём неистовстве вырвать их единым махом со всеми железными кольями. Новый натиск внезапно налетевшего урагана разметал костёр во все стороны. Моментально вспыхнули салфетки. Горящие комочки швырнуло к машинам. Большой же огонь, как разъярённый зверь, кинулся на сухой камыш, с жадностью поглощая его стебли.

Мы в ужасе повскакивали со своих мест. Старшие ребята с Николаем Андреевичем ринулись тушить разлетевшиеся горящие салфетки. Володя со Стасом и Андреем принялись гасить «двойной костёр». Мы же с Татьяной с перепугу похватили чьи-то вещи, подстилки, полотенца, в общем всё, что под руку попадалось возле костра, и стали носиться с этим бараклом взад-вперёд, не зная, что с ним делать. Из-за страха и паники все моё недомогание провалилось куда-то на задний план. И я впервые в жизни почувствовала, что такое настоящий животный страх перед разбушевавшейся стихией.

Ветер стал настолько сильным, что вокруг только и слышалось его наводящее ужас завывание да нарастающий шум прибрежных волн. Творилось что-то невообразимое. Вода то стремительно откатывалась далеко от берега, то с неимоверным грохотом снова обрушивалась на него, всё больше и больше

подминая под себя новые участки суши. В холодном лунном свете казалось, что море точно вскипало. Своей бушующей пастью оно готово было проглотить любого, кто окажется на его пути. Гигантские водные «языки» с жутким шипением неумолимо приближались к месту наших недавних «посиделок».

Николай Андреевич, оправдывая своё прозвище «Здравый смысл», побежал к машине и попытался завести мотор, крича нам на ходу:

— Бросайте всё! Сейчас затопит! Потом не выберемся!

Все в панике начали метаться. На меня же вообще напал «столбняк». Ноги в страхе подкосились, став как ватные. И тут, в этой беспорядочной суете, я увидела Сэнсэя. Моя особа полагала, что он тушит пожар или находится где-то возле машины. А он, оказывается, всё это время преспокойненько сидел на своём прежнем месте, даже не переменив позы, и наблюдал за нашей вознёй так, словно смотрел остросюжетный фильм в кинотеатре. Сказать, что я была этим шокирована, значит ничего не сказать.

Тут к Сэнсэю подбежал Женька. Пытаясь перекрыть шум ураганного ветра и не на шутку разыгравшегося прибоя, он заорал:

— Сэнсэй! Палатки сейчас унесёт! Что делать? Надо сматываться отсюда! Вода прибывает...

На что Сэнсэй, к моему немалому удивлению и, судя по Женькиному лицу, не только моему, крикнул в ответ:

— Принеси кружку моря!

— Чего?! — не понял парень, думая, что ему послышалось.

— Я говорю, принеси кружку моря! — вновь крикнул ему Сэнсэй.

Женька, опешив, глянул на него, не веря своим ушам.

— Кружку моря??? Да меня сейчас вообще унесёт, вместе с этой кружкой... Да и тебя самого сейчас смоеет! Ты посмотри, какие позади волны...

Волны действительно были уже достаточно большими и с каждым разом всё ближе и ближе подкатывались к тому месту, где сидел Сэнсэй. Ударяясь о берег, они с шумом швыряли свои брызги. Подхватываемые порывами ветра, эти крупные холодные капли, словно град, жёстко хлестали нас по лицу и одежде. Сэнсэй, однако же, будучи весь мокрый, даже не пошевелился, чтобы обернуться и глянуть на действительно внушающие ужас чёрные волны. В ответ на Женькину тираду он лишь улыбнулся, точно мастер, довольный своей работой. Парень же, поняв, что своей жалостью его не возьмёшь и всякие угрозы и доводы здесь бессильны, лишь в сердцах произнёс:

— Ну, мама мия!

И, видимо отчаянно сопротивляясь своей кричащей логике, стал в спешке искать кружку среди творящегося хаоса. Все остальные продолжали метаться в панике. Кто пытался спасти палатки, кто бежал с какими-то вещами, кто возился возле машин, закидывая что-то в багажник. Женька начал спрашивать у суетящихся, не видели ли они кружку. Но те, казалось, не могли понять, что он от них хочет. Когда же парень осведомился у Стаса о кружке, тот вообще вместо ответа хорошенько встряхнул его, крича чуть ли не в самое ухо:

— Жека! У тебя что, крыша поехала?! Какая кружка?! Нас сейчас смое! — И не выпуская Женьку из рук, обернулся в сторону Николая Андреевича. — Доктор, может его вырубить и в багажник? Ему, кажется, крышу сносит!

— Да кончайте ерундой заниматься! — прогромыхал в ответ «Здравый смысл». — Косу затопляет! Быстро все в машину, пока ещё проехать можно...

Женька же, вырвавшись из цепких рук друга, в свою очередь завопил на Стаса:

— Сам ты...! У меня крыша на месте. Это у Сэнсэя её сорвало!

Слово «Сэнсэй» подействовало на Стаса как холодный душ. И вместо того чтобы бежать к машине, как призывал Николай Андреевич, Стас встал как вкопанный, в несказанном удивлении уставившись на Сэнсэя. И тут я случайно заметила, что эту несчастную кружку я держала в руках среди прочих вещей. Меня точно током прошибло.

— У меня кружка, у меня! — заорала я во всё горло и, бросив остальной «хлам», побежала с ней к Женьке.

Парень, приняв кружку как эстафетную палочку, бросился к морю, которое уже находилось недалеко от Сэнсэя. Но море явно не хотело отдавать ему свою воду. Окатив потоком холодных брызг одной волны, другой оно сбilo непрошеного гостя с ног. Однако после своего падения Женька, шустро поднявшись, все же изловчился зачерпнуть воды в убегающей волне, правда вместе с песком и остальной штормовой мутью. Но как только Женька зачерпнул воду и побежал наутёк от нового вала, я с ужасом увидела, как вдали на лунной дорожке показалась огромная волна, которая неумолимо приближалась в нашу сторону. Я хотела крикнуть всем об этой опасности. Но в горле вмиг пересохло. И вместо крика у меня получились какие-то хриплые, нечленораздельные звуки и беспомощные жесты рукой в сторону моря. Женька к этому времени, уже подбежав к Сэнсэю, протянул ему кружку, весь дрожа как осиновый лист то ли от холодного душа, то ли от страха. Пребывая в сильном смятении, я вновь глянула на большую волну. Она упорно надвигалась своей страшной разрушительной силой, как изголодавшийся хищник, желая разом поглотить всю свою береговую добычу. Очевидно, её пугающую черноту заметили и ребята, потому что они стали что-то неистово кричать Сэнсэю. Этот душераздирающий крик перемешался в моих ушах с диким рёвом прибоя. Страшно было подумать, что сейчас могло случиться.

Сэнсэй же спокойно взял кружку у Жени и, не обращая ни на кого внимания, возложил на неё свои руки, сосредоточившись буквально несколько секунд. Эти секунды растянулись для меня в вечность. Волна стремительно приближалась, а Сэнсэй не шевелился. Остальные продолжали что-то кричать у машин. В этот момент я почувствовала, что моё недомогание стало подозрительно быстро исчезать. Тем временем Николай Андреевич, Виктор и Володя, видимо поняв, что их не слышат, побежали к Сэнсэю. Но тут Сэнсэй открыл глаза и так же спокойно отдал кружку Женьке, сказав:

— Вылей в море.

Когда Женя взял кружку, ему не пришлось бежать к морю, ибо оно уже само подступило к его ногам. Он просто безразлично выплеснул содержимое кружки в убегающую волну, заморожено глядя на надвигающийся большой вал.

— Сэнсэй, надо бежать, — подскочил и Стас, также не сводивший взгляд с тёмной массы много-тонной воды.

Вместо Сэнсэя прозвучал обречённый голос Жени:

— Теперь поздно, всё равно догонит.

Подбежавшие, услышав от парня эти слова, тоже остановились, понимая всю бессмысленность своих действий. И только сейчас Сэнсэй повернул голову в сторону моря. Но в отличие от других, он, казалось, не просто смотрел, а любовался грозной стихией.

И тут я почувствовала, что всё во мне как-то стало на свои места. Прошла тошнота, головокружение. Организм вновь пришёл в норму. Исчез даже страх. В сознании возникла необыкновенная ясность. И я ощутила себя настолько хорошо, настолько воодушевлённо, словно это были самые лучшие мгновения в моей жизни, хотя реальная картина скорее говорила о другом. Даже эта огромная волна, вместо ужаса и паники, стала вызывать во мне чувство подлинного восхищения такой неподражаемой картиной могущества природы.

Внезапно ветер начал быстро утихать. Волны становились всё меньше и меньше, словно какой-то гигантский уют прошёлся по чёрной простыне моря на лунной дорожке, разглаживая складки. Большая волна, не докатившись до берега буквально несколько сот метров, нарушая все законы физики, начала стремительно уменьшаться в размерах. И лишь эхом лёгкого всплеска дошли её воды до края берега. Вода нехотя покидала отвоёванную сушу, возвращаясь к своим обычным границам. Ветер утих, и на море вновь возобновился ставший уже непривычным слуху полный штиль.

Я перевела взгляд на Сэнсэя. И меня осенило. Я поняла, что же послужило истинной причиной этого внезапного шторма. Это была отнюдь не природная аномалия, как полагал мой разум, пребывая в панике. Это, несомненно, свершила мысль человеческая! И хоть мой разум где-то на втором плане продолжал сопротивляться такой догадке, но что-то глубинное, внутреннее, знавшее о мире гораздо больше, чем может выразить мой материальный мозг, именно оно давало возможность понять истинную причину происходящего. Я была просто поражена, насколько же могущественна в действительности воля Человека, обладающего знаниями, перед которым становятся покорными даже силы стихий! Насколько огромные возможности и способности заложил Бог в каждого из нас. Но разве мы можем во всей своей полноте оценить Его дар, избрав для себя жизнь червя в темноте собственного эгоцентризма? Разве мы способны понять Его истинную Любовь к нам, если, кроме себя, мы больше никого вокруг не замечаем? Одна показуха, один обман и в этом жизнь проходит. Червь, он и есть червь. Был, и нет его, даже стихии не нужны, жизнь и так раздавит под своим каблуком.

Природа успокоилась. Однако никто из нас не шевельнулся с места, видимо сильно потрясённые пережитым явлением. Луна освещала своим жутким, холодным светом тот творящийся на побережье хаос, что оставила после себя стихия. И в этой казавшейся нам совершенно нереальной тишине неожиданно раздался голос Сэнсэя.

— Неплохо бы костёрчик развести, согреться...

Такие простые житейские слова выбили нас из состояния ступора. Все с удивлением обернулись на Сэнсэя. А он, сняв свою промокшую до нитки рубашку, стал выкручивать её, выжимая струйки морской воды.

— Я говорю, неплохо бы костёрчик развести да трошки просохнуть, — повторил Сэнсэй, заметив наши изумлённые лица.

Эта фраза, что называется, окончательно привела нас в чувства. Старшие ребята молча зашевелились, отыскиали в уцелевших палатках фонарики и разбрелись по берегу в поисках сухих дров, поскольку всё, что мы запасли, либо сгорело, либо было мокрым. Оставшаяся компания столпилась около Сэнсэя, словно это являлось самым безопасным местом на всём побережье.

— Может не надо костёрчик? — осторожно высказал своё мнение Николай Андреевич. — Может, безопаснее переехать в город? Явно на море где-то грозовой фронт и это были первые порывы. Не исключено, что они повторятся.

На что Сэнсэй добродушно ответил:

— Расслабься, доктор. Сейчас чайку вскипятим, просохнем маленько. А там и видно будет.

— Ну, как знаешь, — с нотками сомнения в голосе проговорил Николай Андреевич.

Вскоре наши мокрые вещи уже были развешаны на верёвках наспех укреплённых палаток. А мы, переодевшись в сухую одежду, сидели на новом месте, подальше от моря, греясь у костра и ожидая, когда закипит чайник. Как ни странно, но вопреки обстоятельствам, настроение у меня было просто отличным. Словно открылось второе дыхание, снизошло какое-то вдохновение, благодаря которому душа просто пела, так было хорошо и спокойно.

Как только вода закипела в чайнике, мы с Татьяной заварили ароматный чай из душицы и мелиссы. Вытащили по настоянию доктора из наших съестных уцелевших припасов липовый мёд для профилактики простуды. И соорудили небольшой ужин с этим угощением, вернее будет сказать «ночник-пикник».

Когда первые капли благодатного чая стали растекаться по организму, распространяя своё тепло, Николай Андреевич, уже расслабившись, проговорил:

— Вот это ураган был! Вот это стихия! Надо же, насколько интересна психология человека в экстремальных ситуациях. Всё-таки одно дело теория, а другое — практика, да ещё собственная.

— Да уж, — усмехнулся Сэнсэй. — Рассуждать — не действовать.

— И главное, как быстро меняются ценности человека, — возбуждённо продолжал психотерапевт. — Когда усматриваешь малейший шанс спасти себя и других, единственной ценностью становится жизнь. Но в последние минуты, как только опасность стала неотвратимой... странно, теряется ценность жизни, ценность этого тела! А внутри... поразительно... ясность и полный покой, какое-то необыкновенное, удивительное чувство расширения сознания...

Сэнсэй довольно улыбнулся и прервал рассказ Николая Андреевича на самом интересном для меня месте. Оказывается, не только я испытывала подобные несовместимые с экстремальной обстановкой ощущения.

— Доктор, оставь в покое самоанализ. Пусть душа насытится этим мгновением «здесь и сейчас».

Николай Андреевич внимательно посмотрел на него и с улыбкой кивнул, точно поняв то, что вслух не было произнесено.

Некоторое время мы сидели молча, растягивая удовольствие от кружки горячего чая. Я по-прежнему испытывала какое-то необъяснимое внутреннее наслаждение этой тишиной. Поистине, это потрясающее ощущение «райского» покоя начинаешь по-настоящему ценить после того как побываешь в самом «пекле». По мере того как народ возвращался в привычное русло своего сознания, начала обновляться и прерванная дискуссия.

— Нет, ну надо же, такая буря, такой кошмар! — вместе со всеми не мог успокоиться Виктор.

И тут Сэнсэй как бы за между прочим проговорил, мирно попивая чай:

— Это была всего лишь капля воды.

Данные слова дошли до народа не сразу. Первыми «прозрели», ошеломлённо посмотрев на Сэнсэя, Николай Андреевич и Володя. Чуть позже дошло и до остальных.

— То есть как... капля? — недоумённо переспросил Виктор. — Я правильно понял, та самая капля в кружке воды, про которую спорил Женька?

Сэнсэй довольно кивнул. А Женька в это время чуть не поперхнулся чаем, вытаращив глаза на Сэнсэя, пытаясь на ходу сообразить, шутит он или нет.

— Это провокация, я протестую! — на всякий случай в шутку завозмущался Хохмач Неверующий, когда добрая часть нашей компании посмотрела на него отнюдь не двусмысленным взглядом. — Это просто было совпадение, ураган совершенно случайно налетел...

— Случайно? — усмехнулся Сэнсэй, приподняв в удивлении брови. — Я могу повторить.

— Не надо, не надо! — опередил слова Женьки Стас. — Сиди, Сэнсэй, я сам его убью.

И с этими словами он навалился на Женьку, в шутку схватив его за горло, и стал трясти. Женька комично забарахтался и, зацепив рукой лежавшую рядом белую салфетку, стал размахивать ею как флагом примирения.

— Всё, всё! Сдаюсь! Верю, верю...

— Смотри, — «пригрозил» Стас, отпуская его.

Ребята засмеялись, а Женья, потеряв своё горло, робко спросил у Сэнсэя:

— Нет, правда, это действительно произошло из-за кружки воды?

— Ну всё, — решительно встал Стас, но не успел он накинуться на друга, как того точно ветром сдуло с места. Отскочив в сторону, Женька стал поспешно объясняться, размахивая руками в успокаивающих жестах.

— Нет, нет, я не в том смысле. Я хотел сказать, ни фиги себе сила!

— Так бы сразу... — проговорил Стас, возвращаясь на своё место под смех ребят.

И когда волна шуток прошла, Сэнсэй пояснил:

— Человеческая мысль может ещё и не такое сотворить. Ей подвластно как разрушение, так и созидание. Просто люди не владеют реальными знаниями об этой силе. А знания не дадутся до тех пор,

пока человек не изменится в лучшую сторону. В противном случае он будет, как любое другое животное, зависеть от капризов стихий. Земля ведь тоже живое существо. И перенасыщение человечеством, в котором доминирует Животное, она не потерпит. Для неё проявление массового человеческого негатива — это как зияющая рана на теле, к которой подтягиваются дополнительные силы, как в крови лейкоциты, способные поглощать бактерии и другие инородные тела. А потом просто происходит процесс очищения, вот и всё... Человечество в целом, так же как и каждый человек в отдельности, своими мыслями неосознанно вносит изменения в память воды. А потом, извините, получаем то, что заслужили.

— Значит, воду можно определённым образом программировать, — сделал обобщающий вывод Николай Андреевич. — И этой программой можно не только разрушать, но и созидать?

— Совершенно верно. То, что вы видели, — это так, мелочь. А теперь представьте, какой мощью обладал, к примеру, Агапит, в коем пребывал сам Дух Святой, называйте эту Сущность как хотите, — Гавриил, Ригден, Джабраил — у неё много имен. Насколько была сильна его созидательная мысль, если даже после смерти возле его мощей продолжают исцеляться многие люди как физически, так и духовно, и особенно в дни так называемой повышенной активности «фона», — Сэнсэй с улыбкой посмотрел на меня, пользуясь моим не совсем умелым лексиконом.

Агапита ещё при жизни посещало много разных людей, причём независимо от их принадлежности к религии. Помимо христиан у него были и мусульмане, и буддисты, и люди других вероисповеданий. Они приходили к нему не только за лечением, но и как к Мудрецу, Человеку, знающему истинный путь к Богу. За такое паломничество к Агапиту его недолюбливали многие из религиозных верхушек. Ведь он не заставлял людей менять свою веру, как призывали они, дабы расширить свою власть. Он говорил истинными словами Иисуса, что Бог один и путей к Нему множество. И я даже не удивлён, почему упоминания о паломничестве к русскому Мудрецу тщательно изъяты из летописей. Ведь Агапит рассказывал о подлинном Учении Иисуса, которое к тому времени уже трансформировали в религию. Он рассказывал о свободе выбора, о душе вечной.

Несмотря на то, что Агапит лечил людей, избавляя их от разных недугов, и душевных и телесных, он также наставлял их: **«Негоже волновать Господа о чём бы то ни было, кроме как о спасении души своей. Не о теле просите, не о здравии, не о животе своём заботьтесь, — всё сие есть тлен пустой, в желаниях ненасытный. Ибо нет прощения более достойного, чем прощение о спасении души своей»**. Многие люди, благодаря Агапиту, действительно уверовали в Бога, так как он всегда являлся примером истинного служения Богу в чистоте духовной. И настолько он был силён во внутреннем духе, что для него не было ничего невозможного. Агапит не раз это доказывал и словом, и делом.

Духовные люди тянулись к нему, златолюбцы — боялись его. Агапит учил людей сохранять чистоту своих мыслей. Ибо любая плохая мысль порождает сомнение. А в сомнениях чистой веры не бывает. Сомнение способно разрушить всё. Агапит всегда повторял: **«Веруйте, и воздастся вам по вере вашей. Это просто, но постичь сложно. Вся сложность в простоте»**.

В пример духовной силы Агапита приведу один случай из его жизни. К нему в келью принесли тяжелораненого, с переломами обеих ног воина князя Изяслава — Ратимира. И все уже считали, что па-

рень не жилец на этом свете. Но не прошло и часа, как воин своим ходом вышел из кельи в сопровождении Агапита. Этот случай поразил тогда многих.

— Так ты же говорил, что у него были переломы ног?! — изумился Виктор. — Как же Агапит смог их так быстро срастить, коль воин вышел сам?

— Да очень просто. Агапит дал ему выпить своего отварчика.

— Отварчика?! — ещё более чем Виктор удивился Николай Андреевич. — Нет, ну я понимаю, если в качестве анестезии... Но срастить переломы? — с сомнением сказал доктор. — Сэнсэй, ты меня, конечно, извини, но какие бы ни были травы, кость она и есть кость. И так быстро она не срастётся.

— А при чём тут травы? Травы — это травы. А кость — она и есть кость. Кстати, доктор, она тоже состоит из воды, — подчеркнул с улыбкой Сэнсэй.

— И что, её можно так быстро срастить? — недоверчиво проговорил Николай Андреевич.

Сэнсэй чему-то усмехнулся и сказал:

— С такой целебной силой, как у Агапита, с его знаниями об истинных свойствах воды любую кость можно срастить гораздо быстрее, чем ты думаешь.

— Да? А как? — любопытствовал в свою очередь Виктор.

В это время Славик, решивший, видимо, поудобнее усесться, хрустнул, сломав ногой лежавший под ногами наполовину обгорелый камыш. Но он даже не обратил на это внимания. Сэнсэй же, заметив, попросил его:

— Ну-ка, дай мне этот сломанный камыш.

Славик сначала не понял, чего от него хотят. Потом стал вертеть головой, оглядываясь вокруг. И, наконец, отыскав глазами поломанный камыш, поспешно поднял его и отдал Сэнсэю.

— Вот, к примеру, возьмём обыкновенный камыш. С помощью той же воды и силы веры его можно не только срастить, но и сделать гораздо прочнее любой стали...

У Сэнсэя сегодня было явно хорошее настроение, располагающее к беседе и демонстрации необычных экспериментов. Пожалуй столько потрясающих минут рядом с ним, которые мы пережили сегодня, мы ещё никогда не испытывали.

Сэнсэй протянул Женьке кружку и с улыбкой сказал:

— Ну-ка, плесни-ка в кружечку моря.

Все не на шутку переполошились, испуганно переглядываясь. А Женька, тот вообще отпрянул от неё, как от огня.

— Не, Сэнсэй, с меня хватит. У меня рука несчастливая, — сказал он, пряча свои руки за спину, и тут же поспешно добавил с нервной улыбкой: — Причём обе! И вообще я «инвалид» с детства на все части тела.

— Да расслабься ты, я пошутил, — посмеиваясь, успокоил его Сэнсэй. — Можно обойтись и минералкой.

Мы с облегчением выдохнули. Женька же сделал вид, что тоже расслабился, хотя не спускал глаз с рук Сэнсэя. Сэнсэй налил в кружку минеральной воды и накрыл воду руками. От этих жестов все вновь не-

вольно напряглись, боясь уже пошевелиться, не то что слово поперёк сказать. После такого «очистительного» урагана, в первую очередь в наших мыслях, все сомнения относительно реальных способностей Сэнсэя на этот счёт словно ветром сдуло. Поэтому народ следил за происходящим, затаив дыхание.

Сэнсэй же, как обычно, сосредоточился на несколько секунд. Потом окончательно сломал трость камыша на две половинки. Окунул в кружку с водой один конец в месте перелома. То же самое проделал со второй половинкой. И соединил их в единую трость. К нашему изумлению камыш стал абсолютно целым. После чего Сэнсэй набрал пригоршню минеральной воды из той же кружки и обтёр ею всю камышовую трубку. Оставшись довольным результатом, он предложил нам проверить её на прочность.

Удивительно, при всей своей камышовой лёгкости трость оказалась прочной, как сталь. Ребята сначала пытались её осторожно поломать. Но у них даже согнуть её не получалось. От этого их азарт только распалился. Каждый уже выкладывался на полную, пытаясь разломить камыш. Но все усилия были впустую. Чего они только ни делали с тростью. И руками брали на излом, и ногами прыгали на неё. И по валявшемуся рядом стволу дерева били со всего маху. Кстати говоря, получался такой звук, непонятно чего, то ли суперпрочного пластика, то ли какого-то особого металла. В конце концов, Стас и Володя стали удерживать концы камыша, словно турник. Женька же всем своим богатырским телом повис на этой трости и стал дёргаться что было сил, пытаясь её разломить всей своей массой. Но безрезультатно. Порядочно провозившись с этой тростью, почти все потерявшие надежду её сломать угомонились и расселись по своим местам, в очередной раз удивляясь такому обрушившемуся на их несчастную логику факту. Один Женька, как Фома Неверующий, упорно продолжал свои эксперименты под шуточки ребят. Он подсел к костру, упражняясь с этой камышовой трубкой.

— Вот чёрт! — в сердцах проговорил парень, глядя на неподатливую палку.

И как только он это произнёс, трость тут же распалась на две половинки, даже без приложения к ней каких-либо усилий. Все замерли. Женька и сам растерялся, глядя то на две палки камыша, то на Сэнсэя. Но Сэнсэй лишь улыбнулся. Тогда парень, осмелев, взял одну из этих палок и с лёгкостью переломил её ещё на две части.

— Упс, — виновато произнёс он, пригнув шею.

— Вот, пожалуйста, — заявил Сэнсэй тоном, не лишённым ноток иронии, — реальный пример тому, как одна ложка дёгтя способна испортить бочку с мёдом... Поэтому Агапит и учил чистоте помыслов. Ибо одна нехорошая мысль может испортить всё.

Проговорив это с нескрываемой улыбкой, Сэнсэй продолжил рассказ о русском бодхи.

— Вообще Агапит творил много чудес. И, кстати говоря, обладал отменным чувством юмора. Нередко он подшучивал над теми, в ком явно доминировали человеческие пороки. Как-то привели к нему одного знатного купца из Киева, которого замучил недуг. Ну и купец стал сулить Агапиту всё самое лучшее, что было у него из ценностей, лишь бы тот его избавил от болезни. И при этом всё время потрясал двумя мешочками с золотниками, мол ничего не жалко. Золотники же в то время были предметом большой роскоши. Они представляли собой золотую монету, на которой с одной стороны был изображён князь Владимир Святославович, а с другой — родовой знак Рюриковичей в виде трезубца с

надписью, гласящей «Владимир, а се его золото». Эти золотые монеты были предметом гордости знатного купца, показателем его тесных связей с теми, кто стоял у рычагов управления Древнерусским государством. Не каждый тогда мог похвастаться такими ценностями. Но когда одолевает болезнь, всё теряет смысл. Купец был готов отдать и это, лишь бы вновь вернуть себе былое здоровье.

Агапит вылечил купца. Но купца обуяла жадность. А с другой стороны, сам при всех и пообещал, что отблагодарит Агапита. И решил купец обмануть Святого, положив в мешочки вместо золотых монет дешёвые серебряные резаны. Ведь никто не видел, что в них тогда лежало. Так и сделал, засунув туда для очистки совести одну золотую монету. Обрадовался, что и вылечиться ему удалось и, благодаря своей хитрости, столько ценностей сохранить. Пришёл он опять к Агапиту со своей свитой отдавать купеческий долг по слову своему. Агапит только усмехнулся, глядя на его мешочки в гордо протянутой руке, и сказал: «Я ни с кого платы не брал и с тебя не возьму. Но слово своё ты сдержишь. Выйди и раздай всё это золото нищим». Купец ещё более обрадовался и пошёл со своей свитой исполнять наказ Святого. Но когда он открыл мешочек и стал доставать эти деньги, то все монеты оказались золотыми, кроме одной.

Ну, купец расстроился, подумал, что, очевидно, мешочки дома перепутал. Но наказ Святого, данный перед своей свитой, исполнил. По приходе же домой его охватил настоящий ужас, ибо все его драгоценности и деньги превратились в дешёвые резаны. И среди груды этой мелочи он нашёл лишь один золотой.

— Хм, оказывается такие барыги ещё и в те времена были, — пробасил Володя.

— Да их во всех временах хватает, — с печальной усмешкой проговорил Сэнсэй. — Жадность — это излюбленный порок зверья человеческого. И не только среди мирян, но, к сожалению, и среди монахов. Даже во времена Агапита многие из братии монастыря, где он жил, имели любовь ко злату гораздо большую, чем к Богу, и использовали свой монашеский чин для того, чтобы из простаков выманивать деньги...

При жизни Агапита многие из них побаивались его. Хотя сам Агапит никого никогда не осуждал. После же его смерти тайные златолюбцы вздохнули с облегчением, ибо не стало рядом с ними Того, Кто не давал покоя их Совести. Впоследствии, описывая жизнь монастыря, они утаили многие истинные деяния Агапита. Пытаясь возвысить собственную значимость, приписывали его чудеса себе. Также ими было сокрыто и Учение, которое излагал Агапит, говоря истинными словами Иисуса, ибо оно перечило их желаниям власти и денег. А народную славу о монастыре, которую он приобрёл благодаря Агапиту и его ученикам, использовали для своего обогащения, изобретая всё новые и новые способы заработка денег и достижения своих политических целей.

А по большому счёту, святости у этих чудаков, которые присвоили чужой труд, не больше, чем у скупого торгаша на рынке. — И вздохнув, Сэнсэй произнёс: — Люди остаются людьми, какую бы одежду они ни надели... Хотя Агапит среди всех, кому людской ум присваивал святость, действительно был истинно Свят, ибо в нём пребывал сам Дух Святой.

Водрузилось недолгое молчание.

— А когда умер Агапит? — поинтересовалась Татьяна.

— В октябре 1095 года.

— А Антоний? — спросил Виктор.

— В 1073 году... Кстати, перед смертью Антония произошёл довольно необычный разговор между находящимся при смерти Антонием и Агапитом, свидетелем которому стал молодой послушник, ухаживавший за Антонием. Именно он, в последующем уйдя на Афон, оставил там запись об этом событии в своих воспоминаниях. Так вот, когда зашёл Агапит, Антоний лежал в полубреду, продолжая шептать одну и ту же молитву, которая до слуха послушника долетала лишь отдельными словами. Агапит посмотрел на Антония, улыбнулся и добавил к его словам: «...И молю Тебя о спасении души своей. Да будет воля Твоя святая...» При сих словах Антоний вздрогнул и открыл глаза. Взгляд его, встретившись с Агапитом, просиял. Он начал хрипло повторять: «Гавриил! Гавриил!» И протянул к нему руки. По старческим щекам потекли слёзы. Агапит, подошедши, взял его за руки. Антоний же в упоении проговорил: «Бог мой, Агапит, это Ты! Как же я раньше не узнал Тебя? Как же я был слеп в сиянии лучей Твоих?!» Он начал поспешно бормотать, словно боялся не досказать всё, что чувствовал в этот момент в своей душе. Он говорил о своей юности, о старце, давшем ему молитву, о том, что всю жизнь ждал Его, а тот, оказывается, был рядом. И теперь, не успев встретиться, им предстоит расставание. На что Агапит ответил ему: **«Ты всю жизнь был подле меня здесь. Неужто ты думаешь, что там Я покину тебя? Ежели при жизни сей ты пребывал в непрестанной Любви к Богу, кто нынче отлучит тебя от плода сего райского, что сотворил ты верой и сердцем своим. Не оскудевала вера твоя в мгновениях земных, не поддавался ум на соблазны тлена, к добру совесть чисту имамши. И доселе ты не просил у Него нечесоже, окромя спасения души своей, словеса молитвы душою глаголя. Душу распахнул ты навстречу Богу, ныне и Бог распахнул перед тия Врата Свои. Так насладись благодатью Божьею. Истинно тебе говорю, что при жизни сей ты обрящил сокровище вечное — царствие Господне, куда Я тебя и провожу».**

Агапит и Антоний прикрыли глаза. Пока Агапит своими устами беззвучно шептал молитву, Антоний с блаженной улыбкой на устах сделал последний вздох. И душа его в сопровождении Духа Святого отправилась в кущи райские. Ибо в сей момент сам Архангел Гавриил молил о нём.

Сэнсэй задумался, а потом сказал, пожав плечами:

— Хотя я не понимаю, почему они разделили на множество целое... А, ладно, — слегка махнул рукой Сэнсэй. — Им же с этим жить. — Затем, словно очнувшись от своих размышлений, он стал рассказывать дальше: — Ну так вот, когда умер Антоний, то по настоянию Агапита тело оставили в келье. Причём пока был жив Агапит, тело Антония лежало словно живое, даже необычное благоухание исходило от него...

А вот после смерти Агапита произошла ещё более необычная история. Как я уже говорил, ещё при жизни у Агапита было достаточно людей, которые завидовали его популярности среди народа. И когда Агапит предсказал день своей смерти...

— Предсказал день своей смерти? — удивлённо переспросил Руслан. — Разве такое возможно?

— Конечно, тем более для Агапита... Агапит был Бодхисатвой. Для него Смерть не была проблемой, в отличие от обычного человека, кувыркающегося в реинкарнациях. Он, как бодхи, мог в любой момент выйти из тела. Но по правилам пребывания среди людей, Бодхисатва обязан полностью прожить свою жизнь в теле, какой бы она ни была, короткой или длинной. Ну а рассчитать, когда в теле закончится Прана, для него было не так уж и сложно...

— А-а-а, — протянул Руслан.

— Так вот, когда Агапит предсказал день своей смерти, к этому дню стали готовиться не только ученики Агапита, внимая его последним духовным наставлениям, но и его недруги. Они решили после смерти Святого вывезти тело из монастыря и закопать где-нибудь подальше в глухом месте, дабы никто и никогда не смог его отыскать. Но сразу реализовать этот план у них не получилось, так как после смерти Агапита слава о нём не увяла, как они рассчитывали, а наоборот, многократно приумножилась. К его телу началось массовое паломничество. Прошло четыре месяца, а тело Агапита лежало нетленным, словно он умер только вчера. Поток людей не прекращался. И поэтому недруги, съедаемые своей ненавистью и непомерной завистью к Святому, решили выкрасть тело Агапита.

К этому событию они тщательно подготовились, продумав план и задействовав в нём преданных людей, двое из которых были монахами. В решающий день двадцать четвёртого февраля, если считать по новому стилю, несмотря на сильный мороз, их люди весь день жгли костры и выдалбливали могилу в выбранном глухом месте, недалеко от глубокого рва. И в ночь на двадцать пятое февраля им, наконец, удалось реализовать задуманное. Но когда исполнители этого поистине варварского повеления, выполнив свою «чёрную работу», возвратились к утру в монастырь, они застали большой переполох. Но этот переполох был отнюдь не из-за пропажи тела Агапита, как они предполагали. Оказывается, кто-то из братии обнаружил... тело Агапита, однако не лежащим, а сидящим в своей келье в необычной позе. Причём перед телом находился пергаментный лист, на котором свежими чернилами почерком Агапита была аккуратно сделана странная надпись.

Те же, кто лично закапывал буквально недавно тело Святого, ужаснулись вдвойне. Их было трое. Причём двое из них были те самые монахи, которые по приказу высших чинов непосредственно выкрали тело Агапита в эту ночь, сбросили его в могилу, закопали землёй и замаскировали то место. Так вот, именно с ними случилось в этот момент следующее. Один, увидев сидящего Агапита, сошёл с ума. Второй же навсегда потерял сон. Весь остаток своей жизни он так и не сомкнул глаз, усердно замаливая свой грех. Впоследствии этот монах стал самым яростным последователем Агапита и самым ревностным хранителем его тела. Третий же соучастник из мирян поспешил осведомить тех, кто нанял его для реализации этого коварного плана. Вместе со своими «заказчиками» он вновь поспешно вернулся на то место, где был спрятан труп Агапита. Вскрыв могилу, они убедились, что она была пуста. Никаких посторонних следов на снегу вокруг могилы не было. Тело просто исчезло из могилы и непостижимым образом появилось в келье. После этого случая никто уже не посмел прикоснуться к телу Агапита.

— А что там было написано, на том листочке? — поинтересовался Костик.

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся и, не ответив на его вопрос, сказал:

— Кстати говоря, этот листочек обладал необыкновенной силой и до «изъятия» долгое время его использовали тайно. Когда пергамент закладывали за икону, она начинала мироточить, и от неё чудесным образом исцелялись люди. А когда...

— А почему использовали тайно? — перебил рассказ Сэнсэя своим вопросом Руслан.

— Потому что хотели сокрыть от людей надпись, оставленную Агапитом.

— А кто и почему «изъял» этот листочек? — в свою очередь осведомился Стас.

— Это отдельная история и данной темы не касается. Скажу лишь, что это временное «изъятие» пергамента Агапита из людской среды было связано с опасностью его окончательной утраты из-за зависти и глупости человеческой.

— Ну а всё-таки, что на нём такого было написано? — продолжал упорно расспрашивать Костик.

— Правда, — ответил Сэнсэй и продолжил свой рассказ о необычной духовной силе пергамента Агапита.

В это время мне в голову пришла, как говорит Костик, «гениальная идея». Вот бы было здорово, если нарисовать портрет самого Агапита (тем более у моего дяди есть знакомый, который участвовал в восстановлении истинного облика Святого) и вложить этот листочек за портрет, если, конечно, его бы удалось отыскать. Тогда, наверное, портрет приобрел бы необыкновенную силу. Потом отдать его в Лавру. И пусть он там будет доступен всем, всем, всем! Сколько людей смогло бы тогда излечиться, обрести надежду, укрепиться в вере! Ведь я сама совсем недавно прошла через этот ужас внутреннего смятения, когда твоя жизнь висит на волоске, а ты не в силах ни спасти себя, ни понять, зачем же ты жил на этом свете. Мне ли не понять того, кто страдает и ищет в жизни настоящие ценности для своего духовного спасения. Болезнь заставляет человека задумываться о смерти, а смерть — о Боге. А поиски Бога сталкивают с неожиданными людьми, обстоятельствами, которые круто меняют судьбу, открывая совершенно неизвестную сторону реальности.

Эти мысли меня настолько вдохновили, что я стала мечтать, как хорошо бы было воплотить эту идею в жизнь. И если с обликом Агапита проблем бы не было (дядя бы мне помог), то с пергаментом Агапита... Где же его искать на этом белом свете, если он был «изъят из людской среды»? И тут Сэнсэй, продолжавший свой рассказ во время моих бурных мыслей, неожиданно замолчал, пристально посмотрев на меня. А потом как-то по-доброму произнёс:

— ... *Нет ничего невозможного для жаждущей души.*

Я так и не поняла, что это было. То ли, судя по его взгляду, он отвечал на мои мысли, то ли это он так закончил свой рассказ, который я, к сожалению, из-за своего мудрования прослушала. Но, так или иначе, я не решилась переспросить его при всех по этому поводу. Тем более в этот момент Николай Андреевич поинтересовался:

— Говорят, там, в Печёрских пещерах какой-то особый микроклимат, поэтому мощи нетленны. Это что, какое-то особое свойство местности?

— Особое, — подчеркнул с загадочной интонацией Сэнсэй. — Но фокус в том, что не все мощи лаврских пещер были нетленными. Там есть множество останков, которые разложились как тела обычных покойников.

— А что такое «мощи»? — внезапно выдал свой несколько запоздалый вопрос Руслан.

— О, проснулся! — хмыкнул Женька.

Все засмеялись, но Сэнсэй ответил вполне серьёзно.

— В древнерусском и славянском языках «мощи» означали кости. Но раньше было два понятия «мощи» и «тело». К примеру, об одних святых люди говорили, что он «лежит мощами», а о других, что он «лежит в теле». Раньше в Древней Руси «нетленными мощами» называли просто нераспавшиеся кости. Были случаи и естественной мумификации тел. Это уже в наше время церковь одинаково стала именовать «мощами» как кости, так и мумифицированные тела святых, как говорится, не делая особого акцента.

— А почему? — прорвало Руслана на расспросы.

— Ну как почему? Объявят, к примеру, какое-нибудь высокодуховное лицо, занимавшее при жизни высокий пост в религиозной структуре, святым после смерти. А он взял и сгнил, несмотря на то что был, к примеру, похоронен в Лаврских пещерах, как ты говоришь, с особым микроклиматом, — обратил он внимание Николая Андреевича. — Но не брать же свои слова обратно, народу уже объявлено о святости. Вот и выкручивались как могли, сглаживая некоторые моменты в истории, чтобы не вызывать среди паствы смуту. Вон, к примеру, как это произошло с Феодосием.

— А кто такой Феодосий? — совсем осмелел Руслан.

— А что произошло? — подключились уже и мы.

— Феодосий? Это самый большой анекдот в истории прославления русских святых. Феодосия Печерского называют отцом русского монашества, — с усмешкой проговорил Сэнсэй. — Его преподносят как идеал иноческого жития, а всех русских иноков причисляют к детям его. Но в этом ложном прославлении нет вины нынешних духовных пастырей, ибо они опираются на дошедшие до их времени «исторические документы», которые во многом не являются достоверными. Я не имею в виду факт самих документов, а содержащуюся в них информацию. Корни этой подмены таятся гораздо глубже и уходят как раз в эпоху Агапита.

В те времена молва о деяниях, чудесах, излечениях Агапита распространялась очень быстро. Народная молва постоянно твердила: как учил Агапит, как говорил Агапит, как делал Агапит. Ну кому из тогдашних духовных пастырей «стада» могло понравиться, что какого-то простого монаха народ чтит больше, чем его высокодуховную персону? Так что некоторые высокопоставленные лица ещё при жизни Агапита питали к нему чёрную зависть. Однако предпринять что-либо против него, как я уже говорил, боялись. Поскольку даже их попытки с отравлением истинного Святого не удались. Агапиту это нисколько не повредило. Так что его сильная личность, народная слава, необычная сила, которой он обладал, и свободомыслие наводили ужас на власть имущих. Не в силах уничтожить Агапита ни физически, ни морально они стали действовать по-другому. Они решили в противовес Агапиту выставить своего кандидата для народного почитания и, по возможности, провести его официальную канонизацию.

Выбор пал на уже умершего к тому времени игумена Феодосия, который, кстати говоря, был не первым игуменом монастыря и далеко не идеальной личностью в кандидаты святого. Однако его образ ближе всего был по духу тем златолюбцам, кому мешал Агапит зарабатывать деньги на имени Божьем.

Для реализации этого замысла срочно стали составляться «летописные своды», «Житие». Так уже в 1078-1088 годах появились тексты «Жития преподобного Феодосия Печерского», где о реальной жизни Феодосия было помещено, по сути, мало информации, но зато приписок хоть отбавляй. Так появились в 1077-1088 годах и записи Никона «Великого», коим в монашестве был прозван Илларион, которого в своё время сместили с митрополичьей кафедры в Софийском соборе за златолюбие. Он тоже был непримиримым к славе Агапита. Позже, в 1093 году, эти записи были дополнены игуменом Иоанном. И уже на основании этого стал писаться Патерик, а также «Повесть временных лет» в 1113 году, то есть через восемнадцать лет после смерти Агапита. Но даже «Повесть» позже неоднократно редактировалась, и в неё вносились поправки.

Так в 1116 году игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр что называется основательно переработал тексты «летописи». Кстати, именно он интерпретировал упоминание и об Андрее Первозванном. Там, где было написано, что Андрей Первозванный пришёл возложить в той земле семя — ношу Христову, Сильвестр, перерабатывая этот материал, уже написал его со своей точки зрения, описывая «ношу» как крест, а «семя» как веру. А поскольку именно его записи дошли до потомков, то по ним получается, что Андрей Первозванный, пребывая в Киевских землях, водрузил на горе крест, благословляя ту землю, и предрёк, что на ней воссияет благодать божья.

— А до тех потомков дошло прямо как в той детской игре про «глухой телефон», — усмехнулся Женька. — Вместо «семя» — «племя», вместо «ноши» — «наши рожи».

— О то ж, — вздохнул Сэнсэй. — Так вот, в 1091 году решили в дополнение ко всему откопать мощи Феодосия и выставить на поклонение в Успенский собор. Но когда вскрыли келью Феодосия в Дальних пещерах, где он был похоронен, оказалось, что мощи его сгнили. А уже был объявлен день торжественного перенесения мощей Феодосия в собор. И чтобы утаить этот казус, стали поспешно вскрывать другие могилы в пещере. И опять же, кто участвовал в этой аванюре? Марк, за что его потом и прозвали Гробокопатель, один помощник-монах, да Нестор, позже названный Летописцем, которого, собственно говоря, и поставили возглавлять эту «весёлую компанию». Наконец, к их радости, они нашли хорошо сохранившееся мумифицированное тело затворника, одного из первых учеников Агапита. И уже на следующий день его останки торжественно выдали за останки Феодосия. Они даже не знали, чьи это были останки. А останки эти были не простые. Человек, которому они когда-то принадлежали, истинно ушёл в Нирвану, или, говоря христианским языком, — он попал в рай, ибо ещё при жизни своей он смог победить смерть и выйти из круга реинкарнаций. Звали же этого монаха Доброслав, или как его по-дружески называл Агапит и его ученики — Добрыня.

— А сохранились эти остатки сегодня в соборе?

Сэнсэй усмехнулся.

— Нет, конечно. Справедливость всё-таки восторжествовала. В 1240 году Добрыня был избавлен от глумления. Во время нападения хана Батые его останки были изъяты Межанами и перенесены в более достойное для него место.

— Межанами? Это кто такие? — любопытно спросил Костик.

— Межанами — это люди, имеющие доступ в Шамбалу и общающиеся непосредственно с Бодхисатвами Шамбалы.

— А затворник, это как понять? — в свою очередь поинтересовался Андрей.

— Затворник — это монах, который добровольно поселялся в небольшую пещерную келью, обустроивая её так, что она соединялась с подземным коридором лишь узеньким окошком, служившим впоследствии для передачи скромной пищи. Зачастую затворник ограничивался водой и хлебом и то не каждый день. И там он жил и молился до своей смерти.

— Ничего себе! — вырвалось у Костика. — В полной темноте и одиночестве?

— Естественно. В отречении от всего земного.

— А зачем? — искренне удивился парень.

— Это один из путей достижения Нирваны.

— Не-е-е, я бы так не выдержал, — отрицая, покрутил головой наш «Философ».

— А я бы попробовал, — высказался Андрей.

— Ты думаешь это так просто? — проговорил Сэнсэй. — Для того чтобы браться за технику затвора, надо научиться хотя бы элементарному — контролировать свои мысли... Ведь человек не просто затворял себя в пещере в полной темноте, молясь Богу. Вначале он обучался специальной технике дыхания, потом умению контролировать мысли, переводить их в стабильное состояние агатодемона, то есть положительной мысли. И только потом затворялся, последовательно выполняя ряд определённых медитаций, которые выводили его на соответствующий уровень от простого к сложному. И, в конечном счёте, человек осознанно уходил в Нирвану, к Богу, то есть вырывался из цепи реинкарнаций. Всё это не просто так. Хотя, — Сэнсэй пожал плечами и задумчиво произнёс: — в духовном плане это слишком лёгкий и простой путь, так, для лентяев. Проще всего уйти от людского мира, став монахом-затворником. Другое дело жить в мире и через созидание добра, находясь среди людей, уйти к Богу. Вот это я понимаю! Сложно, но зато действительно ценно. — И вновь возвратился к теме беседы. — А техника затвора — это очень древняя техника, которая практиковалась с незапамятных времён. Агапит поведал её своим ученикам как сокровенное знание. Но в последующем эта техника была утрачена, поскольку последний, кто истинно ею владел, просто не нашёл достойного среди людей, кому бы можно было доверить эти знания.

Многие, пытаясь подражать ученикам Агапита, пробовали самостоятельно затворяться, абсолютно не владея знаниями этой практики. В результате они просто или не выдерживали затвора, или сходили с ума. Это естественно. Ведь если человек не умеет справляться со своими страхами, негативными мыслями, если у него идёт постоянная доминация какодемона, то есть отрицательных мыслей, то в затворе это усугубляется многократно. Неподготовленному человеку перенести затвор практически невозможно.

Наступило недолгое молчание.

— Так что же получается, Нестор немного слукавил? — спросил Виктор.

— Он писал то, что ему поручили вышестоящие сановники. Нестору было дано задание подготовить книгу «Жития» Феодосия к канонизации. Проще говоря, создать образ для поклонения. Значит и писать о нём нужно было соответственно, на должном уровне. Ну, Нестор и написал. Чуть-чуть взял из реальной жизни Феодосия, а остальную его «святость» дословно списал. Автор же не был очевидцем реальных событий. Когда Феодосий пришёл в пещеру к Антонию в 1056 году, Нестор в это время ещё, как говорится, в пелёнках песни распевал. Поэтому именно Нестору и дали задание написать этот труд, приставив к нему некоторых последователей Феодосия из старых иноков, захвативших времена его игуменства, так сказать в помощь, чтобы как можно «правдивее» была история.

— Вот так и верь «истории»! — усмехнулся Женька.

— А что ты хотел? Всё не так просто. Тогда Церкви понадобился образ первого на Руси преподобнического жития. Вот они и взяли игумена Феодосия за «особые заслуги». Не Агапита же было им брать?! — просмеялся Сэнсэй. — Нужен кто? Игумен. Вот Нестор и постарался. Взял чуть-чуть из реальной жизни Феодосия, касательно частично его детства, юности и жизни в монастыре, а остальное по наущению «отцов» дословно скатал из разных «Житий» греческих и палестинских святых. На Руси тогда уже имелись переводы и древних патериков, и аскетико-учительных трактатов, и аскетических житий. Особо были любимы и читаемы жития греческих святых, таких как святого Антония, Феодора Студита, Феодора Эдесского, Иоанна Златоуста. Менее известны, но в полном своде были «Жития» палестинских святых VI века, о которых писал Кирилл Скифопольский. Это жития Евфимия Великого, Саввы Освященного, Иоанна Молчальника, Феодосия Киновиарха. Короче говоря, было из чего выбирать в создании нового образа.

Нестору, к примеру, особо приглянулись жития святых Евфимия и Саввы. Поэтому образ нового Феодосия вышел во многом как и Саввы, причём иногда с использованием в тексте дословных выдержек. Духовные подвиги выписал из восточной аскезы, добавил некоторые элементы из жития святых, и вот вам образ великого Феодосия, отца русского монашества.

Хотя сам Феодосий был далеко не таков, как его преподнесли. У него действительно было трудное детство в богатой семье. В 13 лет умер отец. Мать постоянно была. Психика у парня — совершенно неустойчивая. Короче говоря, был слабаком, который старался угождать более сильным. И когда он пришёл к Антонию в Киев, в очередной раз сбежав от своей мамы, Антоний принял его по простоте своей душевной, надеясь перевоспитать. В то время в пещере вместе с Антонием уже проживала небольшая община, в том числе и Агапит, который и предупредил Антония насчёт этого «тихонького» парня: «Змею согреваешь на теле своём». Но Антоний из жалости оставил парня. Кстати говоря, Нестор этот момент прихода Феодосия к Антонию и якобы отказ Антония принять его изобразил по-своему, один в один списав с жития святого Саввы, что на самом деле ничего общего не имело с действительностью.

Феодосий же, хоть и при братии был тихоня, но внутри его бурлил «котёл кипящий» и далеко не из добрых мыслей. Феодосий, чувствуя, что Агапит видел его насквозь и ведал о тайных помыслах, ста-

рался не попадаться лишний раз ему на глаза. И после он всю жизнь испытывал внутренний страх перед Агапитом, ибо творил дела, несоотносимые с духовной жизнью.

Что предрёк Агапит об этом парне Антонию, то и случилось. Впоследствии, когда к монахам присоединился Варлаам — сын Иоанна, первого боярина князя Изяслава, по этому поводу разгорелся скандал с властью имущими. Вот тогда из всей братии именно Феодосий по слабости духа своего и стал осведомителем у Изяслава. И впоследствии подставлял Антония не один раз. В конце концов, когда Варлаам, будучи первым игуменом, пришёл к Изяславу просить земли, что над пещерами, Изяслав согласился их отдать, только с условием, что во главе их братии будет стоять угодное ему духовное лицо. Варлааму ничего не оставалось, как согласиться. В этот же год Изяслав перевёл Варлаама (которого Антоний в своё время поставил над братией, когда сам стал простым монахом) в Дмитриевский монастырь, а на его место определил «своего человека» — Феодосия. А Нестор это всё преподнёс, будто бы сама братия избрала Феодосия своим игуменом за «монашеские подвиги».

— Точно что «подвиги», — ухмыльнулся Володя. — У нас бы за такие «подвиги» шею намылили.

— С этого момента и пошло негласное разделение в Печёрском монастыре, — продолжил Сэнсэй. — Последователи Агапита стремились к духовной жизни. Феодосий же и его последователи, среди которых больше всех выделялся Никон, постригший его в монахи, к которому у него возгорелась непростая любовь, — улыбнулся Сэнсэй, — стремились использовать своё положение для собственного обогащения. Феодосий, достигший желаемого, потом так возвеличил и укрепил свою власть, что даже Изяславу не сладко пришлось.

— Да, — задумчиво произнёс Николай Андреевич. — Если дать такому человеку, как Феодосий, власть — хорошего не жди. Устойчивая депрессивная подавленность в подростковом возрасте зачастую приводит к серьёзным нарушениям в психике, к различным психопатологиям. Такой подросток слабо адаптируется среди сверстников, нередко утрачивая чувство реальности в окружающем мире. А это, в свою очередь, порождает чувство неполноценности, собственной несостоятельности и пониженной самооценки, целый комплекс страхов. Как правило, такие люди замкнуты в себе, робки и несмелы. Но как только у них появляется шанс реальной власти над людьми, вот тут-то и проявляется весь букет их психических заболеваний...

Женька послушал, послушал рассуждения психотерапевта, а потом проговорил:

— Прямо образ Чикатилы... Тот тоже был тихонький да скромненький на людях.

— А ты думаешь, откуда маньяки берутся? — серьёзно сказал психотерапевт. — Раздутая мания величия ещё не такое с людьми делает.

— Совершенно верно, — согласился с ним Сэнсэй. — Феодосий служил, в первую очередь, удовлетворению своей мании величия. В духовном же он был страшно ленив. Молитвы читал лишь для показухи. Глядя на духовную работу Агапита и его учеников, он, поучая других монахов бдеть по ночам в молитвах, сам же в это время спал, да так сладко, что его утром вечно приходилось будить. А позже представили это как потаённость его аскезы. О таких, как он, сказано Иисусом: «Связывают бремена тяжёлые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть».

Расписали Феодосия в хвалебных речах как «книголюба и просвещенного человека». Это вообще анекдот, учитывая его элементарные знания в грамматике. Зато поучать других он любил на каждом шагу, возвеличивать свою особу, чтобы ему в ноги кланялись, руки целовали, «святым отцом» величали. Это было его неотъемлемым внутренним свойством — представлять себя перед людьми чуть ли не в образе Господа Бога. А ведь Иисус говорил: «И отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах».

Причём любил поучать не только своё «стадо», но и обычных мирян, выставляя себя в свете жестокого и непримиримого сторонника христианства, вдалбливая им, что «тот, кто хвалит чужую веру, ходит близ ереси». И при этом часто повторял слова Агапита: «Бог един и единая вера в него!» Но если Агапит рассказывал ученикам о единой внутренней вере к Богу, свойственной для любого существа человеческого, стремящегося к Нему, чему, собственно говоря, и учил Иисус, то Феодосий перекручивал эти слова с позиции религии, эгоизма своего Животного начала, мол только моя вера истинна, остальные все недостойные. Особенно он любил поучать богатых, зачастую бывая у них на пирах и в гостях. Он вообще вменил себе, что его долг — это поучать князей, а их — слушать его поучения, то есть обладать властью над властью имущими. О таких людях-«фарисеях» сказано даже в Евангелии, каноны которого пытался провозглашать Феодосий: «Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих»; «Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах»; «И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!» Но там же и сказано: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья». «И не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос»...

И тут Татьяна, которую, видимо, больше всего задела слова о единой вере, промолвила:

— Что-то я не пойму разницу между словами Агапита и Феодосия о вере единой. По-моему, Феодосий был прав. Как говорила моя бабушка, надо верить только в христианство, ибо это единая вера, приводящая к Богу.

— Ну вот видишь, твоя бабушка считает это так, потому что она родилась и выросла в христианской среде. А чья-то бабушка, проживающая на Ближнем Востоке, будет рассказывать своей внучке, что единственно правильная вера — это мусульманство. Бабушка-китаянка будет уверять, что это буддизм, и так далее. Но всё это лишь внешние условности, приводящие, в конечном счёте, при полном переходе человека на позитивную волну, то есть на доминацию агатодемона (а не на поддержке агрессивного фанатизма какодемона), всё это приводит человека к одному и тому же внутреннему результату. И зачастую человек даже не ведает о тех процессах, которые происходят в нём. Он лишь начинает понимать, что такое истинная вера в Бога, чувствовать необыкновенный духовный прилив сил. То есть, все, кто истинно верит в Бога, как бы они Его ни величали, в конечном счёте приходят к одной и той же двери и переступают один и тот же порог. Сказано, что множество дорог ведут к Богу, да Врата узки.

— Нет, я, например, вроде так всё понимаю, — стал рассуждать Костик. — Но если честно признаться, то по большому счёту трудно во всё это поверить... Но вот хотя бы о том же Агапите, что в нём пребывал сам Дух Святой. Как он вообще выглядит, тот Дух Святой? И неужели это было так важно для

Руси? И почему до сегодняшнего дня я нигде об этом не слышал и не читал? Почему до нас дошли именно те истории, которые, как вы говорите, во многом перекручены? Кому же тогда вообще верить? И если есть Бог, то почему он допускает, что над святыми издевались, Христа распяли, про Агапита правду скрывали...

Сэнсэй устало вздохнул и спокойно ответил:

— Не пытайся понять дела божьи, кои во многом скрыты от людей. Это равносильно попытке муравья проглотить слона. Человеческий мозг очень ограничен. Человек не воспринимает элементарного: как он слышит, как он видит, как он думает, как живёт и кто он вообще есть на самом деле. Он даже не знает, по большому счёту, что такое смерть. Я уже не говорю о том, что он не может понять своим ограниченным мозгом, что такое бесконечность Вселенной. Единственно, что может человек — это верить или не верить.

— Нет, ну как это верить или не верить? — возразил Костик, втянувшись во вкус спора. — Для любой веры нужны доказательства, в том числе и веры в Бога!

— Доказательства, говоришь?! — голос Сэнсэя словно изменился. — Подойди к зеркалу и внимательно посмотри на себя. И если ты веришь, что ты случайное соединение аминокислот, приведшее, в конечном счете, к мутации обезьяны, из-за которой она стала разумной, тогда зачем тебе искать Бога? Пойди на рынок, купи банан и наслаждайся жизнью! А если с этим не согласен и веришь, что ты чудесное творение Бога, то как ты можешь требовать от Бога доказательств Его существования?! Кто ты и кто Бог?

Сэнсэй говорил с такой силой во взгляде и голосе, что Костик даже невольно опешил, весь как-то съежившись и быстро потупив свой взор. Казалось, в этот момент он готов был провалиться сквозь землю. Возникла короткая пауза.

— Да уж, — проговорил Николай Андреевич, нарушая тишину. — Получается, Феодосий служил Кесарю, а Агапит — Богу.

— Совершенно верно, — ответил Сэнсэй вновь ровным привычным голосом. — Вот с тех времён и пошло разделение в Лавре. Одни монахи совершали истинные духовные подвиги, в том числе подвергая себя затвору, а другие в этот же период наслаждались своеволием, распущенностью, эгоизмом и златолюбием, обирая мирян и зарабатывая деньги за показ места свершения духовных подвигов истинных монахов, шедших к Богу... В общем, все как всегда у людей: перепоганили такое святое место своей алчностью, перекрутили всё, намутили. А ведь могло быть всё иначе. Ведь сам Дух Святой сотворил здесь свою Обитель. Эх, люди, люди...

Сэнсэй немного помолчал, а потом задумчиво произнёс:

— Так что Агапит очень сильно повлиял на Русь и не только... И, несмотря на то что это влияние носило косвенный характер, оно изменило будущий мир. Хотя это в общем-то не входило в тогдашнюю задачу Агапита как Бодхисатвы, а было больше инициативой самого Агапита. Ну, одним словом, бодхи он и есть бодхи.

Агапит заложил духовную обитель, где на протяжении всего её существования никто и никогда не подсчитывал, сколько людей исцелились от смертельных заболеваний и, слава Богу, до сих пор продолжают исцеляться. Но это не суть важное. Главное то, что многие приобрели там духовное здоровье, что гораздо важнее физического. По большому счёту, благодаря Агапиту, его мощам, в коих сохранилась целительная сила Духа Святого, Киево-Печёрский монастырь прославился в веках.

Даже взять сегодняшний день. Многие люди, из разных стран мира, принадлежащие различным религиям, и даже те, кто считает себя «атеистом», посещая Печёрские пещеры, где лежат мощи святых, больше всего задерживаются возле мощей Агапита. Почему? Потому что человек интуитивно чувствует настоящую Святость, ведь душу не обманешь. Но если бы люди знали, что имеют возможность не только просить об излечении тел, но, что гораздо важнее, просить о спасении души своей, особенно в дни пребывания Духа Святого в мощах Агапита, кои каждый год начинаются с двадцать пятого февраля и длятся целую неделю, для их душ было бы несравненно больше пользы. **Ибо нет в те дни на Земле более святого места, где может любой человек, независимо от своего вероисповедания, так близко быть с прошением своим перед Слухом Господним. И такой шанс есть у каждого человека, коим он может воспользоваться в течение семи дней в году. Ведь следующий год для него может и не наступить. Ибо кратки дни человеческие на перекрестье времён. Ибо скорбны их дела перед ликом Господним. Уж каждое мгновение людское на чаше весов. И нет для душ более важной заботы, чем жажда обрести спасение. Не в вере внешней, но в вере внутренней ключ к Вратам. Только слепец, ослеплённый прахом, его не увидит.**

Человек может дать Богу лишь свою веру и искреннюю молитву. Большого он ничего дать Богу не может. Ибо всё, что окружает человека, есть творение божье. И негоже давать Хозяину в дар его же собственность. Ведь Богу, кроме Любви и Веры, ничего от человека не нужно! Что может дать малый ребёнок Родителю своему, чтобы возрадовать сердце Его? Только Любовь свою и Уважение.

Сэнсэй замолчал, устремив взгляд в костёр. А затем задумчиво промолвил. Казалось, что он одновременно говорил всем и каждому в отдельности.

— Пока ты жив, человек, у тебя есть шанс вымолить вечность в любви божьей для души своей. И пока у тебя есть этот ШАНС, иди к Агапиту в святую неделю и моли перед Духом Святым только о душе своей. Ибо тело твоё бrenно, оно есть прах. И все заботы земные — пусты. Но помни, человек, что обещаешь перед Богом в прошении своём, — исполняй! Ибо Он, как всякий родитель, не терпит лжи, прощает, но не доверяет потом...

Оторвав свой взгляд от тлеющего костра, Сэнсэй внимательно посмотрел на нас. Глаза его светились какой-то необыкновенной силой и чистотой. И тут он произнёс:

— *Дерзай, человек, истинно говорю, как не дано тебе избежать смерти, так и не дано тебе избежать Суда Божьего.*

Возникла тишина, которую никто не смел нарушить. Начинался рассвет. Где-то мелодично запела птичка. Сэнсэй, посмотрев в сторону моря тяжело вздохнул и устало проговорил:

— Ладно, ребята, утомил я вас своими рассказами. Вам уже и отдыхать-то давно пора...

Все разошлись спать. На берегу моря остался лишь один Сэнсэй, сидя у догорающего костра. Его задумчивый взор был устремлён на Восток, где первые лучи света пробивали дорогу Солнцу, стремительно разрывая темноту ночного неба.

Изречения Сэнсэя.

- 1. Если будешь снисходителен к злу, не заметишь, как станешь равнодушным к добру. Однако, наказывая зло, надо уметь вовремя остановиться. Только так ты сможешь избежать опасности, которая таится внутри тебя. Побеждающий не гордится, не насилует, не ликует. Он побеждает... и в первую очередь самого себя. Так что наказывая зло, нужно помнить о добре.**
- 2. Люди хотят достойно выглядеть не перед Богом, не перед своей Совестью, а перед другими людьми. А вся причина этого зла кроется в желании человеческом. Ведь человек ценит только то, что хочет видеть для себя ценным. А то, чего он не хочет видеть для себя ценным, то и значения для него не имеет. Зависть, ненависть, озлобленность произрастают не от внешнего стимула, а от внутреннего корня самолюбия.**
- 3. Весь мир работает на то, чтобы вызвать у человека как можно больше желаний приобрести что-либо, чего якобы ему не хватает для полного счастья. Весь мир торгует иллюзиями. Он соткан из лжи, и нити его крепятся на зависти. Люди сами порождают иллюзию, подпитывают её своей нечистоплотностью мыслей и сами же живут в этой иллюзии, воспринимая её за настоящую реальность.**
- 4. Какую бы власть человек ни имел на Земле, он никогда не получит от неё удовлетворения, так как всё равно остается рабом своих желаний. А истинная власть есть власть над самим собой.**
- 5. Глупо давать рыбу голодному, ибо он её съест и опять проголодается. Гораздо мудрее дать ему снасти и научить ими пользоваться.**
- 6. Пока в душе живёт любовь, — разлука невозможна. Ведь главное ты знаешь, что ты любишь этого человека. Как ты можешь его утратить, если он действительно дорог твоей душе, если Память и Любовь к нему продолжают жить в тебе самом...**
- 7. Человек — временен. Смерть кладет конец старости и мучениям, освобождая от бремени бытия. Для любящих душ — это награда. Ведь по большому счёту мы не становимся другими только потому, что умираем...**
- 8. Каждый человек, по сути, не живёт своей настоящей жизнью. Он выбирает понравившийся ему образ и играет роль, причём, как правило, не одну. И настолько в неё вживается, что думает, что это и есть на самом деле его настоящая жизнь. Как любой артист, человек остаётся не удовлетворённым своей ролью и мечтает о другой роли, где он видит себя более важным. Чего бы человек ни достиг, ему кажется, что главную роль в своей жизни он ещё не сыграл. И всё время пребывает в мечтах, тешит себя этими сказками.**

9. Но не проще ли прекратить мечтать и выбрать себе в жизни роль, достойную звания Человека? И быть тем, кем ты должен быть. Чтобы, засыпая, ты был спокоен, что твоя совесть чиста. Чтобы, умирая, было не стыдно за свои мысли и поступки. И чтоб стоя даже перед Богом, как говорят христиане, на Суде Божьем, тебе было что сказать. Чтобы твоя корзина с добрыми делами была полна, а с худыми делами была пуста. Вот что значит быть Человеком. Ибо жизнь слишком коротка. И даётся она для того, чтобы человек доказал Богу, что он достоин звания Человека...
10. Стань собой, своей Сущностью. Жизнь и смерть как единый поток. В потоке движется Сущность. В движенье обретает непреходящее. Никто не может по-настоящему оценить бушующий поток, не зайдя в его во□ды, ибо это есть будущее. Никто не сможет войти в одну и ту же воду дважды, ибо это есть прошлое. Есть только движение потока, ибо это и есть настоящее. Всякая вода рано или поздно достигает своего источника и становится им, возвращаясь к первоизданной чистоте.
11. Одежда — это всего лишь частица единого процесса созидания и разрушения. Нет ничего глупее, чем угождать прихотям своей одежды. Ведь то, что есть суть её, запирает тебя в пределах своего узкого пространства, отдаляя от мира и погружая тебя в сомнения и страхи, порожденные этим отчуждением. Она заставляет тебя существовать ради её форм и внешних иллюзий, кои вид её создаёт для других, втягивая тебя всё в большие заботы о ней. Ведь каждая форма имеет свои правила. А правила — всего лишь совокупность контрастов.
- Твоя одежда имеет предел. Она изнашивается. Ты же свободен её не носить. Но, изнашив одну, ты надеваешь другую одежду. Однако, не разрушая предел, гнаться за беспредельным губительно.
12. Бессмысленно бегать за мёртвой сухой колючкой, ибо она не имеет жизни. Это мёртвое, которому нечем себя обнаружить, кроме шипов своих. Мёртвое защищает мёртвое. Мёртвое не превратится в живое оттого, что есть жизнь, а живое не станет мёртвым оттого, что есть смерть. И смерть, и жизнь от чего-то зависят, есть что-то, что их объединяет.
13. Глупо восхвалять того, кто в тебе видит всего лишь будущую пищу. Тебя привлекла высота полёта птицы. И ты последовал за ней, думая о своей выгоде. Но стремления птицы в полёте были другими. Хоть и высоко она парит над пустыней, но питается она её жертвами. Птица же, питающаяся падалью, не страдает от перемены своих «блюд». Ибо суть её гниль. Ты обманул сам себя. Ты увидел реальность и у тебя исчезли иллюзии. Но твоя реальность есть тоже иллюзия. Большая птица была всего лишь тенью перед сутью вещей. Вещи же имеют свойство рождаться в Бесформенном и возвращаться в Низменное.

14. Тот, кто полагается на внешнее, может лишь предполагать. Тот, кто полагается на внутреннее имеет достоверное знание. Тело есть тлен. Суть его прах. Ты же мог обрести Мудрость вечности. Тебе достаточно было сделать шаг. Но страх гибели тлена оказался сильнее. Тлен убежал. Ты остался в тоске, ибо Дух всегда стремится к вечности. Мудрость вечности нельзя постичь через тлена власть, ибо она превратит её в глупость. Убежать от страха — не значит спастись. Убить в себе страх — обрести безупречность. Безупречность же позволяет сделать шаг на грань. Ибо только на грани осознаёшь исток Мудрости.
15. Призрак, похожий на Мудрость, только кажется Мудростью. Пустая суета начало смуты. Тот, кто хочет казаться Мудрецом, чтобы похвалиться перед другими, печально мечется в одиночестве, мечтая о славе. Но суть его есть пустота в оболочке Эго. Когда знание приходит от незнания, тогда вопросам не может быть конца.
16. Небо и солнце вершат перемены. Они способны преображать, дабы всё живое следовало своей природе. Небо и солнце преумножают полное и уничтожают пустое. Пустыня вершит движение в покое. Она мертва, но способна рождать миражи, дабы живое обманывать своими иллюзиями. Пустыня уничтожает полное и наполняет пустое. Песчинки же в массе своей следуют за движением песка, поэтому стихии определяют их направление.
17. Ты пришёл туда, куда дано тебе от рождения. Вырос в том, что было угодно твоей природе. Достиг зрелости в том, что стало твоей судьбой. И уйдёшь туда, куда будет дано тебе от смерти. Смерть всего лишь начало жизни. Жизнь всего лишь преемница Смерти. Приход жизни нельзя отвергнуть. Уход её нельзя остановить.
18. Чужой след не похож на собственный. Следы появляются там, где их оставляют. Но сами они не являются тем, кто их оставляет. Идя по чужому следу, ты гнался за внешними образами, не ведая их внутреннюю суть. Но каждый прокладывает себе тот путь, который соответствует его истинным стремлениям. Пустыня со временем заносит все следы своими песками, дабы новый Путник не совершал ошибок прошлого. Вот почему важен свой опыт. Чтобы стать Человеком, нужно проложить свой собственный путь.
19. Стопа Человека занимает малое место в бескрайней Пустыне. Но, несмотря на это, она может ступать там, где ещё никто не проходил. Ступая же там, где ещё никто не проходил, Человек способен уйти далеко и обрести большее. Познания его разума невелики, но Человек, вверяясь Неведомому, способен дойти до Того, Кто его сотворил.
20. Его можно воспринять, но нельзя передать. Можно дойти к Нему, но нельзя постичь. Его можно Любить, но нельзя объять. Его можно понять в Начале, но нельзя познать до Конца. Ибо Он есть Тот, Кто создал всё. Ибо Он есть Созидающий своей Волей.
21. Злато есть сор для души и искушение для помыслов. Это есть скверна, которую жаждут многие, но которая на самом деле есть обман призрачный. Истинная ценность сокрыта в молитве искренней о душе своей. Не о сытости пуза своего и здравии тела нужно заботиться. Ибо сколько бы ты ни ел, рано или поздно всё равно проголодаешься-

ся. И каково бы ни было твоё здоровье, рано или поздно плоть твоя всё равно умрёт. Душа же вечна. И только она достойна заботы истинной.

22. Негоже волновать Господа о чём бы то ни было, кроме как о спасении души своей. Не о теле просите, не о здравии, не о животе заботьтесь своим, — всё сие есть тлен пустой, в желаниях ненасытный. Ибо нет прошения более достойного, чем прошение о спасении души своей.

23. Нет ничего невозможного для жаждущей души.

24. Кратки дни человеческие на перекрестье времён. Скорбны их дела перед ликом Господним. Уж каждое мгновение людское на чаше весов. И нет для душ более важной заботы, чем жажда обрести спасение. Не в вере внешней, но в вере внутренней ключ к Вратам. Только слепец, ослеплённый прахом, его не увидит.

25. Дерзай, человек, истинно говорю, как не дано тебе избежать смерти, так и не дано тебе избежать Суда Божьего.